

Николай Рерих

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

I

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

I

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

В книге “Сердце” старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: “Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака”.

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всем, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей расплескивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

“Дети, любите друг друга”, — так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца — разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристает к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горним Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи ренессанса.

“Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно”, — пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор,

но как улыбка мудрости. Именно, до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона — Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижина, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы преходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании. В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взыскует о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил: “Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами”. При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь — значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом “Творите, творите!” можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. “Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет”, — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: “Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!”. Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: “Семья, служба мешают искусству”.

“Сколько вы часов на службе?” — спрашивает художник. “От десяти утра до пяти вечера”. — “А что вы делаете от четырех до десяти?” — “То есть как от четырех?” — “Именно от четырех утра”. — “Но я сплю”. — “Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день”.

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпaska стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: “Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать”. Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину “Поход”. Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: “Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца”, — улыбаясь говорил он.

И другой мой учитель Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: “Мы становимся художниками, когда остаемся одни”.

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру — Учителя, особенно и трогательно и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В “Духовных ценностях”, в “Переоценке”, в “Огне Претворяющем” мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о

Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: “Там говорят о Несказуемом”. Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богоматери.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе. “Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного”.

В час отхождения вспоминает Будда:

“Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!”.

Каждый Боддисатва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в художестве.

Говорит рабби Гамалиель: “Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое художеством, ни к чему не приводит”. А рабби Иегуда добавляет: “Не учащий сына своего художеству, готовит из него грабителя на большой дороге”. Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. “В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры”. “Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное”.

Вспомним Музейон — дом Муз — Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: Красота спасет мир!”. Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: “Молитва земли небу!”.

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

“Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением природы”.

“Упрямая суровость” Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимую молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотой, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми

историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавад-Гита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: “Берегитесь варваров”. С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы.

“Берегитесь варваров!”

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: “Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...”

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было не легко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее “Свет победил тьму”.

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье “Мученики науки”. Должны бы быть изданы и книги “Мученики духа”, “Мученики искусства”, “Мученики творчества”.

Жизненные драмы Ван-Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу “Строители Америки”, сколько прекрасных, убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор,

Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд — целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилимся сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлл Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

“Признательность есть добродетель больших сердец”. Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые “оружия Света”, о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим “оружием Света” отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

“Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим — путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим — путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в

Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока;

“Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами и трава облечется радугою утра.
Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости”.

В Мудрости все реально — и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого “К Художнику”:

“Слух же духовный сильней напрягай и духовное зрение.

И как над пламенем грамоты тайной

Неясные строки вдруг выступают,

Так выступят пред тобою картины.

Станут все ярче цвета, осязательней краски,

Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.

Ты ж в этот миг и смотри и внимай притаивши дыханье,

И созидая потом, мимолетное помни виденье”.

Гималаи.

24-го июля 1932 года.

II

ОГНЬ ПРЕТВОРЯЮЩИЙ

“И тогда — в гремящей сфере

Небывалого огня —

Светлый меч нам вскроет двери

Ослепительного дня”.

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: “Потому что там говорят о Несказуемом”. Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его “Итальянских песен” и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, — все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

“И пожрет огонь чертоги,

Ибо злое это время”.

“Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?” — проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Ригведы, Пылающую Чашу Зороастра и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили

совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то, точно вновь открытые, Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: “Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет”. “Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет”, — пожелал Толстой моему “Гонцу”.

“Не смотри в бегущую воду”, — говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, “как можно выше” и “как можно дальше”, всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые, и сами разбиваясь в стене, стараются подсечь твердую поступь всего идущего “дальше” и “выше”. Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и “выше” и “дальше”.

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть

утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч, восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед, или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. “Ни холоден, ни горяч, но тепл”, — говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма не знающее, но сотрудник творящий Бытия — ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

“Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха”.

“Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения” (I, 481. “Знаки Агни-Йоги”).

“Три огня. Затем чаша подвига” (I, 465). Зовет к мужеству и познанию Агни-Йога.

24 января 1932. Гималаи.

III

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ

“Отойди от зла и сотвори благо”, — заповедует апостольская мудрость. В кратком завете заключено два определенных действия. “Отойди” и “сотвори”. И не тем “сотвори”, что только отойдешь. Нет, “отойди” и непременно “сотвори благо”. Одно отхождение от зла еще только половина дела. Но “сотвори”, сделай, создай благо, как противовес злу. Кратко и безусловно указано сотворить благо. Без действия, без сознания, без устремления духа не будет достижения и выполнения завета. Но как часто для самоуслаждения этот бодрый и повелительный завет

превращался в кислое и неподвижное в существе своем отхождение. Если отойдешь, то уже и благо будет. Нет, родные мои, не слишком ли легко? Для блага нужно еще всеми силами духа и тела потрудиться. Благо не орех, требующий лишь крепкого зуба. Из безмозглости, из спящего сознания благо не воссоздается. Пашня блага, с посевами и жатвами, заповедана Апостолом в истинном всезнании жизни. И еще вопрос, когда больше пота упадет, при посеве или при жатве. Тот же неустанный зов к действенному труду рассеян во всех апостольских зовах. Ведь зло в основе своей активно. Оно отошло от блага и в отхождении уже проявило сущность активности. Значит, и противовес прежде всего должен быть активен. Зло утверждает себя, ибо иначе оно не привлечет к себе. Также утверждает себя и добро и благо, ибо без дел оно мертво.

Не сражение со злом, не возвеличение этим врага заповедует Апостол, но творческое создание блага. Свет не борется со тьмою, но сожигает, вытесняет ее. Но для такой победы требуется поступательная скорость света. И какая скорость и неудержимость!

Апостол заповедует благородное сопротивление злу созданием массы блага, которая, подобно свету, прободает и рассеет любую тьму зла. Конечно, без сопротивления и поступательного действия зло неминуемо будет догонять отступающее благо, ибо полно все пространство. Отступая, мы увеличиваем поле врага.

Как же определить зло? Восточная мудрость указывает так: “Противостояние злу является одним из основных качеств ищущих Иерархию. Не физические свойства дадут упорство перед злом, но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла. Но как понять зло? Конечно, оно прежде всего разрушение. Но ведь замена ветхого дома новым и лучшим не будет разрушением. Значит, разрушение есть разложение, приводящее в аморфное состояние. Такому разложению надо уметь противостоять. Нужно найти силы духа превозмочь боязнь, свойственную непротивлению злу. Так пусть готовятся к противостоянию злу”.

Та же мудрость предостерегает: “Разве мало землетрясений? Разве мало крушений, бурь, холода, жара сверхмерного? Разве не поднимался Крест огненный? Разве не сияли звезды в дневное время? Разве не пылала огненная радуга? Разве мало знаков умножившихся? Но человечество не хочет знать явлений перед явным среди хаоса. Так не будем настаивать на зрячем знаке, когда сомнение ослепило людей. Но среди слепых и глухих находятся дети Огня. К ним мы посылаем знаки, чтобы узнавали наступление Света”.

И так опять без осознания происходящего, без действенности мы снова будем подпадать под зло. Опять будем соприкасаться с бессмысленным разрушением, с отвратительным возвращением к аморфности, непроявленности.

Кто имеет право — возратить проявленное величайшим творчеством во тьму непроявленного? Кто же может гасить свет во имя тьмы?

И не указано ли действиями оформливать и углубить сознание свое? Без сознания как же пойдем, где благо? Сэр Джинс замечает, что если дать обезьянам пишущие машины, то, может быть, в миллион лет они в непрерывной, случайной стукотне выстучат и сонет Шекспира. Но какова будет ценность этого бессознательного стука?

Слепой стрелок, пускающий в пространство стрелы, тоже может иногда получить добычу, но он-то не будет участвовать в этом успехе.

Миллионы лет разбрасывает человечество стрелы в пространство, но из них лишь немногие посылаются сознательно во благо. И потому велико смятение и саморазрушение, вместо вытеснения тьмы. По совести признаемся, разве облегчило или разрешило человечество житейские проблемы свои? Наоборот, все задолжали и материально и духовно; все перезаложилось так, что даже и не установить, где конец и начало перезаклада всемирного. Даже материально люди утратили учет своего достояния, ибо подвергли его бесчисленному количеству ими же

измысленных нагромождений. Точно деловой контракт, в котором хотели механически предусмотреть все условия и среди перегружений изложили вместо четырех четвертей — пять четвертей в одном целом. Без осознания блага теряется смысл начертаний.

Что же есть благо? Если зло есть разложение и аморфность, то благо должно быть созидание, творение, всепонимание общей пользы. Та же мудрость заповедует: “Трудись, твори благо, чти Иерархию Света. Этот завет наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь чистое сердце”.

И еще: “Скажу изуверам и ханжам о предательстве. Они полагают предательство лишь в тридцати сребрениках, но забывают, что оно в каждой хуле и поношении. Не следует думать, что злобное слово не будет предательством. Именно часто злоба неотделима от предательства и клеветы. Одно черное древо питает эти позорные ветви. И следствие будет так же черно, как черны корни позора. Нужно отучиться от ужаса злобных слов”.

Так отграничивается тьма зла от творящего блага.

В технологии есть очень занимательная глава о сопротивляемости материалов. Можно легко переложить эти вычисления на язык человеческих соотношений и получить поучительные заключения о жизненности сопротивляемости. Кто хочет умереть, тот легче всего и умирает. Жизненность — в цельности, в движении, в наполнении пространства. Наполняя пространство благом, посылками и мыслями блага, мы получаем космическую поддержку нашему сопротивлению злу. При нагнетении этом получается энергия безгранично возрастающая. Поэтому благотворчество есть наиболее достойное и практичное занятие. И сколько возможностей и больших и малых, измеряемых и неизмеряемых заключает в себе благотворчество. И сколько чисто медицинских решений несет в себе профилактика блага. Кроме того, в существе своем благотворчество, как энергия поступательная, устремляет нас неудержно вперед. В этом священном наступлении никакая тьма не страшна.

Не забудем, что та же апостольская мудрость, которая говорит о “духе утешителе”, она же утверждает и “возмущение духа”. Без этого священного возмущения не возмутятся воды и не последуют исцеления.

Вы знаете, что самую действительною защитой в ночное время от леопарда и тигра будет мощный электрический фонарь. Слепленное исчадие тьмы в ужасе отступает и скрывается, если волна света безбоязненно направлена в глаза. Еще более могучий свет излучает сердце человеческое. Пронзает тьму этот луч, если возмущение духа послало его непреложно, без серых сомнений.

“Смертный глаз” Йога безошибочен, если он защищает Благо. Но Йог и не будет Йогом, если он в благое пошатнется. Главное же, не потушить “электрический” свет сердца нашего. Перед этим сиянием отступят все исчадия тьмы. Отступят и соберут на себя все то, что сами готовили против Блага. Сопротивление злу будет тем благородным действием, которое заповедано высшим Учением. Из благородного нагнетения энергии рождается та возвышенная утонченность, которая является основанием Культуры.

Кейланг. 1931.

IV

ПЕРЕОЦЕНКА

В дальних горах доходят четыре номера газет. В одной читаем о закрытии более двух тысяч банков в Соединенных Штатах. Другой говорит о падении мощного Женевского банка. В третьем узнаем о крахе большого Дармштадтского банка и закрытии банков в Германии. Последняя газета сообщает о закрытии банков в Австрии и в Венгрии. Наконец приходит весть о падении золотой валюты.

Так, так, не приходится ли нам вспомнить, что мы писали десять лет тому назад о грудах “бесценных” в буквальном смысле банкнот. Не приходится ли нам опять вспомнить рассказы из времени первой революции в Германии и России, когда люди, обладавшие колоссальными бумажными состояниями, к ужасу убеждались, что их сокровища поистине бумажны. Когда вместо того, чтобы затрачивать деньги на пивные ярлыки, предприниматели предпочитали наклеивать на бутылке крупные бумажные ассигнации. Ведь это все не сказки, но знаки жизни. Но даже во время этих бумажных разоружений старик Рембрандт не выдал собирателей. И никому не приходило в голову оклеивать пивную бутылку оригинальными рисунками художников. Так даже в самое тяжкое время сущность человеческая не забывала о том, где заключены истинные, неповторяемые ценности. Может быть, помнило человечество об этих ценностях как в дреме, смутно, тяжело, преодолевая все наследия предрассудков и невежества; но все-таки помнило оно о ценностях, и даже самые отрицательные типы, хотя и замалчивали, но редко дерзали выступать против того, что слагает весь смысл человеческой жизни.

Еще недавно было время, когда человечество прониклось необыкновенным почитанием и уважением к банкирам. Их даже стали выбирать в состав правительств. Правда, эти правительства были недолговременны и уходили в бесследное забвение. Пусть не думают финансисты, что сказанным мы выступаем вообще против них. И среди них мы знали достаточное количество людей очень культурных, уделявших значительное время вопросам просвещения. Но нужно не забыть, что эти культурные деятели финансового мира очень быстро начинали звучать на истинные ценности. Помню, как один из них говорил мне: “А все-таки хотел бы я иметь зятя собирателя Искусства, в конце концов это вернее”.

Конечно, когда мы говорим о собирательстве, мы также должны отличать внутренние качества его. Именно, мы не имеем в виду просто покупателей предметов Искусства, которым нужно показать свое внешнее благополучие известным порядком расстановки мебели и прочих безделушек, которые им приносят на дом услужливые антиквары. Конечно, мы имеем в виду истинных собирателей, которые складывают сокровищницу свою во имя прекрасного, во имя повелительных требований воскресшего духа своего, внося развитие своей индивидуальности в состав собрания, таким образом являясь истинными сотворцами. Перед такими держателями ценностей надо снять шапку.

Можно лишь пожелать, чтобы для таких собирателей все житейские бури проходили не только бесследно и безвредно, но пусть каждое смятение невежества даст им новые возможности и новую бодрость.

Мы не можем уследить законы жизни художественных творений. За пределами кажущихся случайностей мы опять встречаемся с великою космическою Справедливостью. Среди ослепляющих белоснежных вершин трудно понять, которая из них выше и прочнее, но каждая из них подвержена незыблемым законам; так и в творениях рук человеческих. Кто же может уследить сложнейший комплекс наслоений условий творчества? Но не нам и судить их. Нам нужно лишь радоваться и возвышаться духом, приближаясь к этим прекрасным построениям. Мы должны заботливо охранять существование их, ибо мы не можем мыслить подобно утешавшим себя: “После нас хоть потоп”. Мы ответственны за эти творческие находения. Кто-то мне возражает, говоря: “Мы это уже знаем”. Нет, миленький, не знаете и не претворяете этого ценного знания в жизнь, тем хуже для вас. Для вашего облегчения мы хотим думать, что вы не знаете этих ценностей. Но если вы упорствуете в том, что вы издавна все это знаете, тогда с прискорбием мы должны признать вас за невежду. Ведь это невежда так легко знает все. Ведь невежда с легким сердцем судит и присуждает. И невежда прежде всего легковверен и признает любую бумажную ценность, любой пивной ярлык только потому, что и дед его пил из той же бутылки; только потому, что господа в лоснящихся цилиндрах, дамы, ежегодно вопреки фигуре своей меняющие очертания свои, покупают те же пивные

ярлыки. Какие же еще потрясения нужны, чтобы все легковверные и легкомысленные вняли голосу сердца своего, который иногда в предрассветную бессонницу говорит им, что правда не в цилиндре и не в новом, затрудняющем ходьбу, шлейфе.

Но законы жизни куют непреложную эволюцию. Величайшее счастье видеть, как вопреки всем предрассудкам и суевериям жизнь складывает свои ступени и выявляет смысл творческого труда.

Говоря о переоценке ценностей, мы, может быть, употребляем недостаточное выражение. Следует сказать просто оценка ценностей, ибо при переоценке мы как бы признаем за ценности то, что, в конце концов, никогда и не было ценностями.

Как поучительно изучение истории, в особенности же такой, где мы можем освободиться от предвзятых, навязанных идей и очистить свое мышление для свободного понимания. Еще и еще раз вспомним, какие именно памятники, какие именно действия запечатлевают и передает в наследие поколениям История Мира. Именно эта беспристрастная История давным-давно дала нам истинную оценку ценностей. Нам нечего выдумывать и нечего кичливо шептать об измененных условиях существования. Ценность сердца, ценность прекрасного, ценность познания всегда тождественна и драгоценна. История не хранит пивных ярлыков и неустанно во всех трогательных символах преподает нам о том, где истинная, незыблемая ценность. Каждое сведение наших газет о потрясении условных “ценностей” есть не что иное, как новый стук судьбы в дверь. Помните эти настойчивые стуки судьбы в симфонии Бетховена. Так же неумолимо будет стучаться Космическая Справедливость во все двери человеческие, покуда сердце людское не откроется для радости познания истинных, несокрушимых ценностей.

Но никогда не будем кончать на сожалениях. Ведь не все люди заботятся о цилиндрах и не все преданы длине своего шлейфа. Мы знаем, что сердца великих масс человеческих стремятся от условного к безусловному. Стремятся безотчетно и часто полусознательно к заветам высших, прекраснейших учений. И не только сердце широких масс, но и детское сердце всегда открыто прекрасному, покуда оно не загрязнено умудренными житейским опытом. Вот во имя этого детского сердца, открытого к восприятию всего прекрасного, готовому к приятию истинных ценностей, мы и шлем наши лучшие мысли. И велико множество этих стремящихся, видимых и невидимых сотрудников. Потому никакие крахи тысяч банков, никакая вьюга отброшенных и сожженных банкнотов не только не встревожит нас, но наполнит сознанием светлой зари истинных ценностей.

1932.

V

СПЕШНОСТЬ ЧАСА

Подражание и заимствование являются признаками спроса, подделка есть ответ на потребность. С самого начала наших Культурных Учреждений мы не сомневались в том, что, при успехе их, мы увидим всякого рода подражания и заимствования. Таким способом человечество выражает свое внимание. В то время когда темные, некультурные силы будут явно протестовать против всего, напоминающего им ненавистное для их существования понятие Культуры, прочие элементы, желая как-нибудь приобщиться к культурным движениям, начнут подражать тому, что уже выявилось в жизни. Ограниченное мышление часто сердится на подражание и заимствование, но именно это было бы недостойным при осознании Культуры. Наоборот, нужно радоваться каждому заимствованию и подражанию. Пусть растут всевозможные радиоцентры. Пусть одни из них будут богаты деньгами, другие будут расти углубленным сознанием и огнем сердечным. Пусть каждый двигается по-своему, лишь бы избежать мертвящих ограничений.

Страшны не заимствования и не подражания, которые мы уже замечаем и

которым мы будем радоваться. Страшны те гнезда невежества, где запрещают произносить слово “Культура”, где по ограниченности ума хотели бы уничтожить всех, кто о Культуре мыслит и выражается. Прискорбно, что существуют такие окаменелые чудовища доисторических эпох, которые всеми своими темными силами пытаются повредить Культуре и тем, кто за нее. К сожалению, мы имеем доказательства тому, что такие темные силы существуют. И не только прозябают они, прикрываясь случайно доставшимся им общественным положением, но и пытаются назвать себя общественным мнением, тем самым возводя на человечество тягчайшее и несправедливое обвинение в невежестве.

Общественное мнение есть выражение народного сознания. В существе своем это сознание всегда прогрессивно, ибо именно им создавалась всякая цивилизация. Конечно, под народным сознанием мы не будем понимать только количественность, качественно оно нагнетается и выражается в меньшинстве. Но такое меньшинство как бы является выразителем скрытого потенциала человечества, и потому эти вожди, эти священные дружины Подвижников должны поистине почитаться сокровищем народа. Именно, народное сознание со временем всегда выдвигает и опирается в трудный час на этих Носителей их всенародных сердечных желаний.

Существуют особые признаки этих средоточий сердечных помыслов народа. Темные силы, в основе которых, прежде всего, заложено разъединение, разрушение, возвращение к хаосу, особенно бывают возмущены этими яркими проявлениями света. Костер Жанны д'Арк, гильотина Лавуазье, сожжение Джордано Бруно, мученичество Ипатии и все бесчисленные проявления необъяснимой ярости против героев Культуры являются верными признаками признания со стороны темных грозящей их мрачному царству опасности.

Пора иметь списки не только друзей Культуры, но и врагов ее. Забвение их недостаточно обрисовывает действительное положение вещей для истории. Мало лишь предполагать, что темные, антикультурные силы были активны, нужно знать их распределение. Вдруг среди них окажутся имена, известные в разных отраслях жизни. Такое осведомление облегчит точность будущего исторического очерка. Полезно, что история сохранила губительное имя Герострата.

Не рискуя впасть ни в труизм, ни в сентиментальность, мы должны признать, что смятение настоящего часа губительно угрожает всем культурным зародышам. По печальному обыкновению общий финансовый или материальный кризис прежде всего отражается на всей области Просвещения. Люди не дерзают сократить или уничтожить производство ядовитых газов, но с необычайной легкостью они готовы прикрыть просветительные Учреждения или, по крайней мере, срезать оплату тяжелого труда по образованию. Можно приводить множество самых прискорбных для истории человечества примеров, как уродливо нарастало количество безработных и голодающих, а в то же время уничтожалось драгоценное зерно и закрывался доступ к естественным богатствам, из-за боязни перепроизводства. Между тем само перепроизводство есть не что иное, как признак мелкого мышления и ненаблюдательности. Но условные стандарты настолько потрясены, что даже Золотой Телец — Золотая Валюта сменяется без замены каким-либо другим условным знаком. Потрясение такой твердыни условности, как золото, лишь показывает степень обуявшего смущения и смятения.

Именно теперь, несмотря на все нападения темных сил, мыслящие круги человечества должны спешно обратиться к осознанию Культуры. Всем труженикам и искателям Культуры не время допускать между собою какие бы то ни было разделения. Не время впадать в догматические рассуждения или соревновать и состязаться на спинах друг друга. Спешно время для сложения, для строительства, для собирания всего, что хотя бы отчасти, хотя бы несовершенно, но уже может мыслить и действовать во имя Культуры. Следует забыть всякие шероховатости, толчки и уколы. О том ли думать! Нужно всеми силами спешить, заменяя обветшавшие стандарты жизненными и неувядающими основами творчества и

высокого качества. Грустно видеть, как иногда несомненно могущие мыслить воедино пытаются воскресить в памяти своей какие-то омертвелые вредоносные обиды и соревнования. Тот, кто найдет в себе духовную мощь забыть все мелочи и неудобства ради общего строения, тот выразит этим наиболее насущную потребность настоящего дня. Нужды жизни, которые, может быть, когда-то могли измеряться годами, сейчас в спешности своей дошли до дня, может быть, даже до часа. Так же быстро должно измеряться и стремление к объединению всех тех, кто может мыслить о Culture; кто не отвлеченно мечтает, но чувствует в себе потенциал приложить эту творящую мысль к действию, не боясь всех звериных усмешек и отравленных стрел и палиц современных дикарей.

И так тот, кто найдет в себе силы строения и объединения, тот выразит стимул времени.

1932.

VI

СИНТЕЗ

Синтез самый вмещающий, самый доброжелательный может создавать то благотворное сотрудничество, в котором все человечество так нуждается сейчас. От высших представителей духовного мира до низшего материалиста-торговца — все согласится на том, что без синтетического сотрудничества никакое дело не может быть построено. В Culture целых государств мы видим, что там, где был понят и допущен широкий синтез, там и творчество стран шло и плодотворно и прекрасно. Никакое обособление, никакой шовинизм не даст того прогресса, который создает светлая улыбка синтеза.

Не подумаем, что сказанное есть ненужный трюизм. Именно сейчас множество понятий глубоко извращено в непонимании или в личном желании придать им какое-то случайное значение. От самых высших понятий, можно сказать, от Бога и до мельчайших наших личных ощущений — так часто все злоумышленно перетолковано, искажено.

Что же должно делать человечество в этих случаях явной порчи основных понятий? Не должно ли оно немедленно очищать их и возвращать к их естественному первоначальному значению? Ведь можно создавать совершенно новые понятия и выражения, но приклеивать к вековым понятиям новое эгоистическое обозначение совершенно недопустимо. Таким порядком жизнь вместо улучшения и оформления будет приходить в нестерпимый хаос, в то смешение языков, о котором так символически повествует Библия во образе Вавилонской Башни.

Конечно, все прогрессирует; жизнь нуждается в новых определительных для новых открытий и порожденных ими обстоятельств. Мы имеем новые названия лучей, газов, разных энергий и планет и всего того, что не было известно дню вчерашнему. Будем создавать эти новые обозначения, заботясь о том, чтоб они были и выразительны, и звучны, и прекрасны. Может быть, создастся какой-то совсем новый язык. Пусть будет так, во вмещении поймем и его, но подставлять под исконное понятие, созданное и завещанное нам бывшими Culture, наши произвольные и часто сомнительные значения, было бы ошибкой, ведущей за собою плачевные и продолжительные последствия. Ведь это было бы своеобразной работой на разъединение и разложение, тогда как обязанность каждого мыслящего существа думать о сотрудничестве, о синтезе, о строительстве добром.

Было бы целым огромным научным трудом исследование о всех злоупотребленных и извращенных выражениях. Надо думать, что кто-то найдет возможность выполнить и это задание, так необходимое человечеству. Теперь же хотелось бы уточнить определение двух понятий, с которыми ежедневно приходится сталкиваться в обиходе нашем. Многозначительно приходится

повторять понятие о Культуре и цивилизации. К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень Культ имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни. Казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общественности, т. е. цивилизации, которая в высоком синтезе создает вечное, неистребимое понятие Культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибать, может совершенно уничтожаться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль.

Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной Культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации. Можно легко себе представить “Дом Культуры”, но будет очень неуклюже звучать: “Дом Цивилизации”. Вполне определительно звучит название “культурный работник”, но совсем иное будет обозначать — “цивилованный работник”. Каждый профессор университета вполне удовлетворится названием культурного работника, но попробуйте сказать почтенному профессору, что он работник цивилилованный; за такое прозвище каждый ученый, каждый творец почувствует внутреннюю неловкость, если не обиду. Мы знаем выражения “цивилзация Греции”, “цивилзация Египта”, “цивилзация Франции”, но они нисколько не исключают следующего, высшего в своей нерушимости, выражения, когда говорим о великой Культуре Египта, Греции, Рима, Франции...

В прошлых статьях о Культуре мне приходилось называть Культуру почитанием Света. В результате мы и не уйдем от этого понимания. Культ всегда останется почитанием Благого Начала, а слово Ур нам напоминает старый восточный корень, обозначающий Свет, Огонь. Но, может быть, я слишком воодушевлен понятием Культуры, потому обратимся к наиболее прозаическим определениям толковых словарей и энциклопедий. Пресловутый Вебстер определяет цивилизацию как акт гражданственности или цивилилованное состояние, относительное преуспеяние в социальной культуре. Тот же словарь определяет Культуру как акт улучшения и развития воспитанием, дисциплиной; просвещение и дисциплинирование, полученное умственным и моральным воспитанием; утончение; характерные достижения народов или социальных организаций, как, например, “греческая Культура”.

Большая Энциклопедия Этики совершенно опускает определение слова цивилизация, как не входящего в круг высоких этических понятий, и посвящает Культуре следующие строки: “Культура. Бэкону мир обязан этим термином, так же как и философией о культуре. (Прогресс учения. 1605 II XIV, 2.) Хотя в самом себе понятие культуры достаточно широко выражает все формы духовной жизни человека — мыслительной, религиозной, этической, — оно более всего понимаемо как высшее стремление человечества утвердить смысл своего внутреннего Бытия. Это стремление выражается рядом контрастов по разделению мыслительному и действительному. Наиболее основные контрасты по делению физическому и духовному, с их дуализмом животности и человечности. Идеалами культуры человек устремляется к высокой мыслительной жизни, а не к насилию, стремясь к вышнемуудаленному, а не к ближайшему физически. С общественной точки Культура противопоставляется промышленным занятиям, различая их по качеству работы”.

Как видим, говоря о Культуре как о почитании Света, мы лишь синтезировали существующее определение.

Если кто по незнанию будет настаивать, что понятие Культуры соединено лишь с культурой физической, он покажет просто свою ограниченность. Если кто-то будет вспоминать какое-либо прежнее неудачное злоупотребление этим высоким понятием, он просто будет пресекать себе возможность к совершенствованию, утончению сознания и вмещению. Нам приходилось встречаться с очень определенными пониманиями этих двух понятий среди народов. Народ считает каждого, надевшего белый воротничок, цивилизованным человеком, для этого даже коверкая это где-то услышанное слово; каждый грамотей уже цивилизован; так, хотя и в примитивных формах, правильно понимается начало первой гражданственности. Но решительно все народы поверх этой гражданственности, легко всем доступной, чувствуют существование чего-то высшего, к чему неизбежно стремится каждый ищущий дух человеческий. Для этого высшего обозначения у каждого, даже примитивного, народа существует свое слово, которое скажет вам о высшем взаимопонимании, о высшей духовности, о знании высшем и о радостях духа. Это не будут чисто клерикальные понятия, они будут соответствовать именно нашему понятию, наследованному нами от великих находений Латинской Культуры. Может быть, мы могли бы взять такое же понятие из китайской или даже из тибетской письменности, но Запад просветился латинским обозначением этого понятия; потому мы не можем извращать его лишь в угоду кому-то, кто хотел бы своевольно применить или извратить его.

Почему-то все очень легко понимают обозначение “Всемирный День Культуры”, но всемирный день цивилизации может быть истолкован очень странно и даже несколько комично. Пример соотношения этих двух так принятых понятий Культуры и цивилизации напоминает нам, как много в таких же соотношениях или забыто, или перетолковано. Мы знаем, сколько старинных заветов нуждаются в новом переводе, ибо многие определения нашего ближайшего прошлого оказываются или неопределяющими, или примитивными, ибо не забудем, что конец 19-го века не очень послужил к утончению и уточнению научных и философских терминов. Но сейчас мы находимся в преддверии очень знаменательного времени, во времени сознательного Синтеза, когда никакие обветшавшие условные нагромождения не должны мешать стремиться к Свету и к ничем не стесненному познанию.

Кто-то подумал о том, что само произнесение слова Культура уже включает в себе самомнение и гордость. Но ведь это не так; ведь каждое стремление и совершенствование есть нечто как раз обратное самомнению. Самомнящий удовлетворяется и не двигается, но ищущий стремится и готов ко всяким невежественным выходкам со стороны, лишь бы только протолкнуться по пути к Свету. Ведь этот Свет не есть отвлеченность; ведь находения наших великих ученых говорят нам о тех близких возможностях, которые еще четверть века тому назад казались несбыточной утопией и вызывали даже в тогдашних научных учреждениях лишь улыбки сожаления. Но мы счастливы видеть, как эволюция человечества, хотя бы даже в своеобразных путях, но очень быстро изменяет смысл всей цивилизации. А за этим актом будет происходить и накопление Культуры. И если люди начнут мыслить о Culture, начнут вводить в обиход свой это священное понятие, они вовсе не будут самомнительными, но лишь покажут себя готовыми к высшему вмещению.

Благодетельный Синтез поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или неприменимою неуклюжестью, или просто смешным, с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий. Не суеверие ли, не предрассудки ли испортили так многие прекрасные понятия? И приходится теперь молодому поколению бесстрашно поднять забытые сокровища во имя лучшей и светлой жизни!

VII

СИЛОМЕРЫ

Риши Нарада принял на себя тяжкую миссию великого спорщика, вызывателя обмена мнений, тем противоположно выявляя силу благого подвига. Многократно история древности в разнообразных проявлениях дает нам значение противодействующей силы добру, как сознательное вызывание напряжения энергии для роста творчества. Кузнец нуждается в наковальне, чтобы выковать меч, который послужит оружием подвига. Тягота наковальни, напрягающей благие удары, так же значительна, как и тягость гигантов, поддерживающих ношу мира.

Было бы неосмотрительно относить эти явления сознательного противоположения добру лишь в область зла. Зло, как таковое, может быть обеспокоено этими проявлениями не меньше, нежели проявлениями Абсолютного Блага. Ведь зло понимает значение подосновы добра; эта подоснова входит как ближайший инструмент строительства, тогда как злобное начало имеет в виду лишь разложение для умножения хаоса. Если добро из себя представляет высшее искусство для искусства строения, то и сознательное зло тоже в не меньшей мере желает разложить и разрушить во имя самого разложения, ибо разложение сопровождается тлением. Тьма питается тлением.

Когда мы говорим о врагах, и не только говорим, но и чувствуем все натиски их, осмотрим же их пристально, чтобы не ошибиться, где именно наковальня, а где тление и разложение. Во многих внешних приемах эти два понятия могут быть довольно сходны, но по своему внутреннему значению они, как показывает всегда ближайший срок, совершенно различны.

Так называемая подоснова добра усиливает искрыковки меча и затем сама, как таковая, исчезает часто бесследно, претворяясь в объеме порожденного строительного блага. Но сознательно злая сила не претворяется, оставаясь самой в себе злодействующей постоянно, оставляя несомненнейшие следы яда разложения, порождая в конце концов хаотичность и инертность.

Что же нужно породить злу? Ведь не твердыни подвига, но смрадное тление; ему нужно превращать дух человеческий в червей пресмыкающихся, свою кишаскую слизкую бесформенностью засасывающих то, что уже начинало оформляться из хаоса. Конечно, каждому ясно, как трудна и длительна в процессе своем задача оформления хаоса; и как сравнительно скоро совершается постыдный процесс инволюции в первобесформие.

Приложим все сказанное к нашим обстоятельствам. Не нужно думать, что я стал бы хотя в какой-либо мере сопоставлять задачу Риши Нарады с вымогательными действиями сеятелей тьмы. Но пусть эти невежды окажутся тем “туркой” на ярмарке, который стоит, предлагая попробовать о него силу удара. Пусть это будут просто “силомеры”, и по-своему послужат утверждению благих начал.

Поистине, разнообразны пробные камни и строительные материалы. Какие только трубы и какой щебень и мусор находят себе применение в стенах здания с ведома строителя! При этом не начнем радоваться количеству представившихся нам силомеров. Ведь на ярмарках только прохожие кичатся тем, что их удар заставил “турку” высунуть язык. Строителям нет дела до того, какие именно судороги пробегут по лицам невежд. Даже судорога лишней раз заставит их подумать о чем-то таком, что иначе, может быть, и не пришло бы на ум. Строителям же нужно спешить дальше, чтобы зимние дожди и ураганы не заставляли постройку без покрытия.

Одно дело попытки силомеров, но совершенно другое дело чье-либо небрежение, оставившее на ночь врата постройки незапертыми. Пусть Водящая

Воля посылает столько силомеров, сколько нужно для утверждения дел, но не будем покушаться на трату чьей-то энергии лишь вследствие какой-либо забывчивости или легкомысленности.

Большая и прекрасная ответственность заключается в том, чтобы, мудро используя силомеры, не допустить со своей стороны небрежность и неуважение к тому, что мы сами считаем в пределах желанной Культуры. Если мы возьмем историю целых государств, что же мы увидим: терпели ли они ущерб лишь от внешних врагов или же, прежде всего, содействовали умалению и разрушению своими собственными внутренними мерами? “Ищите ближе” — так сказано самими Мудрыми. Зачем возлагать столько надежд и обвинений на силомеров, нет ли в доме у самого очага каких-то способствующих затруднениям обстоятельств?

Когда древние заповедовали: “Держите очаг чистым, держите его священным”, ведь это не было только кухонное соображение! Ведь это было одно из мудрых указаний о значении всего внутреннего, которое многими наслоениями, часто в отдельности почти незаметными, ведет к несмыслаемым и часто суровым последствиям.

Итак, прежде всего, ищите ближе! Если же кто-либо вместо того, чтобы заставить “турку” высунуть язык, безрезультатно разобьет о него свой кулак, пусть пеняет не на силомер, а на неправильность или на недостаточность удара своего; даже на ярмарках более опытные прохожие, прежде нанесения удара, присматриваются, чтобы соизмерить и не сделаться посмешищем гуляк. Когда воины обучаются рубке меча на глиняных чурбанах, сколько раз можно видеть, как неопытный рубака ломал оружие свое о мягкую глину без всякого результата. При этом опытный наблюдатель замечал: “Эх ты, простак, чего рубишь, как дровосек, не в силах дело, но в ее искусном приложении”. А сломавший оружие новичок долго недоумевает, как это могло случиться, чтобы его отточенный клинок преломился о такое мягкое вещество? Но скоро он узнает, насколько труднее рубить гнущиеся прутья, нежели сухую дубовую ветку. Итак, в мирных настроениях помните и военные примеры. Ведь стратегия была изобретена из жизни, а вовсе не извне. И, в конце концов, опять — ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль.

Благо — не бесформенность, не мягкотелость, не день вчерашний. Благо — устремленность, построение, но не мозговое только, а сердечное, во всей сердечной Беспредельности. И в этой Беспредельности столько находит себе новые места. Именно сердце в широком понимании оценит, где неоспоримое строение и творчество.

Агни насыщает сердце! Искра — от удара! Удары — двигатели!

Окончим из книги “Мир Огненный”:

“Зерно духа как бы нуждается в ударах укрепляющих. Мертвенное благополучие и прожигание бесцельное жизни — действие, противное природе. Люди не могут постигать целительного свойства подвигающих ударов, как бы разрядов двигателей. Вспышки энергии двигают человечество. Нужно познать, насколько начинает действовать Агни лишь при движении энергии. Можно наблюдать много примеров в природе, но люди предпочитают изъять себя из закона единства. Правда, что без понимания будущего удары-двигатели непонятны. Они могут порождать сетования и уныние. Потому так нужно постижение основ самоусовершенствования для великого будущего. Устремление к будущему уже будет означать проявление Агни. Не думайте, что излишне твердить об Агни и о будущем. Нужно примирить младенца с его первой болью. Явление сетования уже значит непонимание задачи жизни. При ударах-двигателях особенно трудно познать их истинное значение. Но начало подвига есть уже признание ударов-двигателей. Пусть не забудем формулу ударов-двигателей”.

ЗАКРЫТЫЙ ГЛАЗ

Вспоминается из области археологии характерный эпизод. Когда двадцать пять лет тому назад в пределах Новгородской и Тверской губерний были нами впервые найдены человекообразные изображения каменного века, то проф. Н. Веселовский в собрании Императорского Русского Археологического общества объявил представленные предметы фальшивыми. Не имея никаких доказательств для своего утверждения, проф. Веселовский ссылаясь на то, что подобных находок столь важного значения никогда находимо не было и что рабочие во время раскопки могли их подкинуть. Ни изысканная техника самих предметов, ни мое соображение о том, что вещи могут быть подкинута лишь с корыстной целью, а рабочие даже вообще и не рассматривали и не понимали смысла находимых предметов, не могло повлиять на старшего члена Императорской Археологической комиссии проф. Веселовского, и он остался при своем мнении.

Но на будущий год, даже не стесняясь обычно принятой этикой, проф. Веселовский с группой археологов побывал на местах моих изысканий и обнаружил подобные же человекообразные фигуры среди предметов каменного века. Когда же в собрании Археологического общества проф. Веселовский сообщил об этих своих замечательных находках, то я, следуя его примеру, спросил, не думает ли почтенный профессор, что и его находки фальшивы? Конечно, проф. Веселовский начал возмущенно доказывать подлинность и высокое значение этих находок, и мне оставалось только еще раз спросить его, когда же его мнение было правильно, теперь или же в прошлом году?

Вспоминаю и другой эпизод уже из мира коллекционирования картин. Однажды мне была принесена картина не только по подписи, но и по технике напоминая Рембрандта. Сомневаясь в ней, я показал ее известному знатоку голландской школы, члену Государственного Совета Семенову-Тянь-Шанскому, который не только признал эту картину за оригинал, но и выразил самое горячее желание купить ее. Такое же определение этой картины дал и другой известный собиратель С. В то время владелица картины потребовала спешного решения, и, не задумываясь дальше, пришлось картину купить. Но сомнение шевелилось и, произведя еще раз подробнейший осмотр картины, я пришел к убеждению, что доска не отвечает времени, да и сама живопись, несомненно талантливая по существу, не принадлежит имеющейся на картине подписи. Картина не была повешена на стену. Но мои друзья не забыли о ней, и собиратель С. настойчиво спрашивал, где же картина? На что я ему сказал: “К сожалению, она неподлинна”. “Отлично, — сказал мне друг, — если вы полагаете, что она неподлинна, то продайте ее мне. Ведь я знаю, сколько вы за нее заплатили”. “Доска недостаточно стара, — сказал я, — и вообще я не могу продавать картину, если считаю ее неподлинной”. Мой друг сказал: “Во-первых, картина может быть перенесена на новую доску, а во-вторых, до свиданья, я тороплюсь”. Не прошло и двух часов, как явился человек от моего друга с письмом и двумя голландскими картинами. Мой друг писал: “Прошу вас принять от меня в подарок на память две посылаемые при сем картины. Если же вы хотели бы взаимно отдарить меня, то не откажите дать мне ту самую картину, которую вы считаете неподлинной. Я хотел бы иметь лишь этот подарок”. Ничего не оставалось сделать, как исполнить упорное желание, и собиратель очень гордился новым членом своей коллекции, о чем и заявлял всем на собраниях друзей у него. При этом, подмигивая мне, он всегда оповещал: “А эту картину Н. К. считает неподлинной”, и при этом сожалительно разводил руками.

Таких эпизодов и из области картин, как, например, однажды на моих глазах прекрасный Ян Викторс, имевший полную подпись, превратился в Рембрандта с письменным сертификатом, так и из мира археологического, когда однажды в

кургане был найден бронзовый идол с номером музея, — таких эпизодов можно приводить множество во всех странах. Одна эпопея тиары Сайтаферна и Ключельских находок или надписей неизвестного языка из Афганистана — достаточно характерны.

Вспоминаю это не к тому, чтобы сказать, что проф. Веселовский или Семенов-Тянь-Шанский, или Соломон Рейнак, или Орель Стейн были бы плохими знатоками. Вовсе нет. Не осуждениями живем. Хочется только напомнить о неисчерпаемой возможности ошибок, которая особенно неизбежна там, где ревность и страстность берут верх над беспристрастным изучением и суждением. Только что газеты оповестили об экспедиции, нашедшей халдейское племя в Гималаях. Сколько же таких крылатых небывальщин порхает по свету, смущая умы и увлекая за собою то, что, может быть, действительно ведет к крупным находениям. Нельзя нарушать доверчивость, ибо каждый энтузиазм должен иметь в себе элемент доверия, но как же нужно взвешивать это доверие с истиною, чтобы даже малейшим оскорблением истины не подрывать действительности.

Вот мистер X-р и тому подобные “знатоки искусства” считают, что я не мог написать все мои картины. По ошибочности в невежестве своем это заявление и смешно и глупо. Но если мы посмотрим в прошлое, то, к удивлению нашему, найдем, что нечто подобное применялось не раз. Конечно, все эти курьезы и остаются в степени исторических анекдотов, но они показывают, насколько неизобретательно мышление клеветников, издревле действующих одними и теми же формулами. Курьезнее всего то, что не только X-р и вдохновители его изобрели такую идею, но я должен сказать, что подобное же изобретение выдумывалось неоднократно, и, что курьезнее всего, уже со времен моего пребывания в Академии художеств. Уже тогда кто-то неведомый будто бы писал за меня картины. Уже тогда мне, слыша эту легенду, приходилось сказать: “Конечно, зачем беспокоиться самому, когда можно заказывать картины выдающимся художникам”. Яремич в своей статье “У истоков творчества” приводит любопытный факт, как один из писателей искусства утверждал, что я воспользовался одною картиною Васнецова, но фактически оказалось, что моя картина была написана ранее картины Васнецова, о чем, конечно, ни Васнецов, ни я и не предполагали, что и было установлено Яремичем.

Помню, как улыбался всегда учитель мой Куинджи, когда подобные рассказы доходили до него. Он-то имел полное право снисходительно улыбаться этим легендам, ибо о нем самом кем-то была изобретена совершенно невероятная история. Шепталось, что он убил известного художника Куинджи и завладел всеми его картинами, но сам он вряд ли вообще знает живопись и сам он вовсе не Куинджи. Конец этой легенды так же коснулся меня, когда в Лондоне в 1920 году “достоверные люди” мне сообщили, что я умер в Сибири, а ровно через десять лет там же один ученый спрашивал меня как великую тайну: “Ведь фамилия ваша не Рерих, а К..?”. И такие ошибки бывают! Даже жаль, что мы не можем проследить первоначальное возникновение подобных вымыслов. Вероятно, можно бы было подивиться странице своеобразного творчества. Оно вовсе не далеко от тибетского намтара о мужестве нашем, воспевшего, как мы неведомо шли против всех пуль, расстегнув на груди рубашки. Даже эта подробность предусмотрена, чтобы показать отсутствие защитного панциря. И не необычными путями узнается творчество это. Британский полковник сообщает такое сведение из Лхасы.

Так заостренно соприкасаются — злоумышление, ошибка, легенда, поверие. Иногда невозможно бывает различить границу доброжелательного поверия от изысканного злоумышления. Вспоминаются гофманские “Ошибки” с их фантастическим добрым юмором. Ладно, пусть процветает творчество. В конце концов мякина отсеивается, но пусть сознание остерегает от ошибок, которые могут лишь загрязнять пространство.

Оборачиваясь на корни ошибок, не забудем, что одним из самых

существенных среди них будет “закрытый глаз”. Примеры закрытых глаз бывают прямо поразительны, и если бы они не происходили в жизни, то часто было бы трудно прямо допустить такую возможность.

Закончим примером из археологических экскурсий. Исследуя старинный монастырь, лежавший вне обычных дорог, мы нашли посреди монастырского двора древний каменный крест, полузасыпанный, но сохранивший прекрасную резьбу свою. Я обратился к игумену монастыря с просьбой отпустить этот крест для музея, тем более что хотя он и находился на срединном месте, но, видимо, не привлекал ничьей заботы о себе. Игумен очень удивился и прежде всего сказал мне: “Никакого древнего креста на монастырском дворе не имеется”. Я продолжал настаивать и пригласил игумена пройти со мной на двор. Игумен, в сопровождении казначея и еще кого-то из братии, прошел во двор и остановился перед крестом в нескрываемом изумлении. При этом игумен произнес незабываемые слова: “Крест! Действительно крест! Господи, двадцать лет хожу по этому месту, а креста-то и не заметил”. Если монастырь и глава его креста не заметили, то разве это не будет замечательным знаком “закрытых глаз”.

Так же точно, как в одном очень знатном доме мне пришлось указать на одну картину, явно висевшую вверх ногами. Но почтенный хозяин долго отрицал такую возможность, говоря: “Ручаюсь, что уже десять лет здесь никто картин не перевешивал”. В другом месте владелица отличных голландских портретов на мое замечание о том, что на одном из них, к сожалению, совершенно стертые глаза, также заметила, что это не может быть, ибо никто этих портретов со стены не снимал. Впрочем, когда я настоял снять портрет со стены и указал на непоправимую порчу, владелица, вздохнув, допустила очевидность со словами: “Верно, к празднику песком вычистили”. Во всех этих случаях и во множестве подобных не было никакой злонамеренности и даже не было небрежения, как такового, ибо картинами дорожили, но был просто “закрытый глаз”.

И вот когда мы говорим о культуре, то прежде всего в действиях культуры будет открываем глаз, чтобы увидеть действительность. Может быть, одни из самых крупных и непоправимых вандализмов совершались даже не злоумышленно, но именно в силу закрытого глаза и всех ошибок, которые породила эта искусственная слепота.

Слепота и глухота — действительно не там они, где отсутствует глаз и ухо, но там, где незнание их закрыло. И Бетховен был глух, и Гомер был слеп, и эти особенности не помешали остаться их именам в почетном ряду светочей культуры. Если в школах будет уделен момент, когда напомнят о “закрытом глазе” и о всех тех непоправимых несчастьях, порожденных этим свойством, то еще одна опасность уничтожения сокровищ духа человеческого будет устранена.

Гималаи. 1932.

IX

ТЕРПИМОСТЬ

Надпись царя Ашоки гласит: “Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания”. Великий Акбар с мудрой Джодбай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему существу, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергей, предлагая великому князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех

нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров истории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это темное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

“Агни-Йога” в отделе “Сердце” говорит: “Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограничено, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишить себя беспредельности! Нужно искоренять каждый признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Темные силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем, сила магнита и есть усиление Благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании нужно утвердить сознание. И что же непосредственнее укрепляет мощь, нежели луч Иерархии!”.

Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В ее низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чем же ином можем мы строить преуспеяние? Особенно странно видеть, как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то все же она останется как таковая. Иерархия темных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания — насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит свое применение и растет в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпи-... [В 1-м и во 2-м изданиях данной книги дальше ошибочно следовала вторая строчка следующего абзаца. Как в действительности заканчивалось предложение, пока установить не удалось (Прим. ред.)] ...мечено является основой разложения, становится вратами к хаосу. Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

“На это сказал Иисус: "Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самаритянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динара, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же” (Евангелие от Св. Луки, 10, 30-37).

Не с престола возливал милосердный самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обыденности.

Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошло раненого и поспешили скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечет в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но самаритянин своим примером укорил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспитатель должен подмечать, в чем проявится первое отрицание, и немедленно заменить его действенным вмещением. Какое множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни! Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано! Сколько домашних драм будет разрешено благостными заветами всевмещения!

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадьё нетерпимости, заменится беспредельностью познавания и созидания. Темное “нельзя” заменится светлым “можно”, облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как немного усилий требуется, чтобы это завтра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах еще больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. “Знаменитый художник был приглашен ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумывании, так что наконец придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнется сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец, спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: “Не мешайте”. И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: “Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь”.

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что по Завету мудрого китайского

художника — “увидеть долго, но сделать быстро”. И так сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благословенный сказал: “Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она тем не менее придет. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю”.

Гималаи. 1932 г.

Х

РАЗНООБРАЗИЕ

Получаем письма от Академии Творческих Искусств, от Центра Спинозы, от нашего Латвийского общества, от Единения женщин, от Европейского центра, из далекой Аргентины, из Китая и от всех многообразных Установлений. Главное, что бросается в глаза при получении всех этих вестей, это их разнообразие. В шутку можно представить себе, что если бы на минуту переставить все эти сообщения, то сразу получился бы невообразимый хаос. Между тем все эти организации мыслят о Культуре, несомненно тянутся к одному и тому же. Разнообразие их мышления является одним из самых благодатных знаков. Широкообъятность понятия Культуры уже предполагает в самом себе необыкновенное разнообразие. Вы не можете представить себе всемирный одноформенный мундир Культуры. Будут единообразные сердечные устремления. Будет единоподобное ощущение достоинства человеческого, но внешние формы, конечно, будут разнообразны.

Научиться ценить разнообразие есть уже верный подступ к Культуре. Вообразите себе на минуту глубочайшее прискорбие, если бы из-за различия каких-то внешних знаков и покровов могли бы произойти недоразумения о существовании самого священного понятия. К этому широкому пониманию всем нашим сотрудникам нужно подготовиться, чтобы при встречах свяшенно охранить достоинство Культуры. Всякая ссора уже будет признаком акультурности. Всякое сомнение в правоте собрата тоже будет довольно антикультурно. Всякое желание заставить мыслить по своему рецепту не может служить признаком культурности. Нет, совершенно другим основанием окажутся связанными и духовно соединенными наши собратья, приедет ли он из Южной Африки или Финляндии, с Таити или из Белграда. Стремление к высокому качеству, сердечная преданность ко всему эволюционно-строительному, творческий труд, преклонение перед Красотою и почитание Знания — вот что свяжет всех этих светлых путников духа. Этим основам Света не будут препонами ни самые разнообразные верования, ни особенности языков, ни традиции, хотя бы и самые древнейшие. Понимание эволюционно-строительных основ жизни, широкие, самые запредельные устремления так расширят сознание, что вмещение даже самых неожиданных особенностей будет происходить благожелательно. Там же, где есть основное благожелание, там получается и Благодать, которою крепнет духотворчество и чувствознание.

Разнообразие, о котором мы поминали, таким образом, явится не громоздким, трудноуправляемым свойством, но наоборот, оно представит собою те бесчисленные очи, руки и ноги, которые сделают этот коллектив непоражимым в своей зоркости, подвижности и находчивости. Словом, разнообразие будет лишь многочисленностью доспеха. В старых сказках говорится о соединении богатырей, из которых каждый обладал какой-либо особенностью. И только в совокупности своей, помогая друг другу, они могли исполнять самые, казалось бы, недостижимые задания. Если бы, несмотря на богатырство свое, эти сказочные герои обладали бы лишь одними и теми же свойствами, их ожидало бы несомненное поражение.

Взаимное уважение прежде всего имеет в виду охранение индивидуальности и поощрение личной инициативы. Тирания, против которой неизбежно возмущается дух человеческий, есть не что иное, как не только грубое проявление самости, но и забывчивости о ценности индивидуальности. Если бы все бывшие тираны мира, в увлечении своем, не забывали о ценности личной инициативы, то, вместо возмущений и поражений, они бы, подобно сказочным богатырям, собирали вокруг себя непобедимое и благожелательное воинство строителей жизни. Подчеркиваю благожелательность, ибо верно, что комплекс человеческих лучших устремлений, в широком объеме своем, будет созидателен, а все созидательное тем самым и благожелательно.

Во имя этой созидательной благожелательности мы и должны поддерживать то разнообразие состава нашего, которое, знаю, поражает некоторых неосведомленных и непродумавших основание его лиц. Если живы основы Красоты и Знания, то именно они и будут покровителями благостного разнообразия. Каждый, достаточно пытливо всматривавшийся в жизнь, припомнит, как самый разнообразный и по человеческой ограниченности, казалось бы, самый противоречивый и противоположный элемент обнаруживал и сердечное взаимопонимание, когда дух их ощущал самоотверженный строительный принцип. Этот же строительный принцип предусматривает и взаимный осмотр доспеха; это будет делаться для лучшего исполнения духовной битвы, но не для осуждения и взаимоокисления. Из этого же духовного роста и чувствознания рождается и вмещение. И рождается оно вовсе не тяжкими родами с глубокими бороздами на лбу, но легко и с улыбкою в сознании, что этим пристраивается к Храму Прекрасного еще один придел. И придел этот не будет бесформенным нагромождением, но стройно вольется и обогатит и поистине украсит растущее строение. Ведь каждый город может или бесформенно и взаимно враждебно нагромождаться в злоречии соревнования, или может стройно расти, причем даже самые древние камни в руках зодчего найдут неумаленное положение среди новых построек, отвечающих всем обновленным пониманиям. Как будет прекрасно, если такой внутренне объединенный город сохранит свое разнообразие, которое явится естественным выражением мощи неисчерпаемого духа человеческого!

Наши культурные объединения должны заключать в себе также истинное основание свободы. Ведь ничто, как свобода, не сочетается так близко с понятием разнообразия. О свободе же мечтает все человечество. Но прекрасна она, эта легкокрылая Водительница, если основана на понимании Культуры. Акультурная свобода будет произвол, а всякий произвол сочетается с грубостью и хаотичностью.

Итак, судьба послала нам в сотрудники такие драгоценные понятия, как истинная свобода и разнообразие творческих выявлений. Лучшее сердечное чувство вырастает на этих всеобъемлющих понятиях. А сердечная искренность является, прежде всего, одним из первых знамен Культуры. Только в таком доспехе можно пройти через все ущелья мрака. Много таких ужасных ущелий, где подстерегают всякие безобразные личины, но как в древних сказках заповедано: взявший клад пусть идет не оглядываясь. А какой же клад ценнее, нежели достижения Культуры, в которых конденсируется все духовное, все подвижническое, все созидательное и трудящееся? Как достойно и прекрасно звать друзей и сотрудников на трапезу созидания и сердечности. Сохраним же со всею бережностью благодатное условие разнообразия, которое так щедро послано нам со всех концов Мира.

1932.

XI

ОРУЖИЕ СВЕТА

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по римскому праву, наш старый профессор как-то

дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация, в существе своем, карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора — почему ни в одном законодательстве не карался произнесенный ложный факт. Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: “Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира”.

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи. Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и тем не менее будут рассадником, в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая себе отчета, какие страшные приговоры иногда заключаются в веселом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится. Но, кроме этих безответственных щебетаний, в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель — определенного вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составила бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабовольным зрителям разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда, подумать, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своем пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновленными для новой клеветы. Звуками песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва не становится ли угрозою? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чем думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего римского права, Кодекса Юстиниана или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо.

“Воспитанные” дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творящему.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько оживляются лица при одном приближении ложного измышления. Как обогащается словарь, и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введен в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он

лжет.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самом, он, вступая в эту область, чувствует себя, как рыба в воде. Его злобная опытность ободряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомним ему слова Писания: “В юже меру мерите, возмерится и вам”, он только самодовольно махнет рукою, говоря: “После нас — хоть потоп!”.

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встает никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчет в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: “Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили”. Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто, предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает — не слишком ли дорого обойдется ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбается, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чем не помог. Даже наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло, как таковое, разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагаемо и в других жизненных областях? То есть не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлеченностей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово “Этика” ни в чем не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всем хорошем недопустимою в гостиных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли животные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злошептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в “почтенном” обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо ее взаимновдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий. Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращенный их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего, прежде всего, глупцом. Поистине, никакого другого наименования

невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злощептатели, прежде всего, глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злощептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительной выдумкой, они останутся, прежде всего, глупцами! Каждая их ложь с абсолютной точностью аккумулируется и в неожиданный ими момент поразит их тем сильнее, ибо каждый сад растет, как темный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас назрела такая необходимость вопиять против количества зла, порожденного ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: “Во время игры не деритесь!”, так же сказать и взрослым: “Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!”.

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: “Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне”. А мудрый священнослужитель ответил: “Сердце твое улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя”. Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благостного даяния и самоотвержения? Неужели же, действительно, эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображенной огнем сердца, всеми лучшими заветами от юношества, от младенчества пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Благом творящим!

История дает нам изумительные примеры, как часто не только детский, еще не испорченный, мозг преображался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветленных преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одною угрозою законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один ученый говорил мне: “У нас не осталось формул”. Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благостным. Сердцеведение называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечется в одежды Света: как сказал Апостол Павел, “облечемся в оружия Света”.

В этих светлых одеждах, в доспехе блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дожидаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот — Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновителен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же все, хотя бы самое темное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдемся!

*Гималаи.
1 мая 1932.*

КАЧЕСТВО

“Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай все лучше, трудись радостнее”.

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допускаемо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Culture проскальзывает, что Культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее — временем труда — пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новою фазою утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это “известное” попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. “Non multa, sed multum”, этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчальники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный, или поверхностный, извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все им завершённое.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Также следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших, безразличны эти наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судьбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось — не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: “Нам недоступны пути святости”, точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кощунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недостижимости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святылища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утонченного духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Не устремленные к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами Апостола Павла: “Когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы”. И не только живы, но каждый, устремленный к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: “Благословенны препятствия, ими растем”. Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурою. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неустойчивости и беспредельности ткнут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: “К черту Культуру, деньги на стол”. Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, “Свет побеждает тьму”.

Но какие же сердечные выражения приветия послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борются за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогают государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся и укрепимся в светлой победе Культуры.

Гималаи. 1932.

ХІІІ

МОЛОДОЕ ДВИЖЕНИЕ

Все молодое и трудящееся близко моему сердцу.

Если Вы возьмете несколько названий моих статей из “Державы Света”, Вы увидите, что они написаны как бы для Вашего молодого движения и одновременно имели в виду такую же молодежь и такое же строительство будущего. “Прекрасное”, “Творческая Мысль”, “Благословенная Иерархия”, “Несломимая Любовь”, “Несмотря на все трудности”, “Духовные ценности”, “Священные принципы”, “Держава культуры” — ведь это все то, чем мне хочется зажечь молодые сердца. Этими зовами хочется пробудить и мужество, и геройство, и подвиг, и то беспредельное строительство, которое обращает жизнь в светлый праздник. Это не есть праздник безделья, праздник так называемого отдыха. Нет, это есть торжество духа и неустанное стремление к свету. Вы читали во всех моих статьях про этот Свет, который для утонченного сердца вовсе не абстрактен. Свет живой, как живы и все тончайшие энергии природы.

Молодежь любит не предположение, не туманность, но факт и действие. Это и есть залог вечной молодости. Мы также во всех наших делах прежде всего обращаемся к факту, к непреложной действительности, хотя бы и за пределом примитивной очевидности. В моем обращении к нашему Вашингтонскому Обществу говорилось о здоровье, телесном и духовном. Неразрывны эти понятия. Не может быть здоровья телесного без здоровья духовного. Вы собираетесь во имя Культуры, во имя здоровья духовного, и отсюда произойдут и все прочие благоприятные условия и возможности.

Если бы у Вас возникли какие-либо сомнения или недоумения, пресекайте в песне радости, творящей успех и красоту. Драгоценно видеть, что в наши дни в разных странах вспыхивают такие же очаги культуры и после неосознанных смятений и столкновений сердца человечества опять устремляются к благотворным поискам.

Еще не так давно люди говорили о сдвиге, но теперь исполнилась уже следующая ступень, и мечта о сдвиге превратилась в светлую мечту о подвиге. Не нужно думать, что движение Ваше не встретит трудности по пути своем. Будут они, эти трудности. И со временем Вы благословите их, ибо они еще больше откроют перед Вами действительность. Ведь Вы начинаете организацию свою в трудное

время. Вы собираетесь во время кризиса и материального и духовного. Во время перепроизводства, во время безработицы, во время взаимных подозрений и всяких мешающих развитию человечества обстоятельств. Но именно эти трудности внутренне и заставляют Вас сойтись, собраться воедино в одно мужественное и просвещенное существо. Когда путникам опасно идти по пустынным дорогам порознь, они собираются целыми сообществами, и эти объединенные караваны легко преодолевают все препятствия, которые каждому участнику их в отдельности были бы непосильны.

Сейчас не только трудное время, но и великое время. Молодежь не должна думать, что ей суждено выявляться лишь в трудное время. Нет, она пришла сюда в великие дни, когда куется мир новый, когда необычайно быстро преобразовывается сознание человеческое. Когда от перекрестка множества людские выходят на прямой путь, чтобы получить сужденные прекрасные открытия и преобразования жизни.

Во имя великой, вновь осознанной, преображенной Культуры приветствую Вас, молодые друзья! Когда мы говорим о великих понятиях, не убоимся и больших слов. Если удержитесь на гребне мужественного зова познания и творчества, если сохранитесь от животных ссор и недостойных пререканий, Вы сделаете великое дело.

XIV

БОГ

(Из Ежегодника Калиан-Ишваранк в Горакпуре)

“О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!”

Так в 1784 году первый русский поэт Державин начал свою бессмертную оду “Бог”.

Первый основной член Символа Веры читается: “Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Неба и Земли; Видимым же всем и Невидимым”.

Ко Всевышнему, к Дыханию всех Дыханий, к Атману всего Сущего, все народы на всех языках приносят свое сокровенное и непреложное устремление. Каждый в пределах своего сердца, в пределах своего разума красоты, прилагает лучшее название Элохиму. Пусть эти священные Имена многообразны, но, сложенные воедино, они дают трогательную симфонию всего самого лучшего, самого высшего, что только мог произнести язык человеческий и что могла начертать воплощенная рука всеми Священными Иероглифами.

Священнейшая Непреложность Бога Всевышнего зачинается в каждом детском мозгу, впервые обратившемся к мирам бесчисленным, и приходит эта мысль к той же светлой формуле: “У Отца Моего Обитателей много”. И другая формула, такая же безмерная в величии своем, утверждает: “Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух и поклоняющиеся Ему должны

поклоняться в Духе и Истине”.

Только что вышла книга — Симпозиум “Нашла ли наука Бога”, в которой Эд. Коттон собрал мнения ученых о Боге. Среди ряда выдающихся имен мы видим и Милликена, и Эйнштейна, и Лоджа, и Томсона, и Берда, и Куртиса, и Эддингтона, и Матера, и каждый из них по-своему славословит это высшее всеобъединяющее Понятие, без которого невозможно стало бы само представление о величии Беспредельности.

Прошло короткое время, когда во имя какой-то ложной материалистической научности были отрицаемы великие Реальности. Атеизм в истории человечества являлся теми пароксизмами отчаяния, когда человек, по вине своей очутившийся в полной тьме, теряет представление об окружающем, о формах, о смысле. Еще прошлое поколение иногда допускало самодовольно кощунственную формулу о том, что, кроме них, ничто не существует. Все миры дальние были для них лишь услаждающими их лампадами, а солнце, конечно, было лишь источником их комфорта.

Пресловутый в атеизме своем Базаров тупоумно восклицает о том, что из него после смерти лишь лопух вырастет! При этом эти восклицания не являлись своеобразными выражениями самоуничужения, наоборот, они хотели этим утвердить свою телесно материальную конечность, погрязая в гордыне относительных и ограниченных материальных знаний. Этот отрицательный тип ярко выражен в произведении Тургенева “Отцы и дети”. Но другой русский писатель, Достоевский, дает иной тип кажущегося народного атеизма. Писатель говорит об атеисте солдате, который желал измыслить высшее кощунственное действие, чтобы увериться в отсутствии Бога. Для этого он положил святое Причастие на столб и выстрелил в него. После чего кощунствующий увидел самого Христа, там стоящего. В этом образе кажущегося атеизма описано своеобразное вызывание Бога, моление о чуде, о знаке, который и без того хранился в глубинах сердца.

Перед нами лежит очень замечательная книга последних дней о чудесных явлениях, бывших в самое последнее время. В книге приведены факты, подтвержденные многими свидетелями, отмеченные в прессе. Описаны эти тончайшие явления подробно, с указанием качества светоносности, со всеми эффектами на присутствующих. А вот такие же показания о чудесных исцелениях в Лурде. А вот сведение о том, что в 1925 году на Волге, в городе Костроме, скончался старец, в бумагах которого нашли путь к святыням светлых Обителей Гимавата. И староверы сибирские по-прежнему идут в священное Беловодье; стремятся к высшему общению с Богом. И на этом пути они встречаются с “Дон-дам ден-па”, с так называемым высшим Пониманием буддийско-тибетского сознания.

Как только сойдете с пути тупоумного отрицания и устремитесь по пути Блага, по пути светлой творческой мысли, на вас нахлынет необозримое множество фактов и знаков от всех народов всего мира, так очевидных чистому сердцу. Все народы в богоискательстве и в богоносности знают в сердце своем и о светлом будущем. Мессия, Майтрейя, Калки Аватар, Мунтазар, Митоло, ведь каждый по-своему и опять в самых лучших образах ждет это светлое будущее, обращаясь к тому же Богу Всевышнему. В Исфагане уже оседлан белый конь для светлого Пришествия. Раввин в Хамадане говорит вам: “Вы ведь тоже Израиль, если ищете Света!”. А брамины приходят к вам, чтобы вместе с вами в весенних цветах праздновать великий Образ Кришны. Каждый из этих, по-своему устремляющихся ко Благу и светлomu будущему, знает Бога.

В замечательной книге Ж. Сент-Илера “Криптограммы Востока” приведено высокое речение о Почитании Учителя.

“Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: “Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?”

Мальчик улыбнулся: “Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!”

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя”.

В этом сердечном почитании Иерархии Света уже есть непоколебимая вера в Бога; мало того, не только вера, но знание Бога, которое дает не только Богоискательство, но Богоносность. Знание вездесущия Бога в каждой былинке существующей не умаляет величие, наоборот, оно дает реальность всем тонким состояниям, всем дальним мирам, всему тому, что видит даже человеческий глаз, а кроме того, и всему тому, что знает в существе своем сердце человеческое. Сердце — это Солнце солнц, это престол Всевышнего. Лишь ненадолго разошлась наука с великими Реальностями. Все новые открытия энергий, лучей, волн, ритма и всего незримого оку богатства всей фактической Мощи Всевышней, опять обращают честное познание вверх по беспредельной Иерархии Света, где нет мелких земных делений, где нет злобы и ненавистничества, но где сияет великий Огонь великой творческой Мысли. И в сиянии этой великой Мысли Всевышней и человеческая мысль озаряется сиянием сердца.

Также недавно западная наука отводила сердцу лишь физиологическое значение, упустив его высокое значение как трансмутатора тончайших энергий, беспредельно проходящих через него и питающих и утончающих сознание. По старым Заветам индус знает, что великий Манас живет в сердце, и недаром индус, когда говорит о мысли своей, полагает руку на сердце. Таким образом, аппарат мозга, насильственно иногда отделявшийся от деятельности сердца, опять становится реальным сотрудником. И в этом обращении к сотрудничеству опять выявляется великое Понятие вездесущности Духа-Бога. И понятие сотрудничества, сужденное человечеству для светлого будущего, не близко ли оно Реальному Осознанию Бога? Сильные духом не страшились ответственной формулы Подражания Всевышнему. “Подражание Христу” Фомы Кемпийского не есть намек на самомнительность, но призыв к тому же светлому сотрудничеству! Древний Восток с изумлением созерцал попытки недавней науки отделиться от всего самого высокого, ибо где же, как не на Востоке, прежде всего, было познано сердце, этот первый проводник ко Престолу Всевышнего? И пещерники Синаитские, и Пророки, и Риши — все, осиянные стремлением к Богу, знали высокие возможности нашего духовного путевода сердца.

Свами Вивекананда справедливо замечает, что некоторые из новейших мыслителей, при нынешнем разнообразии концепций, ставили вопросы, не нужно ли заменить слово Бог каким-либо другим наименованием. Но мудрый Свами Вивекананда, конечно, приходит к выводу, что в этом слове собрано столько высших человеческих устремлений, что реальность его не следует изменять. Действительно, какое бы то ни было изменение было бы похоже на первобытные искания, когда ум человеческий, еще связанный многими условиями, пытался слить беспредельное Величие со своими земными пониманиями.

Понятие Бога, бесчисленное количество его высочайших свойств, конечно, несказуемо ограниченным словарем земным, но сердце, на своем неограниченном языке, знает эту высшую беспредельную мудрость, огни которой сверкают в Логосе Сознания. Вспоминаю, как один из моих покойных друзей, прекрасный поэт Александр Блок, однажды перестал ходить на религиозно-философские Собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: “Потому что они говорят там о Несказуемом”. Это великое Несказуемое было для него полною Реальностью. Поистине, всем тонким чутьем поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком Высоком, о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце. Каждое слово о Высочайшем уже наносит какой-то кощунственный предел этому Величию.

Но именно сейчас особое время, чтобы вспомнить о Боге, чтобы вспомнить о том, как сказано в Заветах древних, о том Неизреченном, Несказуемом, Непознаваемом, Беспредельном и, в то же время, о так близком, и всенаполняющем каждое сердце человеческое, когда оно мыслит о Благе. Как прекрасно выражено Вездесущие Божие в самых лучших Заветах!

Потрясаема земля всевозможными кризисами. В этом убожестве, в этом всяческом обеднении еще раз мощно встает величайшее Понятие, которое, хотя бы частично осознанное, преображает жизнь человеческую в сад прекрасный. Отрыв от Бога, отрыв от свободного, неограниченного, светлого познания, отрыв от сужденной радости совершенствования, обращает знаменательное земное существование в Остров Слез. Но ведь не несчастья заповеданы, не горе суждено. Суждена высокая радость, сужден творящий трепет мысли, сужден благовонно-омытый Престол Сердца. И не Остров Слез, но Сад Прекрасный, Сад преображенного Труда и Знания в руках самих людей, обратившихся к Богу.

Кончает Державин свою оду “Бог” следующим обращением:

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертное бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое!
Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В бессмертной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Гималаи. 9 апреля 1932.

II

КУЛЬТУРА

ВСЕМИРНАЯ ЛИГА КУЛЬТУРЫ

I

КУЛЬТУРА — ПОЧИТАНИЕ СВЕТА

“Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце.

Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты”.

Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны Culture. Ее великое древо питается неограниченным познанием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню Culture. Но на башне Culture сияет алмаз-адаманти любящего, познающего, бесстрашного Сердца.

Любовь открывает эти Врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ, и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки Culture, там источники горячи и бьют они из самых недр. Где зародилась Culture, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Culture, как истинная духовная ценность, бессмертна.

Потому и радостна пашня Culture. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым темным невежеством. Зажженное сердце не ограничено в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот значит лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости ответственности, как о достоинстве человеческого.

Труд работника Culture подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Не только врач спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь врач, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и согреть их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух поникающий. Знает врач не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познания свои, иначе он не ответит действительности. Не утерять врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не усташит врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику Culture присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно сокольскому зову, работник Culture доброжелательно отвечает: “Всегда готов”. Он открыт сердцем ко всему, где опыт и знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо “в даянии мы получаем”. Он не усташается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник Culture всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорек на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники Culture. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о Culture, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во Благо, во Знание, в Красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго”.

Взаимность есть более сердечное определение сотрудничества. Если мы давно мечтали и всячески старались достичь сотрудничества, то сами нынешние обстоятельства повелительно устремляют нас по этим сердечным путям.

Наконец, осуществляется еще одно сообщество, в основу которого заложено наше самое искреннее устремление к общественности и к взаимности. Наши действующие комитеты, охватывающие в своих действиях широкую программу, могут жить и развиваться лишь на основе утепленного сотрудничества, иначе говоря, на взаимности.

Самое сердечное наше желание не только привлечь сотрудников к действиям, но дать им возможность стать сотворцами, создателями новых ступеней Культуры.

Одно дело простое сотрудничество, но совсем иначе должно звучать сотворительство, создательство, в котором никто ничем не поглощается. Наоборот, в Культурной Беспредельности каждый выковывает себе область и твердыню, драгоценную для всех, но созданную им в его индивидуальности. Чем же, как не сердечной взаимностью, можно поддержать индивидуальность?

Разве не будет истинным Праздником Культуры тот день, когда каждый нерушимо принесет в Великом служении лучшее накопление своего опыта, своей наблюдательности! Всеми нашими многообразными Обществами, Институтами и Учреждениями давалась возможность развиваться самым различным устремлениям, лишь бы они были направлены по священному руслу Культуры. Всякое подавление священного чувства прекрасного накопления было нам чуждо.

Теперь в наслоении следующих построений воздвиглась Всемирная Лига Культуры. Ведь это и есть то самое сверхобъединительное понятие, перед которым понижают всякие прочие деления, определения и наименования. В слове Лига выражено общественность, единение. Понятие всемирности не нуждается ни в каких объяснениях, ибо правда одна, красота одна и знание едино, и в этом не может быть никаких словопрений. Также и о слове Культура каждый образованный ум не будет спорить, ибо служение Свету, утончение и возвышение сердца общечеловечно.

Осуществившаяся возможность Лиги Культуры сама по себе чрезвычайно показательна.

В час трудный, во время напряжения всемирного является возможность объединиться под благородным обобщающим понятием. Культура является и пробным камнем молодости сердца. Ни возраст, ни механическое образование, ни какие-либо другие понимания и деления не имеют места и не могут вредить друг другу там, где сияет древний Ур, Свет негасимый, к которому среди Светлого Края не может быть врагов.

Конечно, тьма и невежество, стремящиеся к разложению и разрушению, как всегда, будут пытаться негодовать и противодействовать. Но собираясь во имя трижды священного понятия Культуры, мы и не должны утруждать сердце наше опасением о тьме. Тьма существует, но — и “Свет побеждает тьму”. Против этой старой Истины тоже спорить нельзя.

В широком размахе Лига Культуры должна способствовать всему прекрасному, всему познавательному. Из нее должно исходить облагораживание юных поколений, сердца которых в существе своем всегда звучат на героизм подвига.

Соприкасаясь с Культурой, мы менее всего нуждаемся в словах и более всего обязываемся к просвещенному действию. Не стеснять, не ограничивать, но следует прежде всего взаимно связать, сердечно откликнуться в Огненности действия, в неутомимости, в мужестве, в возжжении сердец и в неустанном труде познания во Благо Общее — это есть задача Культуры.

Пусть каждый в своей области сообразит и принесет к общему очагу то благое, на что способна его опытность и его творчество. Все благое, все познавательное нужно и должно быть приветствовано. В этом приветствии от сердца, в

несокрушимой устремленности к сотрудничеству, во взаимности начнем нашу новую работу.

Пошлем привет как видимым, так и невидимым друзьям и сотрудникам. Всемирность есть уже Беспредельность, где каждому трудящемуся уготован Сад Прекрасный. В Добрый Путь.

III

СЛОВО ИНДИИ

Перед нами лежит груда периодических изданий Индии. Именно груда, своей величиною и разнообразием отвечающая качествам великого материка. Назовем несколько заглавий, кроме всего множества изданий на бенгальском, урду, тамильском и всяких индусских и мусульманских наречиях.

Вот объемистый “Калиан”, посвященный высшим концепциям. Вот издания Вишва Бхарата, напитанные благородным, возвышенным духом великого поэта Индии Рабиндраната Тагора. Вот “Современное обозрение”, широко отзывчатое под опытным руководством маститого Рамананды Чатерджи. Вот под благою рукою Дармапалы журнал общества “Маха Бодхи” и “Буддист” на Цейлоне, где трудится неутомимый Сиривадхана. Вот целая серия благих журналов Миссии Рамакришны и первоклассные “Прабудха Бхарата” из Майавати и “Кесари Веданта” из Мадраса. Вот из дальнего Пальгата “Ученый”, со своей обширной культурной, художественно-научной программой. Вот зовущая “Заря”, овеванная культурно-религиозными поучениями почитаемого Садху Васвани. Вот прекрасное “Рупам”, делающее честь О. Ганголи. Вот целое множество журналов, полных лучших образовательных побуждений: “Калпака”, “Воспитательное обозрение” (Мадрас), “Молодой народ”, “Студент”, “Тривент”, “Воспитатель Индии”, “Восток” (Бомбей), “Теософист” (Адьяр), “Молодой строитель”, “Торговый журнал всей Индии”, “Поле”, “Сингалеze” (Цейлон), “Текущая наука”, “Журнал Геологического общества”, “Журнал металлургии”, “Лесник”, “Наука Индии”, “Литературное обозрение” Тараповалы, Журнал ботанический, Археологическое обозрение, журнал Бомбейского общества естественной истории, издания Института Боше, журнал Индусского общества биологии. Индусский исторический четырехмесячник, журнал Азиатского Бенгальского общества, журнал Бомбейского отдела Королевского Азиатского общества...

Не перечислить всю эту многоцветную груду полезнейших изданий, ведущих культурную мысль. Справочник показывает в Индии 5362 печатни, 1378 газет, 3089 периодических изданий. За год издано 2117 книг на английском и европейских языках и 14276 книг на индусских, мусульманских и прочих местных наречиях. Среди печатных океанов прочих стран эти устои мысли составляют остров прекрасный.

Из всей этой просветительной массы, даже немногие приведенные названия — разве не очерчивают они целый мир — философской, общественной, научной мысли, величественный в своих тысячелетних устоях? И разве не ценно в наши дни разложения и распада убеждаться в глубинах существующей, живущей мысли!

Часто принято говорить о прошлом и лишь о прошлом. А за настоящее мы как бы стыдимся, особенно же когда оно касается философского и научного мышления, которое для многих современных людей попало в разряд отвлеченностей.

Слишком многие сейчас полагают, что религия, философия, культура, наука, искусство мышления суть отвлеченности, касаться которых сейчас недосуг. Но настоящие реальности заключаются в торговле, в промышленности, в счетоводных книгах.

Потому-то так сердечно радостно видеть не только книги, посвященные истинным ценностям, но ежесемейники и еженедельники, в которых пульсирует

мысль почти ежедневная, во всей непрестанности, во всей неутомимости и нужности.

Ведь ежемесячник, уже не говоря о еженедельнике, требует постоянного горения и устремленного труда.

Недавно я писал Вам о дружелюбии как о мировом алмазном. Во всех этих разнообразных изданиях не бросается в глаза злобная полемика. Замечается преобладание факта, исследования и философский подход к жизненным понятиям. Даже такой, казалось бы, специальный журнал, как “Торговля всей Индии”, имеет статью “Продавец и культура”. Таким образом освещается и это понятие, так часто извращенное в кривых призмах современности нашей.

Бросается в глаза отсутствие плоских шуток и всей мишуры, связанной с опошленным понятием о проведении “хорошего времени”.

При этом необходимо отметить, что вместо нетерпимости можно находить многие статьи, благожелательно трактующие убеждения соседа. Конечно, как всегда, мы выбираем доброе и лучшее, но ведь в пределах Культуры только и можно путешествовать по добрым вехам.

Вехи зла и тьмы и так уже завели человечество в темно-магические лабиринты, из которых не выйти ни нюдизмом, ни гольфом, ни биржею, ни скачками, ни всеми попытками на быстроту. Куда приведет она — эта быстрота? До чего быстро катится по льду человек в пропасть, — ведь тоже быстрота.

Также радует и значительное количество серьезных статей, посвященных женскому движению и молодежи и экспериментальным исследованиям. Строительность и серьезность изложения обнадеживают, как показатель, что именно требуют читатели. И все эти тысячи изданий, а на самом деле еще большее количество, имеют свой круг читателей. Как-то существуют, выходят вовремя и наверно в большинстве случаев издаются бедняками и тружениками.

Среди всяких смятений истинно драгоценно отметить факты здорового духа. Пусть они разнообразны, ведь Культура, как таковая, тоже многообразна, но все же остается Единой в своей светлой творящей основе.

Необходимо искать факты, лишь непредубежденные факты, в которых звучало бы сердце человеческое. Наша обязанность собирать, отмечать эти факты накоплений духа. Так образуются сокровищницы истинных ценностей. В часы подавленности, от истинных ценностей можно почерпнуть обновленные силы и несломимую бодрость, терпение, радостность и все творящие начала жизни.

Бесконечно вдохновляюще видеть воочию перед собою это множество серьезных, углубляющих и утончающих сознание изданий, которые существуют как лучший знак своей насущности для множеств сердец.

Передайте всем нашим обществам, институтам и комитетам, чтобы каждый в своей стране собрал и дал бы хотя бы краткий обзор и характеристику прессы и издательств. Пусть все наши европейские, китайское, японское, южноамериканские и южноафриканские общества дадут эти обзоры, которые составят ценнейшее собрание движений современной мысли.

Пусть не слишком приковывают внимание к отрицательным явлениям. Всякое безобразие и невежество затемняюще и заразительно. Пусть идут позитивным, светлым путем. Как всегда, будем помнить, что только искры строительства зажигают сердца и создают творящую радость.

IV

“ГРАД СВЕТЛЫЙ”

“Смотреть на прекрасное — значит улучшаться” (Платон).

“Человек становится тем, о чем он думает” (Упанишады).

“Вразумляйте бесчинные, утешайте малодушные, заступайте немощные,

долготерпите ко всем” (Апост. Павел).

“Просветите себе свет ведения” (Осия, 10, 12).

“Человек должен стать сотрудником неба и земли”. “Все существа питают друг друга”.

“Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но чтоб приложить их, нужна искренность”.

“Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя”.

“Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?”

“Невежда, гордящийся своим знанием; ничтожный, желающий чрезмерно свободу; человек, возвращающийся к древним обычаям, — подвержены неминуемым бедствиям” (Конфуций).

Как все это старо и как нужно именно теперь. Может быть, нам только кажется, что именно сейчас такая потребность не только в вере, но к исповедованию? Нет, друзья, не кажется это. Сведения каждого дня потрясают смятенностью мира.

Апостол Павел, и Платон, и Конфуций опять ободряют, ибо прошли через всякие ужасы смятения духовного. И Соломон мудрый подтверждает: “И это пройдет”.

Истинно пройдет! Идут паломники в Шамбалу, в Беловодье. Никакие пропасти не остановят стремление духа. Знают и Пресвитера Иоанна и Гессар-Хана и Владыку Шамбалы. За белыми горами звонят колокола обитателей.

Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенно звучат странники “Светлого Града”. О хождении их повествует Брат Алексей в своих поучениях. “Меж болот мирской неправды, среди дебрей ложного знания, минуя скалы человеческой глупости, обретешь равнину исканий и восемь дорог к ней. А посреди — озеро живой воды. Пусть к нему лежит в кругах странников. Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь ли ты уважать все искания? Хочешь ли вникать в чужие искания? Хочешь ли сам искать свет совершенства? Ты ответил — хочу? Странник, ты принят в наш круг. Вот тебе посох с крыльями. Иди. Цветок круга странников — подорожник...”

“Ты, познавший тоску подорожника, — быть на всех путях везде при дороге, но никогда не зная, на пути ли ты, — вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведет тебя. Голубые звезды васильков цветут на золоте ржаных полей. Но ты, пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засеяй их золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нем ты найдешь зерна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все — Один. Бесплодны поля неорошенные... Пусть же алая гвоздика расцветет у тебя на груди. Иди. На пути я встречу тебя”.

Светлый Град стоит на чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство, религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы.

Странники совершали походы и осведомляли о них на своих духовных трапезах. Странники встречались в условном месте и совершали общую трапезу, состоявшую из хлеба, вина и фруктов, под открытым небом.

Разве не чудесно прекрасны такие искания? Разве не знаменательно, что в любом журнале сейчас звучит слово культура? К этой панацее тянутся люди ото всех концов. Вот клич о культуре из Болгарии, вот из Индии, вот из Эстляндии, вот из Буэнос-Айреса... В сердечном стремлении сознают люди, где панацея.

Правда, столько же голосов страшится этого светлого слова. Но иначе и не было бы Армагеддона, не было бы потрясений, нарушающих не только рынки-

базары, но и разрушающих храмы. Убоявшихся слова Культура отошлем к статье д-ра Кезенса “Спасение цивилизации через Культуру”, или к книге Проктора “Эволюция Культуры”, или к Бекону, подчеркнувшему значение этого понятия. Совсем недавно профессор Нью-Йоркского университета Радосавлевич прекрасно писал о Культуре — почитании Света. Свами Джагадисварананда, говоря о культуре, заключает: “Подобно религии и науке, искусство и культура всемирны за пределами всех невежественных ограничений”. Тому же понятию посвящает Шри Васвани свою прекрасную книгу “Религия и Культура”. От другого материка Луи Маделен говорит о культуре “очень человеческой”, о мощи и притягательности ее. Сколько прекрасных голосов! Сколько в них взаимопонимания и залога истинного строительства.

Не будем бояться всех испугавшихся и пойдем мужественно путем собирания всех прекрасных, вечных начал.

Будем помнить о кооперации во всех ее проявлениях. Будем привлекать к общему труду самых разнообразных работников, чтобы не было отрицания и угашения. Ведь каждый в жизни своей может проявлять высшую меру дружелюбия. Каждый сердцем своим знает, где зло, где невежество, и будет тверд в противостоянии злу.

“Все за одного, один за всех” — по этой старой максиме найдем силы неисчерпаемые.

“Не лучше в мире” — истинно так! Трещит мирское строение. Но там, где странники, где каменщики, где создатели, там сама надежда претворяется в чувствознание. Это знание говорит о неотложности часа. Поспешаем и не убоимся.

Книга “Мир Огненный” заповедует о строительстве мужественном:

“Уявление утраты сотрудничества делает людей такими беспомощными. Утеря согласованности ритма уничтожает все возможности новых преуспеваний. Сами видите, какие трудности порождаются разъединением. Очень опасно такое состояние!”

“Плох мастер, который не пользуется всем богатством природы. Для опытного резчика искривленное дерево ценное сокровище. Хороший ткач применяет каждое пятно для разукрашивания ковра. Златоковач радуется каждому необычному сплаву металла. Только умеренный мастер будет сокрушаться обо всем необычном. Только скудное воображение удовлетворяется чужими рамками. Большую зоркость и находчивость вырабатывает в себе истинный мастер. Доброе очарование мастерства освобождает мастера от разочарования. Даже ночь для мастера не приносит тьму, но лишь разнообразие форм от единого Огня. Никто не склонит мастера к блужданию, ибо он знает во всем неисчерпаемость сущности. Во имя этого единства мастер соберет каждый цветок и сложит извечное созвучие. Он пожалеет об утрате каждого материала. Но люди, далекие от мастерства, теряют лучшие сокровища. Они твердят лучшие молитвы и заклинания, но, как пыль, уносятся эти раздробленные и неосознанные ритмы. В пыль мертвой пустыни обращаются осколки знаний. Об Огне знает сердце человеческое, но рассудок пытается затемнить эту явленную мудрость. Люди говорят — он сгорел от злобы, или — он засох от зависти, или — он загорелся желанием. Во множестве выражений, точных и ясных, люди знают значение Огня. Но не мастера эти люди и готовы они бессмысленно просыпать жемчужины, им самим так нужные!

Не понять щедрость людскую, когда уничтожаются сокровища света. За одну возможность отрицания люди не щадят себя. Они готовы потушить все огни вокруг себя, лишь бы сказать, что в них никакого Огня не имеется. Между тем погашать Огни и допускать тьму есть ужас невежества”.

“Огненное сознание дает тот несокрушимый оптимизм, который ведет к Истине. Сама Истина, в сущности своей, позитивна. Нет отрицания там, где Огонь творит. Нужно принимать условия Мира по уровню огненного сознания. Условия явленной жизни часто препятствуют огненному сознанию. Трудно примириться с

условностью одежды строительства. Обращение и многие подробности жизни мешают огненному восприятию. Но когда хотя бы раз прикоснуться к Миру Огненному, то вся шелуха становится незаметною. Так нужно вести себя по высшему уровню, не смущаясь несовершенством окружающего”.

V

ОБМЕН

Недавно слышали мы, что в Нью-Йорке в последнее время квартиры иногда обмениваются на съестные припасы и разные продукты. В “Литературном обозрении” за февраль настоящего года появилась следующая заметка:

“Париж и Америка как бы состязаются в восстановлении былых веков, когда процветал обмен.

Париж при этом подчеркивает искусство, а Америка съестные припасы. В Париже картины, оцененные в сто тысяч долларов, были обменены без затруднения. Сапоги, автомобили, вино и даже врачебные операции были средствами обмена. Объединенная Пресса сообщает:

“В сараеподобном помещении в выставочном парке около Версальских ворот два месяца процветал Салон обмена.

Модернистические художники Остерлинд и Рамэ получили достаточное количество новых сапог не менее чем на двадцать лет. Вера Роклин из Петрограда больше не будет жаловаться на отсутствие шляп. Бомпар, известный гурман, наполнил свой погреб бутылками Шабли. Один счастливый парижанин Моро получил автомобиль.

Другие предметы, участвовавшие в обмене на картины, были: докторские визиты к художнику в течение года; хирургическая операция; редкая китайская вышивка; полдюжины стиральных машин; комната в гостинице и пожизненное страхование. Один художник получил за пару своих картин ценный фотографический аппарат.

Пять американцев участвовали в обмене. Один, Ари Стильман, отказался от предложения кабарэ на Монмартре с шампанским для него и для его друзей во время любого их визита.

Другие американцы, которые приняли участие в обмене, были Фредерик Кан и Кавис Керкман, динамисты, и Минна Харкави и Анна Вольфе, скульпторши”.

На следующей странице того же журнала под заглавием “Растущее движение обмена” приводится много очень полезных предложений и описаний, как их применять в жизни. Автор утверждает: “Существенным побочным явлением такого обмена является улучшение нрава общества. Предложением обменять предметы ежедневного обихода на человеческий труд, такой кооперативный обмен предохраняет от нравственного падения”.

Такие заметки напомнили мне многие эпизоды из моей жизни, когда я собирал картины старинных мастеров. Например, один известный антиквар спросил с меня огромную сумму за старинную голландскую картину. Когда я указал ему на нелепость такой оценки, он, улыбнувшись, сказал: “Именно для Вас странно говорить о цене, когда Вы сами печатаете ваши собственные деньги. Просто дайте мне одну из Ваших картин вместо денег”. Подобный эпизод произошел при консультации с известным придворным врачом Б. Он наотрез отказался от денежного гонорара и вместо него попросил мой эскиз. Много подобных примеров; они показывают не только жизненность искусства, но также доказывают, что предметы творчества всех родов представляют могущественное средство при обмене в культурных пределах, тем заменяя условный, и неверный денежный знак истинною ценностью труда.

Добровольный обмен дает новый импульс самым разнообразным

производствам, распространяясь в широких массах общества, и особенно полезен сейчас, когда материальный и духовный кризис, может быть, надолго нарушил равновесие нормального прогресса.

Было бы чрезвычайно желательно всемерно помочь такой кооперации. Я хотел бы по этому поводу услышать мнение моего друга Леона Дабо. Он всегда приходит на помощь в своей огромной опытности и блестяще помогает в решениях болезненных вопросов творчества и прогресса.

В деле обмена требуется высококультурное понимание; оно предохранило бы это начинание от всякой вульгарности, которая может вкрадываться, внося всякое разложение.

Пусть Л. Дабо скажет свое непредубежденное суждение, которое поможет избежать многих осложнений. Ведь обмен культурного творчества является чрезвычайно деликатным предметом.

Также недавно в “Сфере” мы читали об интересном начинании в Англии, благодаря которому устроился целый кооперативный поселок безработных. В самый короткий срок эти кооператоры не только поставили свое дело на твердое основание, но уже успели выстроить свой собственный театр и другие общественно-культурные учреждения. Во дни крушения денежных знаков, во дни падения мирового идола, всемогущего золота, каждое кооперативное начинание, которое выдвигает труд человеческий как истинную ценность, должно быть особенно приветствовано. Особенно должно быть радостно, когда понятие человеческого труда воспринимается без условных ограничений в его действительном значении. Это показывает, что наконец-то народ понял, что умственный творческий труд поглощает больше энергии, нежели мускульная работа, что уже достаточно подтверждено современной наукой.

Истинно, ценность многообразного труда является неизменной величиной в человеческих соотношениях, если труд будет понимаем во всем его мощном творчестве.

Качество труда, без эгоизма, в постоянном самоусовершенствовании, разрешает многие финансовые проблемы, которые оказались уже за пределами устарелых и условных приемов. Обмен труда, повышение качества работы и сердечная кооперация должны быть неотложно поощряемы Всемирной Лигой Культуры.

1933 г.

VI

БОЛЬ ПЛАНЕТЫ

Тридцать два года тому была у меня статья “К природе”. Третий век только подтвердила все зовы о природе, тогда сказанные. Но все спешит сейчас, потому и зов “К природе” уже успел превратиться в “боль планеты”.

В 1901 году после поездок по Европе и России думалось:

“Сильно в человеке безотчетное стремление к природе (единственной дороге его жизни); до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу — садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования; и тело наше — и то ополчилось и толкает к природе, нас, измочалившихся суетою и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упряимся; вместо шагов к настоящей природе, стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь, в своей спирали культуры, неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к

природе.

И надо сказать, что требование заботливого отношения к природе и сохранения ее характерности нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем, что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи незаметным, но непременно стимулом создателя.

Скажут: “Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает”.

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет страх, — средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинят что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было, надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы.

Хотим ли мы знать нашу природу?

Этого не заметно.

Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?

Нет, не принято.

Всегда особенно много ожидаешь и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же.

“Из земли вышел, в землю уйду”.

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере уходит в нее духовно; конечно, это менее полно, но все же хорошо заключает прожитую жизнь...

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище, и притом уж не знаю, нашептывает ли это всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

“Бросьте все, уезжайте в природу”, — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное; но от одного его телесного присутствия в природе толк получится еще очень малый, и хороший результат будет, лишь если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, — только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположную, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое.

Но ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостря обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей

нотой которой звучит красота “неведомого”.

Так думалось тридцать два года назад. С тех пор много где “добрая земля” сделалась “кровавою землею”. Много урожаев было уничтожено. Пустыни не перестали расти. Фермеры начали бросать родную кормилицу и потянулись в город, чтобы увеличить шествие безработных. А в услугу биржевых цен где-то топились в океане и сожигались гекатомбы зерна, кофе и других ценных продуктов. Где-то произошло падение скотоводства. Где-то еще истребились леса. Где-то мертвенные пески еще увеличили свое завоевание.

Город видимо одолел природу. Город на небе дымно начертал свои заклинания. Мы ошиблись, ожидая стоэтажных домов, — жилища города стремятся стать еще выше, чтобы соблазнить и приютить всех дезертиров природы. Молох — Биржа не однажды свирепо расправилась со своими почитателями. Но легкая, хотя бы и призрачная, нажива все-таки отвлекает смущенный ум человеческий от истинных ценностей. Город завлекает слабых духом и оставляет природе или старомодных староверов, или туристов, надменно толпящихся на избитых путях. Каждый может вспомнить вид леса, посещенного праздничными проезжими. Сор лежит горами и житель природы уныло шепчет: “Опять насорили!”.

Стремительный, почти ослепительный проезд по природе еще не есть сотрудничество с природою. А сейчас, во дни Армагеддона, среди смущений и обуянности злобою, нужно осознать истинные ценности. Казалось бы, неистощима природа, но кастрат духа, робот, механика технократии может засорить даже великие пространства. И никто, срубивший дерево, и не подумает о насаждении нового.

Привлечь фермеров снова к земле, прежде всего, можно лишь общемо культурою, которая напомнит об истинных ценностях. Тогда знание, просвещенность, широкая терпимость и примиренность снова напомнят о веселом труде, вместо веселого времяпрепровождения.

Чрезмерность городских скопищ станет ясной лишь для мирного духа, и сама машина заговорит под любящею рукою. Всякая несоизмеримость противна Высшему Творчеству. Но что же более несоизмеримо, как не гнойник гиганта города с пустынею, которая когда-то была цветущими пространствами, опоганенными невежеством.

Если не всегда способен человек на творчество, то ведь причинить боль он всегда может. И может он сделать боль не только людям же, не только животным, но и всей природе и целой планете. Велика ответственность человеческая; не гордиться, но священно принять ее должно человечество. Конституция человеческая по сущности своей позитивна, созидательна, и разлагающие элементы не что иное, как продукты невежества. Ведь оно, это темное невежество, засоряет ум, сушит сердце, засоряет и иссушает всю планету.

“Как прекрасно!” — было последними словами отходившего Коро. Он, возлюбивший природу, в минуту великого перехода удостоился узреть Нечто истинно прекрасное. Говорим о мире, о разоружении, но ведь в духе нужно перековать мечи на плуги.

“Да будет мир с вами, — заповедал нам Христос, — мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам”.

“Мир всем существам, мир во всех мирах”, — поет перед молитвой подвижник Индии.

“Познав Меня как могущественного Владыку миров и как Возлюбившего все сущее, мудрец обретает мир” (Бхагавад-Гита, пятая беседа).

“Там, где собрались избранные, — говорит Коран, — там раздается только одна песня, это песня мира”.

“Пусть живет все живущее”, — говорит Буддизм.

Каждая православная обедня начинается возгласом великой ектении: “О мире всего мира Господу помолимся!”.

Все творчески прекрасное, все возвышенное заповедует о мире. Но это успокоение снисходит среди природы. Вот книга Востока “Мир Огненный” заповедует:

“529. Обычная ошибка, что люди перестают учиться после школы. Пифагорейцы и тому подобные философские школы Греции, Индии и Китая дают достаточно примеры постоянного учения. Действительно, ограничение лишь обязательными школами образования показывает явление невежества. Обязательная школа должна быть лишь входом в настоящее познание. Если разделить человечество на три категории: на вообще не знающих школ, на ограниченных обязательным школьным образованием и на продолжающих познание, то последнее число окажется удивительно ничтожным. Это показывает, прежде всего, небрежение к будущим существованиям. В упадке духа людям нет дела даже до собственного будущего. Пусть останется запись, что в настоящем, столь значительном году приходится напоминать, что пригодно было тысячу лет назад. Кроме начального образования, нужно помогать обучению взрослых. Несколько поколений одновременно существуют на земле и одинаково мало устремляются к будущему, которое им не миновать. Небрежность эта поразительна! Учения сделаны пустыми оболочками; между тем на простой праздник люди стараются приодеться! Неужели для торжественной Обители Огненного Мира не приличествует запастись одеждою Света? Не в ханжестве, не в суеверии, но в просветлении можно радоваться не только детским школам, но и объединению взрослых для постоянного познания.

530. Правильно повторять о болезни планеты. Правильно понять пустыню как позор человечества. Правильно обратить мышление к Природе. Правильно направить мышление к труду — сотрудничеству с Природою. Правильно признать, что ограбление Природы есть расточение сокровищ народа. Правильно о Природе порадоваться как о пристанище от огненных эпидемий. Кто не мыслит о Природе, тот не знает приюта духа”.

Зов о культуре, зов о мире, зов о творчестве и красоте достигнет лишь ухо, укрепленное истинными ценностями. Понимание жизни как самоусовершенствования во благо народное сложится там, где твердо почитание Природы. Потому Лига Культуры среди основной просветительной работы должна всеми силами истолковывать разумное отношение к природе как источнику веселого труда, радости мудрой, непрестанного познания и творчества.

Гималаи. 24 марта 1933.

VII

УЧИТЕЛЬСТВО

Перед нами лежит сведение из Чикаго о невыплате жалования школьным учителям. Странно звучит это накануне открытия Всемирной юбилейной Чикагской выставки.

В “Литературном обозрении” за март 1933 под заглавием “Битва учителей за школу” среди многих сведений даются следующие поразительные факты:

“Образование должно быть понижено — так гласит приказ экономистов”. “Мы стоим на поле битвы” — возглашают тысячи воспитателей, собравшихся на конвенцию в Миннеаполисе. В “Отделе наблюдения за национальным образованием” д-р Купер замечает: “Уже тысячи детей остаются в действительности без образования. Двести отделов в Арканзасе могут давать лишь шестьдесят школьных дней в год, т. е. в течение восьми лет лишь два года образования. Подобное же положение в Алабаме, Оклахоме, Айдахо...” “Мы предпочли бы личные жертвы, — продолжает проф. Портон, — нежели допускать отрицание прав на образование. Лояльность в этом вопросе создала учителям уважение общин и родителей и укрепила деятельное сотрудничество в деле защиты школ...” “Где же

будет польза для нации, если мы будем заботиться о промышленных корпорациях и забрасывать образование детей Америки?” — так спрашивает доклад Комитета в Толедо, Огайо...

В последнем номере Журнала учителей, издаваемого в Нью-Хейвене, заключается целый ряд знаменательных сведений все о том же бедственном положении учительского дела. В руководящей редакторской статье говорится: “Кризис, встречаемый школами, достиг такого бедственного положения, что мы не затруднимся сказать, что подошли к такому пункту, когда каждое угрожающе нависшее решение может быть фатальным”. Статья кончается призывом к усиленной справедливости. Следующая статья “Права человеческие против прав денежных” говорит, что и плательщики налогов стонут под тяжестью расходов правительства по сравнению с уменьшением их прихода. “Стало очевидным, что то, что прежде называлось “депрессией”, теперь сделалось “паникой банкиров”.

Третья статья того же журнала, “Конференция граждан об образовательном кризисе”, знаменательная для нашего смятенного времени, дает “Декларацию политики”, утверждающую значение образования в государстве, протестующую против вторжения политики в школьное дело и снова взывающую о соответствии гонорара с дороговизною жизни. Декларация должна твердить старые истины, очевидно имея достаточное основание для их повторения. Так, параграф четвертый декларации говорит: “Образование есть необходимость, а не роскошь, ибо рост ребенка не может быть отложен или задержан на время экономических затруднений”. А параграф 33 справедливо замечает: “Если государство желает иметь при будущем поколении учреждения, достойные государственных нужд, оно не должно немудро ослаблять человеческие основы таких учреждений”.

Так знаменательно говорит случайно увиденный нами номер Учительского журнала, но и без него за последние месяцы мы читали бесконечный список всяких сведений о сокращениях и урезываниях именно в образовательных учреждениях. Действительно, не в одной стране, а во многих как будто люди согласились не думать более о будущем и прекратить образовательные начинания. Положение учительского персонала, постоянно подверженного всяким урезываниям, очень часто совершенно неожиданным, делается окончательно необеспеченным и тем вносит пагубную нервность в дело образования молодежи.

Всюду имеются особые министерства народного просвещения, департаменты наук и искусств, и странно видеть, что эти установления, казалось бы самые насущные в жизни культурного государства, так часто и всюду подвергаются прежде всего всяким сокращениям. Точно бы они действительно были какою-то роскошью, а не самым насущным делом, без которого все остальные министерства и департаменты вообще не могут существовать. Люди не решаются говорить об урезывании многих других содержаний, но предложить сокращение скудного жалования учителя действительно сделалось каким-то общепринятым фактом. Учитель, обычно не имеющий никаких сбережений, должен существовать каким-то чудом, и при этом он должен показать полное добродушие, удовлетворенность, уравновешенность — словом, все те качества, которые прежде всего потребуются от педагогов. Удрученный заботами о насущном существовании, педагог должен сохранить маску долготерпения и улыбку мудрости, в то время как семья его, может быть, не знает, как заключить счета завтрашнего дня. Почему же именно от педагога требуется такое исключительное гражданское геройство? Почему же мы будем ожидать от людей, действительно нуждающихся, постоянных бесконечных жертв?

Государство, направленное к созиданию, к позитивному решению житейских проблем, не может игнорировать положение учителя. Игнорируя положение педагога, государство будет игнорировать положение всего своего юношества. Конечно, педагог, погруженный в образовательную, требующую сосредоточения работу, является наименее протестующим элементом, разве он будет вынужден

какими-либо безысходными бедствиями. Ведь люди хотят, чтобы учитель не только преподавал хорошо, чтобы не только обладал постоянно пополняемыми сведениями, но чтобы учащиеся любили своего учителя. Любовь неразрывна с уважением, и само государство обязано создать для педагогов особо уважаемое положение. Невозможно резко делить педагогов на низших и высших, ибо синтез науки всюду высок и надо положить много времени и сосредоточенных усилий, чтобы усвоить и остаться на гребне этого синтеза знания.

Педагог есть друг позитивного творящего правительства, ибо учитель существует для постоянного создания и утверждения человеческого достоинства. Кто же скажет молодому поколению о самом прекрасном, о самом творческом, о самом мощном, о геройском, о самом познавательном. Действительно, от учителя мы ожидаем ведания самых высоких понятий. Мы ожидаем от него и терпения, и неустанного труда, и постоянного обновления, и в то же время мы не заботимся о том, чтобы эти высокие условия и запросы были достаточно обеспечены.

Мне самому около двадцати лет пришлось стоять во главе образовательного учреждения. Среди тысяч учащихся и сотен профессоров и преподавателей можно было наблюдать всю разнообразную меру взаимоотношений. Высоко дело учительства, но и трудно оно. В постоянной текучей волне школьного элемента надо соблюдать великое равновесие и постоянно неисчерпаемо давать радость молодому духу, который должен вступить в жизнь, полный обоснованных надежд и светлых стремлений, утвержденных знанием руководителя. Понятие учителя далеко проникает во всю жизнь за пределами школьного общения; как драгоценно, если на всю жизнь мы можем сохранять любовь и почитание к нашим первым учителям руководителям. Если бы школьники, войдя в жизнь, впоследствии осознали, что учителя их незаслуженно страдали и были отягощены сверхмерно, то ведь многие угрызения шевельнулись бы во имя любви и дружелюбия, которые должна создавать школа. Для этих устоев общественности, иначе говоря, для проникновения основами культуры, следует обратить внимание на образовательное дело как на самое драгоценное, как на самое священное. Если в хорошие, в благополучные времена государство вправе ожидать всевозможного улучшения положения педагогов, то во времена материальных и духовных кризисов положение тружеников просвещения должно быть сугубо охранено.

Охранение основ образования должно быть первейшим условием Лиги Культуры. Без заботы об образовании само существование Лиги Культуры бесцельно. Объединяться можно во имя знания, во имя прекрасного, во имя сердечного сотрудничества. Потому следует просить всех членов Лиги, чтобы каждый в своей деятельности, каждый в своем поле обратил самое сердечное внимание на положение дела образования. Не будем утешаться, что образование все же существует и учителя как-то существуют. Этого мало. Образование должно существовать прекрасно, и учителя должны быть благоустроены, как достойно в прогрессивном позитивном государстве. Если каждый в своей мере приложит мысль и заботу к этому насущному предмету, то, уверяю Вас, многое благое совершится, во благо дела истинно государственного.

В моей книге “Шамбала” я воздал привет Учителям в статье, озаглавленной “Гуру-Учитель”.

Однажды в Финляндии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошел мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: “Кто этот человек?” Необычайно серьезно мальчик ответил: “Это Учитель”. Я снова спросил: “Это ваш Учитель?” — “Нет, — ответил мальчик, — это учитель из соседней школы”. — “Вы знаете его лично?” — “Нет”, — ответил мой юный друг. — “Почему же вы его приветствовали так почтительно?” Еще более серьезно малыш ответил: “Потому что он Учитель”.

Истинно, в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего свое прошлое и сознающего значение слова

“созидать”.

Ж. Сент-Илер в “Криптограммах Востока” приводит трогательное сказание о почитании Учителя:

“Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: “Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?”.

Мальчик улыбнулся: “Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!”.

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя”.

Закончу письмо строками из книги Востока “Мир Огненный”:

“Мать говорила сыну про великого Святого: “Даже щепоть праха, из-под следа его, уже велика”. Случилось, что тот Святой проходил селением. Мальчик усмотрел след его и взял щепоть земли этой, зашил ее и стал носить на шее. Когда же он отвечал урок в школе, он всегда держал рукою ладанку земли. При этом мальчик преисполнялся таким воодушевлением, что ответ его был всегда замечателен. Наконец, учитель, выходя из школы, похвалил его и спросил, что он всегда держит в руке? Мальчик отвечал: “Землю из-под ног Святого, который прошел нашим селением”. Учитель добавил: “Земля Святого служит тебе лучше всякого золота”. При этом присутствовал сосед-лавочник и сказал самому себе: “Глуп мальчик, собравший лишь щепоть золотой земли. Дождусь прохождения Святого, соберу всю землю из-под ног его, получу самый выгодный товар”. И сел лавочник на пороге, и тщетно ждал Святого. Но Святой никогда не пришел. Корысть не свойственна Огненному Миру...”

“Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете. Стыд тем, кто знает, что детей их учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но знак невежества. Можно ли поручать детей человеку удрученному? Можно ли забыть, какое излучение дает горе? Можно ли не знать, что дух подавленный не вызовет восторга? Можно ли считать учительство ничтожным занятием? Можно ли ждать от детей просветления духа, если школа будет местом принижения и обиды? Можно ли ощущать построение при скрежете зубовном? Можно ли ждать огня сердца, когда молчит дух? Так говорю, так повторяю, что народ, забыв учителя, забыл свое будущее. Не упустим часа, чтобы устремить мысль к радости будущего. Но позаботимся, чтобы учитель был самым ценным лицом среди установлений страны. Приходит время, когда дух должен быть образован и обрадован истинным познанием. Огонь у порога...”

“Нужно смягчить сердце учителей, тогда они пребудут в постоянном познании. Детское сердце знает, что горит и что потухло. Не урок заданный, но совместное с учителем устремление дает мир чудесный. Открыть глаза ученика, значит вместе с ним полюбить великое творение. Кто не согласен, что для устремления вдаль нужно стоять на твердой почве? Стрелок подтвердит. Так научимся заботиться обо всем, что утверждает будущее. Огонь у порога...”

“Всякое поругание Спасителя, Учителя и Героев повергает в одичание и погружает в хаос. Как разъяснить, что хаос очень близок; для него не нужно переплывать океан. Так же трудно пояснить, что одичание начинается от самого малого. Когда сокровище торжественности потеряно и жемчуг знания сердца рассыпан, что же остается? Можно вспомнить, как глумились над Великою Жертвою. Разве весь Мир не ответил на такое одичание? Можно видеть, как отражается оно на измельчании. Хуже всего это измельчание! Говорю — будьте благословенны энергии, лишь бы не впасть в маразм разложения. Так будем помнить все Великие Дни!..”

“Можно представить себе, как прекрасно может быть сослужение множеств людей, когда сердца их устремляются в одном восхождении. Не скажем — невозможно или отвергнуто. У Силы можно заимствовать и от Света можно просветиться. Только бы понять, в чем Свет и Сила. Уже хохочет кто-то, но он

хохочет во тьме. Что же может быть ужаснее хохота во тьме! Но Свет будет с тем, кто хочет его”.

VIII

КУЛЬТУРНОСТЬ

У друзей наших живет Тизи-Визи. Это не человек, а попугай, притом птица очень исключительная. Помимо прочих философских воззрений, Тизи-Визи, прослышав об успехе нюдистов, решил последовать их примеру. Он сбросил все свое разноцветное оперение. Даже и не пощадил длинного зеленого шлейфа хвоста. И начал разгуливать нагишом, вовсе не заботясь о несоответствии своего гигантского клюва с тщедушным тельцем. Ведь это и у нюдистов случается. Тизи-Визи настолько проникся идеями нюдизма, что каждое появившееся перышко он немедленно выщипывает. Среди разнообразных разговоров с хозяевами своими Тизи-Визи иногда престранно свистит, точно бы хочет скандировать слово Культура.

Ох, часто, очень часто и свистом и писком твердится это священное слово. Скоро, как нюдизм и прочие моды, кто-то сочтет вполне модным двадцать раз в день повторять это звучное слово, немало не стыдясь всех своих прежних привычек.

За долгие времена так называемой цивилизации человечество так привыкло не соединять поступки свои с произносимыми понятиями. Люди ходят в церковь, умиляются словами высокого Учения, восхищаются проповедью о нестяжании и, приговаривая: “Все мы скоты перед Господом”, идут домой, чтобы неотложно объесться, опиться, отравить себя всякими наркотиками и сквернословить. Люди идут в театр, плачут над суровой судьбою героев, проникаются самыми возвышенными идеями и спешат домой, чтобы готовить ту же судьбу героям современности. Люди слушают музыку, даже пытаются внести ее в обиход свой, но посмотрите на этих знатоков звука, когда биржа не отвечает их вожделениям.

И так мы ухитрились наполнить жизнь самыми невероятными противоречиями, но с одной оговоркой — подъемы духа бывают очень кратковременны, тогда как озверение бывает вполне естественным пополнением жизни. В неискренности люди приходят даже к некоторому утончению. Так некий обманщик, собираясь обмануть, всегда наполнял глаза свои слезами. А другой, удушая множество людей, пытался застроить поле свое храмами и великолепными зданиями, надеясь, что души удушенных не расшатают фундамент. И в других областях, даже близких науке и искусству, можно было неоднократно встречаться с прирожденным лицемерием. Когда становилось модным углубляться в старину, сколько внешних и скользких по поверхности слов было произнесено. Новые знатоки готовы были теоретически охранять ее, ту очень далекую старину, но когда касалось дело до старины близкой, зависящей от них самих, то весь вчерашний энтузиазм куда-то испарялся. Старина опять становилась чем-то скучным, а, может быть, и какие-то “срочные дела” отвлекали вчерашних идейных апологетов!

Когда мы обращаемся к понятию Культуры, к понятию такому близкому, насущному, неотложному, невольно вспоминаются все лицемерные экскурсии человечества, в которых, как вчерашняя гроза, быстро забывается даже самое неотступно-стучащееся. Иногда становится жутко, а что если Тизи-Визи начнет отчетливо пищать слово Культура? А что если некто, твердя это слово, изобретет новые возможности удушения? А что если конференции против наркотиков благословят продажу наркотического сырья, благочестиво твердя против вредоносности отравления? Возьмите за год любую газету, и вы найдете самые необычайные примеры лицемерия, ханжества и лживости под предлогом высоких задач.

Конечно, все эти экскурсии лицемерия уже достаточно усложнили

современную жизнь. Люди запутались. Пробовали вводить пушки в христианские соборы для благословения. Но и это экстренное средство не помогло. Люди священного звания пробовали говорить о недействительности обязательств, ибо оно было произнесено только устно. Но и эти отчаянные не улучшили ни своего положения, ни своей паствы. И среди всей этой противоречивой неразберихи вдруг и как-то повелительно вырос девиз Культура. Нужно сознаться, что зов этот вдруг широко проник в массы. В те массы, которые всегда вызывали наши лучшие ожидания. Образовались целые Организации, посвящающие себя исканию и стремлению к Культуре. Мы знаем подобные организации, где трудящаяся молодежь вместо пошлого водевиля обращается к героическим подвигам улучшения жизни, во имя самых высоких имен и понятий. Никакие обвинения в лицемерии или попуайничестве не коснутся этих искренних и устремленных людей. Значит, перед всеми нами лежат две определенные задачи. С одной стороны, нужно всячески помочь, и объединить, и облегчать судьбу искренних искателей Культуры. С другой же стороны, нужно доглядывать с огнем в руке, чтобы драгоценное понятие Культуры не попало в число модных заголовков. Не сделалось модным, хотя и неосознанным понятием болтливых гостиных.

Предстоят две работы — просветительная и охранительная. Значит, кружки, Общества, организации, осознавшие ценность и смысл Культуры, должны доглядеть, чтобы никакая вульгаризация и опошление не начали бы разлагать это ценное и спасительное понятие. Конечно, не охранники, но просвещенные воины Культуры должны собираться и поддерживать друг друга, цементировать пространство самым высоким, самым прекрасным, проталкивая эти действительные ценности в жизнь. Нюдисты во имя своей идеи не стыдятся всенародно показывать свое безобразие. Пусть же деятели Культуры тоже не постыдятся показать, но не безобразие, а Красоту Духа.

Когда мы инкорпорировали Учреждение Лига Культуры, трудно было предусмотреть, как двинется эта организация. Но поднялось Знамя Мира: осозналось, что это Знамя нужно не только во время войны, но еще более повседневно. И безотчетно, стихийно связалось понятие Знамени этого с представлением о Лиге Культуры.

Всемирный отбор лучшего, сознательного, просвещенного! Как сон: еще недавно могли бы мы мечтать о таком единении? Но, видимо, колесо жизни вращается очень быстро, и незыблемый закон опять обращает нас к равнению по лучшему. Трогательно отметить, что пока, в добрый час, это единение происходит без всякого опошления. Людям хочется сойтись получше и духовно и внешне, это стремление кверху содержит в себе и разрешение множества социальных проблем, ибо в просветительном соединении искореняется пакость, стирается ржавчина и вдохновленным духам нечего опасаться безобразия. Мы только что укоряли в безобразии нюдистов; если бы они как-то избегли безобразия, то половина нападков на них исчезла бы. Но носители Культуры, обнажая прекраснейшие стороны духа своего, совершают необычайное преображение жизни. Ведь обязано же человечество отойти от безобразия. В самом слове “безобразия” заключена без-образность, непроявленность, мохнатость. А ведь дух-то наш стремится к стройным построениям, к ясности, к Свету. Кто же работает во тьме?

Итак, уберемся от попугаев, уберемся от извратителей и сквернословцев. Ибо нам невместно возвращаться в птичье состояние и невместно огрызаться позвериному. Столько неотложной работы перед нами. Такие глубокие прошедшие провода нужно найти и соединить с проводами будущего. Так добросовестно и устремленно нужно научиться уважать друг друга и в этом научиться уважать человеческое достоинство. Ведь в обиходе это не умеют делать, и умеют гораздо лучше затруднять, нежели облегчать и помогать.

Широка программа Лиги Культуры. Все прекрасное, все познавательное и просветительное. Это не внешняя интеллектуальность, — это сердечное стремление

к Свету, к взаимной помощи и пользе. Кто-то усмехнется, вспоминая старый цинизм: “Человек человеку волк”. А на это нужно сказать: “Тогда и убирайтесь к волкам и помните, что заветом “падающего толкни” вы вышли из моды и стали смешными. А что может быть безобразнее, как “впасть в ридикюль”?”

Вот Лига Культуры прежде всего и будет бороться против безобразия, рыхлости, гнилости, влезших в жизнь нашу. Для удобства поступательных действий нужен прежде всего порядок, организация, свободно осознанная духовная дисциплина. Но ведь Культура, как таковая, в самом существе своем уже содержит утонченность, понимание, созидательность. А там, где возносится строение во имя просвещения, там некогда ни оглядываться, ни вздыхать, ни сожалеть. Опять вспомнили: “Когда постройка идет, все идет”. И не забудем, что каждая постройка содержит в себе уже радость. Вот во имя этой строительной радости мы и сходимся и уважаем друг друга и можем смело смотреть друг другу в глаза, желая благо.

Когда искали клады, то главным напутствием было: “Не оглядывайся”. Так же и тут скажем: “А ну их к шуту, все смятения, все передраги и прокислые счета, когда постройка идет, все идет”.

IX

ПАНТЕОН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многие новости Европы неясны за дальностью расстояния. Например, доходили смутные сведения о том, что могила Дягилева на Лидо в забвении, но затем приходили известия о Музее Дягилева, так что, в конце концов, трудно установить, в каком состоянии находятся заботы о русском имени.

Вспоминаю Дягилева как одно из представительных имен Русской Культуры. Без всяких разделений и случайностей сегодняшнего дня подумаем о том, как бы следовало неустанно освещать общее значение Русской Культуры, которая в представлении и Востока и Запада дала такое незабываемое целое. В блеске монгольских мечей Русь внимала увлекательной сказке Востока. На щитах варяжских перенеслись руны романеска [Романский стиль], вошедшие благороднейшими знаками на стены русских палат и храмов. Но не только Восток и Запад, но и Юг и Север напитали Русь потенциалом возможностей. Византийская мозаика жизни и уклад Амстердама, все вносило те зачатки Синтеза, которые, поверх всех проблем сегодняшнего дня, должны сказать каждому русскому, где истинная ценность. Не разрушениями, но созиданиями внесла во всемирный уклад Русская Культура то, что уже на наших глазах создало внимание и оценку во всем мире.

Художественные выступления Дягилева, в разных областях искусства, показали еще раз, чем мы владеем; и сейчас в культурной работе и Европы, и всех прочих материков принимает участие целая плеяда славных русских выразителей Прекрасного. Без всякого преувеличения можно сказать, что многие сердечные нити связи с Европой и с Америками нерушимо сплетает Русская группа, дружелюбно вошедшая в культурную работу всех стран. Не только сейчас прочно утверждено во всемирном сознании понятие Русского Художества, о котором всего четверть века тому назад и не знали, но и во многих областях создалось согласное, дружественное сотрудничество с местными творцами Культуры.

Драгоценно осознавать, как утверждены во всемирном значении славные имена Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Мусоргского, Серова, Римского-Корсакова, Скрябина и многих славных. Как и подобает, русская культурная гордость стала гордостью всемирной. Но вот перед нами такая же замечательная плеяда живых утвердителей связи всемирной, живущих созидателей во благо Красоты. Ведь Шаляпин всемирен, и все его незабываемое тончайшее творчество и художество сделалось символом истинного достижения. Ведь такой

прозорливый творец, как Мережковский, внес неповторное культурное понимание прошлого с прозрением в будущее. Без преувеличения, много ли таких творцов писателей, которые глубоко и мудро могут касаться всемирных прозрений? А Ремизов и Бунин, и Бальмонт, и Гребенщиков разве не являются замечательнейшими выразителями сущности русской, убедительной во всем ее характерном многообразии? Ценны знатоки искусства и художники Эрнст и Бушен. Как же бережно должны мы обращаться с такими огромными культурными величинами, как Александр Бенуа, которые и творчеством своим и неутомимым познанием все время держатся на высоких путях Культуры. Не должны мы забыть, что вошедшие в лучшие страницы истории Искусств имена Репина, Сомова, Яковлева, Добужинского, Бакста, Билибина, Малявина, Судейкина, Григорьева, Шухаева, Петрова-Водкина и целого блестящего сообщества таких сильных и прекрасных живущих творцов в самых разнообразных областях, всегда останутся ценными и близкими лучшим соображением о Всемирной Культуре.

Живет и мощный Коненков, и Стеллецкий, и работы их входят в самые разнообразные круги и страны. А кто же не знает Стравинского и Прокофьева, без имен которых не обходится ни одно значительное музыкальное выступление? Какие широкие утверждения русского художества будут оставлены прекрасными артистами Павловой, Карсавиной, Нижинским, Мордкиным, Большом, Мясиним и всею славною группю Московского Художественного театра!

И сколько ни перечисляйте имен выразителей и утвердителей Русского Художества, вы сейчас же будете чувствовать, сколько прекраснейших деятелей еще не упомянуто, и в этом богатстве выражается мощь духа Пантеона Русской Культуры. Во всех веках запомнятся мощные устои Культуры, воздвигнутые научными трудами Павлова, Мечникова, Менделеева, Милюкова, Метальникова, Лосского, Ростовцева, Кондакова и всех тех, которые, несмотря на трудности времени, как бы восстающего против всякого культурного созидательства, вносят незабываемые светлые страницы в утончение всемирного сознания. Труды Бердяева, бар. Таубе, бар. Нольде и целого ряда авторитетов в разных областях высоко несут знамя Русской Культуры. И ведь всем нелегко!

Русское молодое поколение, да и вообще все подрастающие поколения должны знать об этих созидателях Культуры, которая так необыкновенно бодро преуспевает среди смятения сознания нынешних дней. И не только молодежь должна знать об этих творцах Культуры, но она может черпать и вдохновение, и новые силы, прислушиваясь к голосу неутомимого светлого творчества. В том, о чем говорим мы, есть несомненный элемент подвига и геройства, т. е. именно то, что должно быть ведущим началом созидания широкого, светлого будущего.

Наше Французское общество имеет в программе своей выявление сил великой Французской Культуры. Было бы неуместно, если бы наша Русская ассоциация не стремилась, по мере сил и возможности, запечатлеть и достойно почитать разнообразными культурными выступлениями и русское начало, отмечая среди молодых поколений прекрасные вехи великого пути. В программе наших предположенных лекций, собеседований, брошюр, о чем я уже писал ранее, надлежит посвящать широкое внимание именно культурным достижениям русских. На месте Вам виднее, с чего именно начать и какое сотрудничество установить с тем, что творится во имя Культуры.

Как и во всех прочих делах, главное условие — не ссориться, не делиться бессмысленно, не самоуничтожаться в разложении. Объединяющее понятие Культуры должно достаточно удалить все мешающее и слить в одно творящее русло все чаяния, действия и сознания. Буду с нетерпением ожидать сведений о том, как Вы решили поступить с этим предложением. Решили ли Вы делать лекции в помещении нашего Европейского Центра или в каких-либо других местах, при объединении культурных воздействий. Все равно где и как, но лишь бы во имя Культуры произошло еще одно действие, неотложное и прекрасное. Прилагаю еще

Х

ЛЮБИТЕ КНИГУ

Среди искусств, украшающих и тем улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги. Что заставляло с самых древних времен начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой изысканный, заботливый вид? Это бережное любовное отношение, конечно, возникало из сознания важного запечатления. Лучшее знание, лучшие силы полагались на творение этих замечательных памятников, которые справедливо занимают место наряду с высшими творческими произведениями. По сущности и по внешности манускриптов, книг мы можем судить и о самой эпохе, создавшей их. Не только потому, что люди имели больше времени на рукописание, но одухотворение поучительных памятников давало неповторяемое высокое качество этим запечатлениям человеческих стремлений и достижений.

Но не только рукописность давала высокое качество книге. Пришло книгопечатание, и разве можем мы сказать, что и этот массовый способ не дал множество памятников высокого искусства, послужившего к развитию народов.

Не только в утонченных изданиях 17-го и 18-го веков, но и во многих современных нам, были охранены высокие традиции утонченного вкуса. И качество бумаги, и изысканная внушительность шрифтов, привлекательное расположение предложений, ценность заставок, наконец, фундаментальный крепкий доспех украшенного переплета, делали книгу настоящим сокровищем дома. Таким же прочным достоянием, как и тверд был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь.

Говорят, что современное производство бумаги не сохранит ее более века. Это прискорбно, и, конечно, ученые вместо изобретения “человечности” войны посредством газов должны бы лучше заняться изобретением действительно прочной бумаги, для охраны лучших человеческих начертаний. Но если даже такая бумага опять будет найдена, мы опять должны будем вернуться к утонченности создания самой книги. Поистине, самые лучшие заветы могут быть отпечатаны даже в отталкивающем виде. Глаз и сердце человеческое ищут Красоту. Будет ли эта красота в черте, в расположении пятен текста, в зовущих заставках и в утверждающих концовках, — весь этот сложный, требующий вдумчивости комплекс книги является истинным творчеством.

Только невежды могут думать, что напечатать книгу легко. Конечно, не трудно набросать в кучу дурную книгу, которую в небрежности, в изломе линий, в раздражающих кривизнах, люди быстро поймут и с пренебрежением бросят на нижнюю полку несоответственного шкафа. Или пошлют с удовольствием приятелю, следуя пословице: “На те, Боже, что мне не гоже”. Хорошую книгу, конечно, создать нелегко. Имя редактора и издателя хорошей книги является действительно почитаемым именем. Это он, вдумчивый работник, дает нам возможности не только ознакомиться, но и сохранить как истинную драгоценность искры духа человеческого.

Книга остается как бы живым организмом. Ее внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга-неряха. Вот поверхностный резонер. Вот щеголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углубленный познаватель. Зная эти тончайшие рефлексии книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему, окружающему книгу — это зеркало души человеческой.

Но все создается лишь истинной кооперацией. Мы будем глубоко почитать издателя — художника своего дела. Но и он может ждать от нас, чтобы мы любили книгу. Иногда, под руководством современных декораторов, не находится места для книжных шкафов. В некоторых очень зажиточных домах нам приходилось видеть вделанные в стену полки с фальшивыми книгами. Можете себе представить все потрясающее лицемерие владельца этих пустых переплетов. Не являются ли они красноречивым символом пустоты сердца и духа? А сколько неразрезанных книг загадочно лежат на столиках будуаров. И хозяйка их с восторгом говорит о знаменитом имени, напечатанном на обложке. Как часто среди оставленных наследий прежде всего уничтожаются именно книги, выбрасываемые, как домашний сор, на вес, на толкучку. Каждому приходилось видеть груды прекрасных книг, сваленных как тягостный хлам. Причем невежды, выбросившие их, часто даже не давали труда открыть и посмотреть, что именно они изгоняют.

Что же должен чувствовать издатель-художник, зная и видя эту трагическую судьбу истинных домашних сокровищ! Но и здесь не будем пессимистами. Правда, знаки безобразия существуют, как со стороны читателей, так и со стороны издателей. Но ведь существуют же и поныне издания прекрасные, даже недорогие, но чудесные своею простотою, своею продуманною внушительностью. Существуют и нарождаются и прирожденные библиофилы, которые самоотверженно собирают лучшие запечатленные знаки человеческих восхождений. Может быть, именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем. Финансовые кризисы обычно больше всего отражаются на способах и на качестве просвещения, это печально, но это так, точно бы в силу материального кризиса кто-то получает индульгенцию на невежество и одичание. Именно теперь мир переживает незапамятный, глубоко внедрившийся материальный кризис. Кризис перепроизводства, кризис падения качества, кризис веры в возможность светлого будущего. Главным образом это происходит оттого, что уже многие поколения приучаются верить, что руководящая мощь Мира лишь в золотой валюте. Но, призывая на помощь всю историю человечества, мы знаем, что это не так. Не будем еще раз повторять, что истинная валюта есть валюта духовных ценностей. Источниками этих ценностей несомненно остаются книги, на разных языках приносящие единый язык духа. Не может быть, но наверное именно сейчас нам нужно помыслить о книге, нужно светло ободрить издателей, мыслящих о красоте. Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качеством их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный — прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но если мы мыслим о Культуре, это уже значит — мы мыслим и о Красоте, и о книге как о создании прекрасном.

В далеких тибетских домах, в углу священном, хранятся резные доски для печатания книг. Хозяин дома, показав вам драгоценности свои, непременно поведет вас и к этому почитаемому углу, и со справедливой гордостью будет показывать вам и эти откровения духа. Он согласится с досок этих и сделать оттиски для вас, если видит, что вы сорадуетесь его благородному собирательству. Я уже как-то писал вам, что на Востоке самым благородным подарком считается книга. Не ободряет ли это? Если мы скажем друзьям нашим: “Любите книгу”, “Любите книгу всем сердцем вашим” и почитайте сокровищем вашим, то в этом древнем завете мы выразим и то, что действительно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о Культуре.

Любите книгу!

Кто-то, не знающий действительного положения, спросит: “Почему нас сейчас

призывают любить и защищать книгу, когда шкафы библиотек ломаются от ежегодных печатных поступлений?”. Скажем ему: “Мы не говорим о числе печатных поступлений, мы говорим о “любви к книге”. Кто знает, может быть, этот неисчисляемый поток печатной бумаги, в свою очередь, смутил народное представление о книге как об истинной ценности. Не только каждый библиотекарь, но даже вдумчивый продавец книг скажет вам, что любовь к книге, как к таковой, сильно поколебалась и рассеялась. Так же как во многих других областях произошло распыление и обезличение. Каждый близко стоящий к книжному делу, конечно, согласится с нами и признает, что настало время неотложно подумать опять о достоинстве книги.

Помню, во время аудиенции в Елисейском дворце Президент Думерг находился на фоне целого ряда прекрасных книжных томов. Какой достойной мозаикой цветилось это драгоценное собрание.

Книга, как в древности говорили, — река мудрости, напоющая мир! Книга, выхода которой еще недавно с трепетом ожидали и берегли наилучшее ее издание. Все это священное рвение библиофилов, оно не есть фанатизм и суеверие, нет, в нем выражается одно из самых ценнейших стремлений человечества, объединяющее Красоту и Знание. О достоинстве книги именно сейчас пробил час подумать. Не излишне, не по догме, но по неотложной надобности твердим сейчас.

Любите книгу!

Кейланг, Лахуль. 1931 г.

XI

ПАШНЯ КУЛЬТУРЫ

Очень рад слышать о каждом движении наших Комитетов культуры. Верю, что все для этих неотложных начинаний делается поистине без всяких промедлений. Но тем не менее еще и еще повторю, насколько все должно быть сделано спешно и ни одна минута не должна быть потеряна в интересах общественного блага. Также с величайшим вниманием должны быть отмечаемы даже малейшие приношения и знаки культурной помощи. Пусть каждый комитет отмечает с величайшей точностью все эти благие проявления, чтобы в истории наших учреждений мы знали точно, кто и что принес в общую чашу культуры. Также пусть все наши комитеты не уменьшат деятельность свою какими-либо условными ограничениями. Ведь пашня Культуры поистине необъятна, и бесчисленны все полезные действия, возникающие из благожелательных обсуждений. Может быть, неприменимое сегодня будет прекрасно приложимым завтра. И отложенное сегодня может оказаться уже навсегда упущенным. Потому так благожелательно широко должны быть обсуждения в собраниях комитетов. Ведь не только члены комитетов будут являться окончательными источниками предложений. Нет, члены Комитетов будут теми обобщающими потоками мыслей, которые они соберут от многих друзей своих и суммируют из многих встреч и опытов. Главное, чтобы не случилось того, что так часто препятствует полезнейшим начинаниям, именно, чтобы не произносилось легко мертвящее “невозможно”. Так часто кажущееся невозможным при малейшем изменении подробностей или внешностей делается и прекрасным и доступным. Не забудем, что наши учреждения вовлекают новые массы в мышление о Culture. В этом заключены счастливые возможности, но и новая ответственность, ибо все, что будет исходить от наших Культурных учреждений, должно быть истинно высокого качества, — должно отвечать Культурным ценностям человечества.

Конечно, в течение дел комитеты войдут в контакт со многими крупными учреждениями. Эта кооперация должна быть построена на взаимной пользе. Наши культурные кампании, как уже говорил я, не имеют только финансового значения.

Их значение гораздо шире, проникая во всевозможные отрасли культуры и вдохновляя ею новые массы. Среди этих масс найдутся и такие, которые или вообще не были знакомы с понятием культуры, или ограничивали ее каким-то условным чисто физическим значением. Как радостно вообще говорить о культуре, выяснить, что делаемое для нее далеко не покрывает это необъятное поле, — облагораживание руна человеческого. Для этих благородных деяний, конечно, не будет упущена ни одна малейшая возможность. Не будет пропущен ни единый час, когда или действием, или вдохновенным словом можно еще раз сказать об украшении, об улучшении, о возвышении жизни человеческой.

Точность анналов каждого комитета будет соответствовать тому качеству заботливости, которое так подобает в деле Культуры.

Воспламенимся всегда живым примером обстоятельств просветительной деятельности — словами Апостола Павла:

“С оружием правды в правой и левой руке,

в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны;

мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем;

нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем”.

XII

БУДЬТЕ БЛАГОСЛОВЕННЫ!

Доктор Роберт Харше состоит не только директором крупнейшего художественного института Чикаго, но и является виднейшим знатоком и лидером художественных движений Америки. Потому его недавнее письмо, в котором он определенно говорит, что всякий вред нашим учреждениям был бы “национальным бедствием”, является для нас поистине историческим документом.

Если мы вспомним все письма и заявления, сделанные в пользу учреждений во время нашествия варваров, то величайшим воздаянием будет видеть, как даже сравнительно посторонние нам люди и лидеры художественного и общественного движения называли наше учреждение Гордостью Страны; и другие признавали, что каждый ущерб нашим Культурным Дела́м был бы несовместим с достоинством Америки.

Таким образом, нашествие варваров, о котором доктор Бринтон так своевременно напомнил, служит как бы пробным камнем достижений Учреждений наших. Мы не сомневаемся, что каждая дальнейшая попытка со стороны варваров и всех темных сил будет вызывать такой же противовес и напряжение благих энергий. Каждый, кто прочел трогательную речь нашей слепой ученицы Леонтины Хирш, конечно, почувствовал и то глубокое отношение, которое было создано в сердцах наших учащихся и сотрудников культурными задачами Учреждений.

Все наши сотрудники должны почувствовать ценность своей работы, которая могла возбудить такие искренние отзывы в момент варварского нашествия. Все призывы и письма миллионных женских организаций, письмо Президента Франклина Рузвельта, письменные протесты студентов Колумбии, наших учащихся, многих кружков молодежи, письма таких известных культурных лидеров, как проф. Оверстрит, Радославович, проф. Пэтти Хилл, вице-губернатор Леман, Воган, миссис Сутро, генерал Де Леон, Чарльз Флейшер, О'Хара, Косгрэв, Х. Барнс, Руфь, С. Дени, Дабо, Гребенщиков, В. Лун и все множество светлых поборников Культуры, будут необыкновенным историческим свидетельством победоносной борьбы Света с тьмою.

Не сомневаемся, что все драгоценные заявления поборников Культуры

держатся в строгом порядке в особом портфеле, ибо впоследствии они составят из себя ценнейшую историческую книгу. Эта же книга запечатлеет, как поучительный факт для будущих поколений, также имена представителей темных сил, имена разрушительных варваров, имена низких, антикультурных духов, пытающихся всевозможными темными уловками нанести глубокий ущерб Культурным делам. Зная, что эти темные силы действовали вполне своекорыстно, прибавим к этой будущей книге документы и все данные судебного следствия, все свидетельства и показания даже совершенно посторонних лиц, возмущенных подпольною темною интригою.

Потому храните во всевозможном порядке все эти драгоценные документы. Ведь по многообразию своему они могут находиться в разных Отделах Учреждений. Но их следует собрать воедино, чтобы ни один прекрасный голос, зазвучавший во имя Культуры, не остался неприведенным среди памятных свидетельствований. Можно было наблюдать и своеобразное отношение прессы. При этом мы могли убеждаться, что лишь очень немногие органы не выступили знаменательно на защиту Культуры. Большинство же прессы, к чести ее будет сказано, достойно и справедливо отзывалось на все варварские извращения и инсинуации.

Как всегда, можно было заметить, что некоторые шатающиеся, слабые духом люди, даже и среди сотрудников, вместо непреклонной уверенности в победу дел Культуры, заколебались и начали думать о всяких постыдных отступлениях. Другие же, по мерзости природы своей, начали злорадствовать и даже усугублять лживые свидетельствования варваров. Оба эти явления также не должны быть забыты.

Мужество испытывается в бою за правое дело. Истинные светлые воители лишь укрепляются трудностями. Всякая трудность вызывает в них напряжение истинного священного огня. Именно так и совершались те исторические победы Культуры, которыми сейчас изумляется, гордится и живет человечество. Можно только пожалеть, что шатающиеся, уклончивые, боязливые люди вынимают имена свои из анналов Культурных Достижений. Они уклонились от благородных действий и по закону справедливости история уклонится от них.

И так наш случай, так же как и некоторые предыдущие, развернулся в общественное явление чрезвычайной знаменательности. Не только в истории Культуры Америки, но и в культурном понимании многих других стран отзовется дело наших Культурных Учреждений. Мы видим уже, как отзываются представители многих других стран. Мы видим, как многие из них благородно отзываются и в трудный момент нападения лишь усугубляют свою дружбу и содействие. Были и немногие другие, которые считали, что финансовое положение одного дома перевешивает значение всех культурных идей. Запомним и этих недорослей духа, которые были готовы так легко отступить и поцеловать окровавленный меч варваров. Запомним и этих трусливых помощников сил темных.

Многочисленны сознательные силы темные, но еще более бесчисленны бессознательные их сослужители, так легко преклоняющиеся перед темною грубою силою. Это явление чрезвычайно опасно, ибо ворота крепости могут быть легко открыты низкопоклонниками варваров. На воротах Вердена была многозначительная надпись, имевшая в виду всех врагов: "Здесь не проходят". И геройский дух защитников подтвердил смысл этой надписи, тогда как весь мир иногда уже готов был, хотя бы и с прискорбием, сдать эту твердыню.

Есть вещи в Мире, которые в существе своем недопустимы. Всякая низость, всякая уступчивость темным силам есть почти что такое же преступление, как и действие самой мрачной силы, силы разрушительных варваров. Область Культуры представляет из себя именно ту светоносную твердыню, которую нельзя сдать ни в коем случае. Могут быть многие тактические действия, но сдачи, как таковой, не может быть и не будет!

По счастью, Культура зиждется не на денежном знаке. Если даже многие культурные проявления могут быть временно затруднены или несколько

сокращены, то культурное духовное сокровище не может быть нарушено никакими мировыми кризисами, если только предатели во тьме ночной не будут открывать ворота неприятелю. Потому остережемся всякого предательства; употребим для этого всю зоркость, поглядим во все подозрные трубы.

Найдем в себе силы отбросить все мелочи дня вчерашнего и объединиться лишь во славу и на пользу Культуры. Пожалеем об ошибках вчерашнего и улыбнемся светлой возможности еще крепче соединиться. Великое понятие Культуры поможет нам презреть все недостойные мелочи обихода, которые могут, как песчинка в колесе, вносить раздирающий диссонанс. Выполним прекрасный опыт духовного объединения, который безмерно умножает силы и утончает находчивость и прозорливость.

Именно: “Пусть будут благословенны препятствия, ими растем”. Пусть будут и благословенны имена всех друзей Культуры, которые не устрашились в час испытания дать о себе такие славные свидетельства. На узловых поворотах жизни создаются моменты, когда именно не отвлеченные слова, но мужественные геройские действия необходимы только; такие действия могут быть прочными ступнями будущего прогресса.

Какое же самое сердечное слово можем сказать мы всем тем, кто поистине заботится о будущем, кто понимает, что лишь созданием и укреплением молодого поколения страны преуспеют и этим путем все “неразрешимые проблемы” мощью культурного мышления обратятся в новое достижение!

Если трудности выявляют истинных друзей, если трудный час, как труба мужества, собирает воедино лучшие сердца, то как же не благословить эти часы, в которые проявляется самое прекрасное и самое благородное! Благословенны все те, для кого Культура не роскошь, не пустой звук, но единая основа Бытия.

Благословенны, благословенны, благословенны все светлые воители на Великом Служении Культуры!

Агни-Йога в книге “Сердце” заповедует:

“Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас”.

Гималаи. 12 июля 1932.

ХIII

ПРИВЕТ НАШИМ ОБЩЕСТВАМ КУЛЬТУРЫ

Шлем привет нашим Обществам! В течение последних двух лет около наших учреждений создано 63 Общества, раскинувшихся в двадцати двух странах. Каждый месяц приходят новые предложения, притекающие не только из ближних мест, но и из самых дальних окраин. Таким образом, десятилетие нашей работы в Америке ознаменовывается целым движением во имя Культуры. В наши дни общественных и государственных смятений, что же может быть более радостного, более зовущего вперед, как не образование этих многочисленных, растущих очагов Культуры.

Как многообразны проявления Культуры, так же многообразны и Общества

наши, при всем своем основном культурном единении. Одни из них благосостоятельны, другие скудны средствами. Одни многочисленны, другие образуются тесным кружком. Одни мечтают о широких общественных выступлениях, другие же ищут укрепления в интимности. Они разнообразны так же, как и многовидна сама жизнь. Так и должно быть. Было бы большою недальновидностью устремлять жизнь к одному стандарту.

Культура, так тесно связанная с духовностью, прежде всего выражается в изысканном, многообразном творчестве. Творчество же, в существе своем, при единстве мировых законов, всегда свободно, покоясь лишь на сознательной дисциплине духа. Эта сознательность духа приводит нас к сотрудничеству, тоже сознательному и строительному. Таким образом, Общества наши прежде всего созидательны во Благе, творящи в красоте и крепки накоплением Знания.

Мы уже достаточно знаем, что не богатство создавало и Красоту и Знание, но создавал их дух человеческий. Если Вы возьмете всемирные списки творцов, созидателей, то Вы не найдете там сказочных богатств материальных, но, конечно, найдете неиссякаемую сокровищницу духа творящего.

В моем недавнем обращении к одному из наших Обществ мне приходилось указывать, что для Культурного общения не нужны никакие особые средства. Даже иногда и стакан чая не нужен, ибо кипеть будет не чайник, но сердце человеческое. Те, кто мечтал бы о каких-то внешне данных средствах, были бы просто потухшими сердцами. Сердце творит и средства. Но никакие средства в мире не могут создать сердце. Не трубы и литавры, не помпа выступлений окружают крепнущие дела культурные. Сотрудничество духовное, прежде всего, создаст те твердыни, к которым не подступит никакая тьма. Эти маяки тепла и света достигнут лучами своими не только друг друга, но благодать их проникнет даже и в темные расселины, где красота и знание лишь гость случайный. На пространствах, разделенных глубинами океанов и цепями хребтов, трудно встретиться. Особенно же трудно встретиться сердцам утонченным, стыдливым в исканиях своих и не всегда уверенным в силах своих. Но к маякам освещающим, ко гнездам просвещения, к Лиге Культуры не жутко подойти ищущему сердцу. Там не засмеют, там не изгонят, там не потребуют стигмат пошлости. Нельзя стеснять Общества Культуры никакими заказами и ограничениями. По огню сердца и по следствию дел обозначаются новые вехи пути.

Каждое древо должно расти. Вне достаточного времени не крепки будут и корни его. Потому утонченность сознания предполагает и терпеливость, чтобы строительные процессы протекали крепко, а связующие материалы избирались внимательно.

Если общества сразу могут иметь широкие выступления, лекции, курсы, концерты, выставки, пусть будет так. Если соединенный сердечными узами кружок будет даже продолжительное время собираться и без чая, для взаимоукрепляющей беседы, пусть будет так. Если будет сообщество искать новых выявлений сил своих, в поисках прислушиваясь и меняя ближайшие программы, — пусть будет так. Было бы неуместно для Культуры слышать обыденные жалобы на отсутствие средств. К огню в темноте подходят путники. Значит, нужно раньше возжечь этот огонь, который привлечет к себе и все потребное для духа. Но в одном все Общества должны помочь друг другу. Общество есть общение. А всякое разумное общение есть сотрудничество. Само понятие Культуры обязывает нас к этому сотрудничеству и к посильным светлым посевам. Было бы некультурно, если Общества, связанные одной основной идеей, оставались бы все-таки разделенными границами и нациями. Распространение Обществ во многих странах дает необыкновенные возможности и преимущества. Дает возможность непосредственного и прямого обмена как идей, так и всего творческого материала. Нужно не упустить эту возможность Культурного обмена, помня, что над всеми нами одно Знамя Культуры. Это Знамя Культуры имеет в основе своей все лучшее, все устремленное к свету, все желающее

Блага. Знамя Культуры — все равно что знамя труда. Знамя беспредельного познания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник Культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого. Но как же будет окрылен праздник наш, если к нему подойдет и письмо от далекого, незримого друга! Ничего, если письмо это начнется признанием в том, что трудно нам сейчас. Кому же легко? И всякая мысль о Культуре не балаган с присвистом, с пьяною гибелью. Но мы знаем, что каждое письмо этого незримого друга окончится чем-то радостным во имя Красоты, Знания, какой-то новой победы Света. И написавший письмо будет знать, что не в холодном постановлении заслушали боли его сердца, но трепет его исканий был осочувствован и укреплен в сознании его друзей-сотрудников.

Словарь клеветы, злобы, взаимо- и саморазрушения, кажется, наконец, опротивел. Кажется, наконец вспоминают, что в словаре Прекрасного так много увлекательных, возводящих, созидательных понятий. Да и практичен он, этот словарь Прекрасного, ибо он жизненен и прекрасна жизнь в существе своем.

Кроме письма, кроме зова сердца, мы должны обмениваться и профессиональным творчеством. Из того, что сегодня какое-то предложение неисполнимо, еще не значит, что оно не будет исполнимо и завтра. Все мы знаем, что значит мощь мысли, положенная в пространство. Мощь стрелы духа! Но во сколько же умножится мощь эта, поддержанная дружеским сознанием, и что же может быть полезнее для Культуры, как не взаимное оповещение, следствием которого будет действенное сотрудничество.

Конечно, говоря о Культуре, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Культуры ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем как раз наоборот, Культура тогда таковой, в сущности, и будет, если войдет во все дни жизни и сделается мерилем качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя Культуры. Сколько устремлений в будущее придется произнести. С ростом утончения сознания придет и вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности от каждодневности, и мысль обратится от дня вчерашнего к светлому завтра.

В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для незнающих культуры бывает страшна каждодневность, между тем в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко: “Пылайте сердцами и творите любовью”. Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. “Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам”.

Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать Вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве. Мы можем к нему приступить немедленно. У каждого, стремящегося к Культуре, велик запас идей, мыслей, предположений. Из этой сокровищницы духа многое и неотложно может быть применено, а другое найдет и кратчайший путь к применению. Лишь бы мы мыслили неуклонно во Благо, о Культуре, и лишь бы мы помнили, что единение это должно быть полезно каждому. Никто не должен быть умален, ибо это было бы некультурно. Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда, взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве, оповестим друг друга о всем, что кто может, и будем помнить еще раз, что над всеми нами одно единое, нерушимое Знамя Культуры, ведущее в Светлое будущее.

XIV

О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Культура и мир являются священным оплотом человечества. В дни больших потрясений и материальных и духовных именно к этим светлым прибежищам устремляется дух смущенный. Но не только должны мы идейно объединиться во имя этих возрождающих понятий. Мы должны каждый посильно, каждый в своем поле, вносить их в окружающую жизнь как самое нужное, неотложное.

Наш Пакт Мира, обнаруженный в 1929 г., устанавливает особое Знамя для защиты всех культурных сокровищ. Особый комитет избран в Америке для распространения идеи этого Знамени. Международный Союз Пакта нашего учрежден с центральным местопребыванием в Брюгге, где в середине сентября заседал созданный им мировой конгресс, показавший, насколько близка идея Знамени Мира каждому созидательному сердцу.

Из храмов, святилищ духовности, изо всех просветительных центров должен неумолчно греметь всемирный призыв, уничтожающий самую возможность войны и создающий грядущим поколениям новые высокие традиции почитания всех сокровищ творчества. Воздвигая повсеместно и неумолимо Знамя Мира, мы этим самым уничтожаем физическое поле войны. Будем же утверждать и всемирный День Культуры, когда во всех храмах, во всех школах и образовательных обществах одновременно, просвещенно напомним об истинных сокровищах человечества, о творящем героическом энтузиазме, об улучшении и украшении жизни. Для этого будем не только всемерно охранять наши культурные наследия, в которых выразились высшие достижения человечества, но и сердечно-жизненно оценим эти сокровища, помня, что каждое прикосновение к ним уже будет облагораживать дух человеческий.

Как мы видим, никаким приказом нельзя запретить войну, так же как нельзя запретить злобу и ложь. Но неотложно, терпеливым напоминанием о высших сокровищах человечества, можно сделать эти исчадия тьмы вообще недопустимыми, как порождения темного невежества. Благородное расширенное сознание, прикоснувшись к свету истины, естественно вступит на путь мирного строительства, отбрасывая, как постыдную ветошь, все порожденные невежеством умаления человеческого достоинства.

Уже велики и славны списки примкнувших к Знамени Мира. Оно уже освящено в дни Конгресса в Брюгге в Соборе Св. Крови, и тем мы поклялись вводить его повсеместно всеми силами. Ведь не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечным желанием. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна "За Мир" наполняется ценными знаками. А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны.

Нужен не столько еще один закон, сколько еще одно повелительное желание, одна всенародная воля охранить светочи человечества. Всякое дело, даже самое очевидное, нуждается в действенном начале. Для мира и культуры вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало Общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал. Хотелось бы признательно-сердечно напутствовать всех наших сотрудников: "Каждый посильно, в своих возможностях, без промедлений и откладываний, в добрый путь!"

Истинно, коротко время! Не потеряем ни дня, ни часа. И возжжем огонь сердца в немедленном претворении в действительность светоносных начал культуры и мира. Под Знаменем Мира, в мощном сердечном единении, как

Всемирная Лига Культуры, пойдем к Единому Вышнему Свету.

Знамя!

XV

ЗНАМЯ

Не успели мы оплакать гибель картин Гойи и драгоценной церковной утвари, истребленных в Испании, так же как и храмов в России во время революций, как перед нами вновь лежит газета с известием о гибели ценнейшей Восточной библиотеки в Шанхае во время последних военных действий. Можем ли мы молчать об этих разрушениях? Можем ли мы сознавать, что молодое поколение будет знать, как мы попустительствовали разлагающим элементам уничтожать то, чем может укрепляться Культура человечества.

Разве не долг наш неустанно твердить о необходимости охранения драгоценнейших памятников от всех посягательств на них? Люди так мало отдают себе отчет о том, какие объединенные дружные меры должны быть приняты во избежание новых печальнейших обвинений нашего времени. Будем же смотреть лишь в существо дела, не будем останавливаться перед преходящими формулами. Ибо именно они часто мешают людям увидеть существо дела в полноте.

В дальнейшем движении нашего Знамени, которое должно служить охранению истинных сокровищ человеческих, много новых предложений. Кто-то не хочет никаких манифестаций. Пусть будет так. Кто-то не хочет паломничества Знамени, не хочет церковных освящений Знамени, не хочет выставок, связанных со Знаменем. Заслушаем и это. Кому-то хочется, чтобы все, связанное со Знаменем и Пактом об охранении человеческого гения, проводилось в пониженном тоне, — и это заслушаем. Кому-то кажется, что вместо слова Культура нужно в данном случае сказать цивилизация, ибо, очевидно, он полагает, что даже уже цивилизация находится в опасности. Конечно, такое суждение немного сурово, но обстоятельства времени, может быть, действительно намекают уже и на опасность для цивилизации. Заслушаем все.

Кто-то предлагает сделать для Знамени такое длинное название, чтобы в него описательно вошли все определительные. Заслушаем и это, хотя такое предложение мне напоминает эпизод некоего Комитета, обсуждавшего учреждение одного нагрудного знака. Каждый из присутствующих настаивал на своем символе, и председатель из любезности собрал все эти символы воедино, так что получился совершенно нескладный комплекс. Тогда один инженер, до тех пор молчавший, предложил покрыть весь этот сложный знак сетью мировых железных дорог, имея в виду намек на пути сообщения человечества. И только тогда, под этой бесконечной, минимально уменьшенной сетью, всем присутствующим стала ясной неприменимость бесконечного числа механически сложенных символов. И другие многие предложения слышатся. Кто-то предлагает установить по доступной цене повсеместно продажу этого нашего Знамени для вящего его распространения; другие же предупреждают о необходимости держать Знамя и все соображения о разрушении всех сокровищ под спудом. Одни желают видеть знак охраняющий на груди каждого мыслящего человека. Другие же хотели бы так скрыть его, чтобы никто и не доискался до его существования.

Одни считают повсеместный интерес и запросы о Знамени Мира благим знаком, другим же это представляется смертельно опасным. Одним кажется, что, по примеру прошлой войны, знак должен быть главным образом применен в Европе, другие же утверждают, что сокровища Египта, Персии, Китая, Японии, Южно-Американские наследия майев нуждаются в таком же охранении, выявляя собою тысячелетия нарастания человеческой мысли и прогресса. Одним представляется

Лига Наций учреждением, решающим за весь Мир, другие же указывают лишь на частичное ее распространение. Одним представляется необходимым на международных выставках иметь это Знамя, составленное из флагов всех наций, другим же кажется, что даже в частных помещениях вредно держать это Знамя. Одним оно представляется пугающим их знаком бессильного “пацифизма”, другим же оно представляется активной защитой достоинства человечества. Одни считают неотложно необходимым открыто заявлять о необходимости охранения сокровищ Мира. Другие же предпочитали бы обо всем говорить в “пониженном” тоне. Заслушаем все это.

Что же значат эти хотя и противоречивые, но настоятельные заявления, даже требования? Ведь они значат лишь великий интерес к существу этого дела, на которое хотя бы и своеобразно, но не может не звучать сердце человеческое. К своеобразию выражений сердец человеческих, конечно, нужно привыкнуть. Нужно знать, что никакое общее дело не строилось без поднятия всевозможных символов. Каждый крестный ход бывает наполнен всевозможными знаками, которые лишь во внутренней сущности своей служат одному и тому же идеалу.

Если кто-то сердится по поводу Пакта и Знамени, то и это уже хорошо. Пусть сердится, но пусть, хотя бы в гневе, думает о сохранении сокровищ, которыми жив род человеческий. Часто сказано, что враг явный все-таки ближе к истине, нежели срединный несмысляй, который, не будучи ни горяч, ни холоден, извергается по всем космическим законам. Как видим, сущность вопроса охранения сокровищ человечества настолько неотложна, настоятельна, что каждая газета, каждое ежедневное оповещение приносит прямое или косвенное упоминание все о том же. Тому, кто предлагает говорить об этом в пониженном тоне, мы скажем: “Когда в доме больной, когда сердце потрясено чьей-то болью, не будет ли бесчеловечно требовать тон холодного безразличия?”.

Когда что-либо дорого, мы не можем говорить об этом в ледяных словах. Каждый, кто хоть кого-нибудь, хоть что-нибудь любил на этом свете, знает, что невозможно говорить о любимом в словах ничтожных. Само существо духа человеческого в этих случаях высоких проявлений находит и самый громкий словарь, полный энтузиазма. Никакие могилы, никакие “огнетушители” энтузиазма не могут задуть пламень сердца, если оно чует истину. Откуда же рождались и подвиги, и мученичества, как не из сознания Истины? Откуда же рождалось то несломимое мужество, та неисчерпаемая находчивость, отличающие те дела, о которых помнит человечество даже из школьных учебников своих.

Любители слов леденящих пусть простят энтузиазм тем, которые существуют его живительным укрепляющим пламенем. Но мы готовы заслушивать все соображения, ибо нельзя сделать несуществующим то, что уже существует. Даже предлагающим говорить в словах леденящих о дорогом для нас понятии, мы скажем: “Ладно, послушаем и вас. Начнем шептать, но будем шептать тем громовым шепотом, который дойдет до каждого сердца человеческого”. Ведь даже молчание может быть громче грома, о чем так прекрасно сказано в древних Заветах. Но как же можем мы запретить сердцу человеческому биться о том, что для него насущно и дорого.

Как же можем мы прекратить все песни и земные и небесные ! Истребить благолепие песнопений — это значило бы ожесточить и затем умертвить сердце. Но где же тот феноменальный индивидуум, который может кичиться тем, что он всегда и во всем обойдется без сердца? Если мы в сердце своем назовем Знамя наше Знаменем Прекрасным, то это короткое название, конечно, зазвучит в сердце, но в жизни оно будет неприменимо, ибо люди так стыдятся всего прекрасного. Они готовы иногда твердить это слово, но когда дело доходит до свидетельствования о нем, то, оробевшие, они убегают в дебри опошленных условностей. Так же люди поступают, когда им приходится сталкиваться и с великими реальностями: то, что они, может быть, еще дерзают смыслить в ночной тишине, то в свете дня им

кажется уже недостижимым до стыдности.

Когда мы перелистываем все уже изданное и написанное о Пакте и о Знамени, все дошедшее и от людей высокопоставленных и от трогательных голосов далеко разбросанных тружеников, нам хочется быть с этими энтузиастами, которые не побоялись подписать полностью имя свое во имя охранения самого драгоценного человеческого сокровища. Вот перед нами тысячи писем, полученные из Америк и из ближних и из дальних Штатов и республик, вот отзывы ряда лучших людей Франции, вот трогательные голоса Бельгии, Чехословакии, Югославии, Латвии, Швеции, Голландии, Германии. Вот письма из Англии. Вот голоса Индии, Китая, Персии, Японии. Так хочется назвать целое множество имен, которые сделались драгоценными в чувствах, ими выраженных, но это взяло бы целые страницы.

Если, опять же по старинным заветам, целый город мог быть пощажен ради даже одного праведника, то когда мы согласно полученным письмам начинаем отмечать на карте всемирной все места их отправления, уже получается тот драгоценный, по своей очевидной неоспоримости, факт, что множество людей воистину согласилось защищать и охранять сокровища мира. А какие множества не опрошены еще! Сколько подходят новых друзей издалека, которые лишь случайно узнавали о Знамени Охранителя.

Потому не помешает ничем подходить к единому Свету всем разбросанным и рассеянными. Ведь все они, каждый по-своему, мыслят во имя созидательного Блага. Во имя того Блага, которое зажигает священный энтузиазм, ведущий к непоколебимому подвигу. Вседостигающим шепотом скажем приходящим о любви и доброжелательстве; ведь они пришли не своекорыстно, но во имя ценностей духовных, во имя всего того прекрасного, что разлито во всем творческом труде, во всем знании.

Кто хочет кричать, пусть кричит. Кто хочет шептать, пусть шепнет, но невозможно умертвить и заставить замолчать сердце человеческое, если оно открывается для красоты и добра. Со всею бережностью отнесемся к самым разнообразным выражениям сердец человеческих, и если своеобразный словарь добра окажется более объемистым, нежели мы думали, будем лишь радоваться этому и будем всеми силами продолжать охранять и звать к охранению истинных сокровищ Мира.

Гималаи. 6 февраля 1932.

XVI

ОГНИ ОЧАГА

Когда Армагеддон гремит,

Когда столько стрел ненависти, разделения, разрушения, разложения пронзают пространство, разве тогда мы не должны беречь каждую искру дружелюбия?

Когда в невежестве поносятся самые высокие понятия, разве не должны мы собрать к очагу духа все священные лампы?

Когда ложь и суеверие пытаются загрязнить все самое чистое, лишь бы увеличить поле хаоса, разве не должны мы в лучших летописях искать свидетельства истинного сотрудничества?

В древнейшей хронике говорится как высшая похвала Киевскому князю Ярославу: "И книгам прилежало и почитая е часто в нощи и в дне, и списаша книги многы; с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина".

Так мыслила хроника древних. Действительно, одно дело допустить книгу и совершенно другое полюбить книгу в полной преданности к просвещению.

Вспоминается. В приемном кабинете некоего президента двое ожидающих. Стены старинной комнаты обделаны массивными дубовыми книжными шкафами.

Из-за зеркальных стекол заманчиво поблескивают корешки богатых переплетов. Хоть и не старинный переплет, но густо золоченый. Видимо, любитель книг. И как хорошо, что во главе предприятия стоит такой собиратель, не пощадивший денег на заманчивые переплеты.

Один из ждущих не удерживается от соблазна хотя бы перелистать книгу, хотя бы подержать в руках это сокровище духа. Шкаф оказывается незапертым, и, подняв руку, любитель пытается вынуть один из томов, но, о ужас, вся полка валится ему на голову и оказывается фальшивыми корешками без всякого признака книги. Оскорбленный в своем лучшем желании, любитель книг дрожащими руками ставит на место эту недостойную подделку и шепчет: “Уйдем поскорее, от такого шута разве можно ожидать что-нибудь путное!”. Другой посетитель усмехается: “Вот мы и наказаны за пристрастие к книгам. Ведь вам не только прочесть ее, но подержать в руке — и то уже счастье”.

Сколько же таких фальшивых библиотек рассеяно по миру! Строители их, кого они обманывают — друзей своих или самих себя? В этой подделке скрыто какое-то необыкновенно утонченное презрение к знанию и какая-то изысканная оскорбительность к книге, как к свидетельству человеческого преуспевания. И не только само содержание книги отрицается, но в таких подделках, как вещественных, так и словесных, отрицается само значение произведения духа, как такового.

“Назови мне твоих врагов, и я скажу, кто ты есть”.

Одно из самых утомительных занятий есть отыскание новой квартиры. Но среди этого невольного вторжения в десятки разнообразных жилищ вы выносите несомненные наблюдения о фактах жизни. Вы проходите целый ряд сравнительно зажиточных помещений, еще наполненных обстановкою. Где же он, книжный шкаф? Где же он, письменный рабочий стол? Почему же комнаты заставлены иногда такими странными уродливыми предметами, но этих двух друзей существования — письменного стола и шкафа для книг — не видно? Есть ли место поставить их? Оказывается на поверку, что небольшой стол еще можно вдвинуть, но все стены вычислены так, что места для книжного шкафа не оказывается.

Хозяйка квартиры, заметив ваше огорчение, указывает на маленький внутренний стенной шкафчик, с сожальной улыбкой снисходя к вашей требовательности, и говорит: “Если у вас много книг, то вы сможете отнять этот шкаф от других домашних вещей”. При этом вы видите, что крошечные размеры шкафа кажутся царственными для такой роскоши, как книги.

В этом сожальтельном снисходительном отношении к книге, как таковой, вам вспоминаются те ценнейшие библиотеки, которые оказывались выброшенными на толкучий рынок. И вы еще раз с горечью вспоминаете все рассказы о том, как селетки и огурцы оказывались завернутыми в ценнейшие листы, вырванные из редчайших изданий. Когда же вы смотрите на крошечный шкаф, вам предлагаемый, и соображаете, что в нем даже сотня томов с трудом поместится, то опять житейские мудрецы вам скажут — зачем же держать дома такое множество книг? И при этом они почти повторят слова знаменитого мусульманского завоевателя, который приказал уничтожить ценнейшие библиотеки по причине их бесполезности, ибо в одном Коране все сказано, что нужно для человека.

Отсутствие письменного стола объясняется совершенно основательно, указывая, что письменный стол стоит в конторе. При этом мелькает ясный намек, что кроме конторы никаких умственных занятий и не бывает. А вечерний досуг существует для веселого времени, которое не должно обременять мозги. И тем самым так называемый досуг, который должен бы являться ценнейшими часами накопления и утончения сознания, рассыпается, как жемчуг, в пыли улицы.

И так книга в современном обиходе становится предметом какой-то роскоши. Библиофилов, таких роскошествующих маниаков, “здравый рассудок” сожалеет. Среднее сознание вообще разучивается читать, в чем иногда совершенно добродушно даже признается. “Не могу читать длинных книг”, “Не могу

сосредоточиться”, “Не хватает времени”, — говорит человек, отправляющийся созерцать кулачный бой, или чтобы бросать шарики в пространство, или просто занятый перемыванием костей ближнего.

И время есть, и деньги есть, чтобы иметь дома сокровища знания, но мысль об этих сокровищах просто уходит из обихода. Чем люди живы? Многими предметами, но познание, как таковое, и сама прелесть книги, как творения, уходит из жизни.

Так же точно вы можете наблюдать характер и сущность приятелей по состоянию данных им книг на прочтение. Правда, иногда вы встречаетесь с самым заботливым, с самым честным отношением к книге, и иногда вы понимаете, почему некоторые тома благополучно дожили от 17-го и 15-го столетия, но, к сожалению, чаще всего книга возвращается в таком неизгладимом поврежденном виде, что болеет душа за оскверненного автора. Закапать книгу чем-то, завернуть страницу, может быть, оборвать угол, а иногда даже вырезать понравившуюся иллюстрацию грехом не считается. Каждый библиотекарь расскажет вам свои горести не только о пропавших книгах, но об искалеченных навсегда изданиях.

Уничтожающий книгу доказывает низкое состояние своего сознания. Пусть это будет трюизм, но кто-то прочтет его еще раз и поопасается испачкать или изорвать книгу. И то уже хорошо. Среди мировых кризисов и материальных и духовных, отношение к книге будет одним из убедительных показаний. Вот когда мы вновь научимся самоотверженно полюбить книгу, так же как и произведение искусства, и сердечно оберечь ее, тогда и некоторые из труднейших жизненных проблем будут решаться сами собою. Без дискуссий, без злоречий и столкновений. И в жилье нашем найдется место и для книжного шкафа, и для рабочего стола, так же как и для священных Изображений, напоминающих присутствием своим о Высшем, о Прекрасном, о Бесконечном.

Кто-то скажет: это я давно знаю, это для меня не ново. Как хорошо, если он так скажет; быть может, он в силу этого прочтет еще одну книгу и еще бережнее отнесется к этим истинным друзьям каждого дома, и, в свою очередь, скажет это, так знакомое ему, и еще кому-нибудь. Ведь люди так часто говорят именно о том, что они не исполняют: “Я давно об этом знаю”, и им опять приходится сказать — тем хуже для вас.

Книги последних изданий сделались очень маленькими, стали крошечными как размером, так и удельным содержанием. Автор как бы боится, не утомить бы, не наскучить бы, ибо издатель твердит ему во все уши о странных требованиях читателя.

И вдруг вы узнаете, что большинство книг читается бедняками и желание истинного познания живет в людях, с трудом зарабатывающих себе хлеб завтрашнего дня. Когда вы перелистываете Ежегодник мировых сведений, вы с крайним интересом следите за статистикой грамотности и за количеством томов в публичных библиотеках мира. Как несоответственно со многими официальными представлениями распределяется количество книг в этих Народных Хранилищах! Не буду приводить этих поучительных цифр, ибо Уорлд Альманах Ежегодник вполне доступен для желающих ознакомиться с последовательностью этих накоплений. Для многих в них будут заключаться большие неожиданности.

Кроме того, не забудем, что грамотность, которая является несомненно ступенью к Культуре, сама по себе еще не обеспечивает чтения и разумно-культурного потребления книг. Если бы взяли другую статистику, а именно статистику, много ли из грамотных людей книг не читают, то результаты были бы очень поучительны. Если же из числа читающих выделить и чтецов бульварных романов, то мы увидим, что вся сумма серьезных книг и изданий ложится на сравнительно очень небольшое число людей из всего населения мира.

Это обстоятельство тем более вопиет о бережливом отношении не только к серьезным изданиям, но и к тем людям, которые делают из них разумное и надлежащее употребление.

Не забываются трогательные эпизоды любовного обращения с книгами. Незабываем рассказ одного небогатого литератора о том, как он желал подарить невесте своей, как свадебный подарок, как нечто наиболее ценное в его представлении, книгу-монографию о творчестве наиболее вдохновляющего его художника. Незабываемо также, когда трогательная любовь к книге самостоятельно вспыхивает в самом детском возрасте. Маленькая девочка, в барских хоромы, с трудом несет непомерную для детских сил книгу Библии с иллюстрациями Дорэ; не позволена ей эта книга, но она пользуется отсутствием старших не для проказ и шалостей, но чтобы еще раз воспользоваться минутой свободы и приобщиться к великим Образам.

Дороги нам эти дети, носители лучших Образов, которые по сердцу своему самостоятельно приходят к книжному шкафу и знают этого неизменного друга истинного счастья. Ведь самостоятельно пришел к книжному шкафу Эдисон и с измальства понял, чем он может благодетельствовать человечество. В инстинкте к приобщению к газетному делу выразилось сердечное устремление к распространению полезного.

Вспомним также великого мыслителя Рескина, с такою же трогательностью отдавшего свои первые устремления и вдохновения великой библейской Эпопее. Вспомним многих славных. Уже давно говорилось о мощи мысли, говорилось об искусстве мышления. Но ведь каждое искусство нужно развивать и питать, и не будет ли очаг этого священного искусства именно около книжного шкафа?

Обернемся к книжному шкафу не только как к утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым, и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творящая радость?

Гималаи. 1932.

XVII

КЛЕВЕТА

Друзья, уже неоднократно вы сообщаете мне о бродячей клевете. Формы ее становятся совершенно безобразны и неправдоподобны и могут обслуживать лишь самое примитивное низменное сознание. Не удивляюсь существованию клеветы вообще; есть известные породы двуногих, питающихся смердящим разложением, возвращенным ими же самими. Парники зла и тьмы всегда прозябают, особенно же там, где они мечтали бы вредить культуре. Как вы слышали от старых алхимиков, темные гомункулы зарождались в навозе.

Не ново существование клеветы. Не существование ее, но методы ее забавны и должны быть наблюдаемы. При всем их многообразии, в основе своей они проявляют всю духовную нищету свою. В конце концов, как вы уже много раз замечали, клевета создает такого рода выдумки, которые противоречат всякому здравому рассудку. Как видите, клевета даже не утруждает себя пользоваться какими-либо фактами, она просто измышляет, притом измышляет и бедно и нехудожественно.

Может лишь показаться тем, кто не знает данных обстоятельств, что измышление клеветы значительно, впрочем, клевета и надеется всегда действовать на умы неподготовленные или уже зараженные злобою. Всякий же, кто устремляется или чистотою духа своего, или добросовестным знанием действительности, тот сразу усмотрит грубые и духовно нищенские выдумки. Между прочим, именно в этом свойстве неправдоподобности и заключается даже полезность клеветы. Она ударами своими выбивает как бы какой-то учащенный ритм, а в энергии ритма рождается новая сила сопротивления.

И не только зарождается новая энергия у самих оклеветанных, но вокруг их в

целом слое добропорядочных сердец создается напряженная и благодатная сила. Вы уже знаете о действенной благодати подобного напряжения энергии. В статье “Похвала врагам” говорилось о том, как препятствия создают новые возможности. Теперь же после целого ряда новых наблюдений можно, к счастью, удивляться, насколько бедна клевета в основе своей. Вся ее кажущаяся пышность и замысловатость сводятся к самым примитивным и грубым уловкам. Клевета нисходит до пользования показаниями уволенного за недобросовестность слуги. Клевета не затрудняется приписать совершенно ложное местонахождение. Клевете ничего не стоит приписать пользование аппаратами, с которыми никогда и не приходилось встречаться. Клевета в своей тупости старается поразить утверждением, что писатель никогда не писал своих сочинений, а художник даже не притрагивался и к одному холсту, а изобретатель, конечно, украл все свои изобретения.

Наличие наилучших достижений несколько не смущает клеветника, он ведь в существе своем безнадежен и, в безнадежности своей заведомо действуя против очевидности, он попросту пытается бросать в пространство отрицательные заклинания. Житейские мудрецы давно заметили: “Клевещите, клеvещите, всегда что-нибудь останется”. Но Апостол Павел гораздо раньше заметил, что “хотя вы и считаете нас мертвыми, но мы живы”.

Итак, не огорчайтесь клеветой. Наоборот, наблюдайте методы ее. Подобные испытания прекрасно укрепляют жизненный опыт. Клевета вытесняется и уничтожается количеством действенных благих построений. Помню, как многие даже хорошие друзья наши не могли понять, почему в беседах часто произносится понятие духовной битвы, понятие духовного доспеха, меча и щита.

Но вытеснение тьмы благами построениями ведь и есть духовная битва.

Сторонникам мира нечего опасаться, что в понятии духовной битвы заключается агрессивный милитаризм. Нет, эта битва есть лишь еще одно сопротивление злу. И ведь никто же не посоветует радушно открывать двери всякому злу, разложению, клевете и предательству. Лишь какие-то низкие некроманты стали бы устраивать сборища трупов, пиры тления. Это зрелище, прежде всего, будет безобразно, и, как таковое, антиэволюционно и акультурно.

Клеветники в существе своем — и убийцы и некроманты, и если к ним можно применить посрамляющее их понятие благого строительства, это будет лучшим холодным душем для извращенных клеветнических сердец. Потому, изучая методы клеветы, мы вовсе не будем оставаться лишь наблюдателями. Обратите внимание: когда вы накрываете клеветника и спрашиваете его об источниках его сведений, он никогда не назовет вам никаких имен. Не назовет он их потому, что он-то и есть или породитель или ближайший соучастник клеветы. Конечно, могут найтись и такие умственно ограниченные люди, которые, распространяя клевету, тут же будут настаивать на том, что они лишь передают эти слухи. Их затемненный ум не может уразуметь, что в эту минуту они-то и являются распространителями клеветы, то есть вполне приобщают себя к клеветникам.

Помню, как мой покойный учитель Куинджи, когда ему передали какую-то несообразную клевету о нем, покачал головою и сказал: “Странно, а ведь я этому человеку никакого добра не сделал”. В этом искреннем замечании умудренный жизненным опытом учитель выразил еще одну особенность круга клеветы. Правда, многообразна она. Странно замечать, как иногда зарождается она бесцельно, в бессознательном зле.

Народная мудрость отметила особый вид простаков клеветы, якобы даже не помнящих порожденного ими зла. Упаси, Создатель, от таких простаков. Чаще всего это вовсе не простаки, а прежде всего, в силу своего невежества, новобранцы сил темных. Но невежество есть преступление, это отмечено уже из глубокой древности. А всякое преступление по закону справедливости будет рано или поздно посрамлено. Всякий же момент посрамления совсем неприятен, даже и для

низменного, грубого сознания. Даже пес избегает быть посрамленным. Простаков клеветы, в конце концов, не так уже много, клевета остается явным порождением зла, а потому всякий клеветник принадлежит и по состоянию своему и по судьбе своей темному царству.

Каждый совет не обращать внимания на клевету не есть истинный совет. На каждое явление нужно обращать внимание; на каждый ядовитый газ нужно иметь противогаз. Будем помнить, что клевета антикультурна, что во всяком ложном сведении есть клевета и что по суровому библейскому выражению: “Клеветник, псу подобно, пожрет свою блевотину”. Та же Библия замечает: “Дьявол был клеветник искони”. Вот кто клеветою занимается.

А в конце концов клевета является мерилем сознания и пробным камнем силы подвига.

*Гималаи.
7 ноября 1931 г.*

III

ОСТРОВ СЛЕЗ

I

ОСТРОВ СЛЕЗ

Самая тяжкая необходимость есть необходимость отказов. Тех отказов, когда к вам приходят с самыми лучшими намерениями, решениями, когда просят о поддержании чего-то очень хорошего, уже существующего, а вы совершенно не в силах помочь. И не только вы не можете помочь сами, но, оглядываясь по всему горизонту, вы даже не знаете, куда же направить этих страждущих, где бы могли быть утолены их прекрасные нужды. Собрание всевозможных обращений о помощи есть истинный остров слез.

Иногда вы еще можете догадаться, что некоторые из этих людей еще поддержатся до каких-то новых обстоятельств; но нередко вы чувствуете, что этот зов был последним призывом и что в запасе уже нет не только средств физических, но уже исчерпались и средства духовные, а это самое прискорбное. Кроме множества несчастий личных, ужасно видеть, как подсекаются всевозможные образовательные и просветительные Учреждения. Происходит именно то, чего человечество должно бы особенно опасаться в текущее время. Происходит усеменение роста Культуры, именно той Культуры, которая в расцвете своем должна давать истинное, и духовное, и всякое благосостояние.

Вот перед нами просьба о школе. Если она не осуществится, то многие детишки останутся без должного образования. Здесь же приложен и снимок с целой многочисленной группой этих детей. И какие славные, милые лица! Несмотря на бедные одежды, сколько здорового элемента чувствуется в этих маленьких телах, готовых для пищи духовной! И спрошенные деньги на эту школу совсем не велики, но и их взять неоткуда.

Вот просьба о поддержании Журнала и полезнейшего Издательства. Все, уже изданное этим Издательством, ценно и безусловно полезно. Это не какие-то абстрактные мечтания. На столе лежат нужнейшие книги, которые сообщают молодым поколениям прекрасные, обоснованные и укрепляющие факты. Именно такие Журналы и Издательства, полные строительства, должны бы не только существовать, но и расширяться во имя неотложно нужного совершенствования. И опять спрошенная сумма так мала, так несоответственно мала с полезнейшими уже

явными достижениями Издательства. Но все-таки и этой суммы нет. И опять приходится писать: “Будем ждать лучших времен”. Будут они, эти лучшие времена, но ведь до тех пор нарушится весь темп уже налаженной работы. Весьма вероятно, что работа даже прервется, а вы знаете, что значит налаживать работу вновь. И таких просьб от издательств и журналов много. И вовсе не из одной страны они, и вовсе не являются они следствием несчастья одного народа. Разнообразие народов, мест и всех условий сводится к одной объединенности, а именно к объединенности факта усекновения ростков Культуры.

Вот перед вами целое уже заслуженное историческое Учреждение. Результаты плодотворного издательства и работы налицо. Список сотрудников включает в себе целый ряд ценнейших научных имен. О нужности этого Учреждения никто не спорит. Местное правительство посильно поддержало его. Но для существования нужна еще сумма, смешная в своей малости, сравнительно с программой Учреждения, но даже и этой суммы нет. И сколько ценнейших усилий, сколько невознаградимого времени отнимается от нужнейших научных исследований на бесплодные поиски, лишь бы двери Учреждения вообще не закрылись. А закроются они, тогда поди, собери опять весь нужный комплекс сил и условий. Неужели же дух человечества стал настолько расточительным, чтобы слепо бросаться прекраснейшими накоплениями и нужнейшими изучениями?

Вот в таком же положении медико-научное Учреждение, уже достигшее определенных результатов и приветствованное научными центрами, и тоже смешно мала нужная сумма, но и ее нет. Точно нож гильотины! Вот стариннейший Музей, национальная гордость, принужден искать даже самых малых сумм, чтобы поддерживать свое существование. И опять тот же нож гильотины! Вот поиски о построении Храма, так нужного, когда болеет дух человеческий. И вместо построения нож гильотины!

Вот кружки молодежи, собиравшиеся во имя прекрасных созидательных Начал, ради самых высоких Имен и Понятий. Ценнейшие кружки молодежи трудящейся, с трудом пробивающей свое личное затрудненное существование. И сколько ни озираются эти искатели лучших духовных укреплений, они не могут найти даже минимальной суммы, чтобы закрепить существование своего единения. Обессиленные, они разбегутся, гонимые нуждою, и когда же опять удастся соединить их, таких ценных, так радующих дух и сердце.

Вот Культурное Общество, устремленное к задачам Просвещения, Воспитания, Материнства, к укреплению всех тех начал, которые если не будут осознаны и устроены, то мы вновь будем терпеть крахи и духовные и материальные. Они просят так немногого, чтобы просуществовать. Они и так отдают все свое, что может быть только отдано. Но эти прекраснейшие примеры самопожертвования разбиваются о те леденитые потоки, о которых говорилось в “Огне Претворяющем”.

Известный писатель, широко приветствованный, не может даже взяться за перо, ибо нет средств к существованию. Разве в этом не сказывается безумная расточительность человечества духовными силами? И не только все те множества просьб о поддержании прекраснейших начинаний остаются, по необходимости, неотвеченными, но мировой уклад продолжает идти по той же пагубной линии пресечения лучших культурных намерений и стремлений человечества. И главное, что это не относится к одной стране или даже к одной группе стран, нет, эти, к сожалению, неоспоримые сведения поступают со всего мира.

Кто-то скажет: но ведь школы все-таки существуют, ведь университеты существуют, ведь и музеи существуют. Так, но посмотрим, во что постепенно превращаются бюджеты всех этих сохраненных, хотя бы ради долговременности, учреждений. Мы читаем ежедневно о закрытии целых отделов научных музеев, о прекращении исследований, о приостановлении раскопок, о пресечении построек, о сокращении штатов, причем столько нужных незаменимых молодых сил отсекаются, чтобы навсегда затеряться в беспощадном океане Хаоса. Царят “нет” и

“нельзя”. Царят отрицания, пресечения, даже без особых обсуждений, что наиболее необходимо. Даже в самых, казалось бы, обеспеченных учреждениях мы видим небывалые ранее объявления о невыполненных изданиях, об отложенных планах и о тех же урезаниях хотя бы и самого насущного.

Конечно, мы должны думать о будущем, в этом никто не будет особого мнения; даже любой производитель производит не для вчерашнего дня. И вот среди, казалось бы, все же существующих помыслов о будущем, люди сами, самым жестоким образом, начнут пресекать все то неотложно нужное, хотя бы даже для каждого производства.

Земля пережила много крахов и потрясений. Но нет ли каких-то отличительных признаков свалившегося сейчас на человечество духовного и материального несчастья? Такой признак есть. И этот признак страшен, если на него не обратить особого внимания. Это признак всемирного несчастья. Прежде несчастья были национальны, или групповые, но сейчас произошел неслыханный интернационализм несчастий. Нет такой страны, нет такого удаленного острова, которые бы не повторяли речей о несчастье.

Чем больше вы приходите в соприкосновение с самыми разнообразными народностями, тем больше вас потрясает эта универсальность несчастья. Малые группы рантье, закрывших от себя мир в призрачной обеспеченности, становятся совершенно незначительными. Любой из них, почти еще не пострадавший лично, уже твердит о несчастье. И во всех этих несчастьеносных утверждениях и действиях получается какое-то губительное вызывание несчастий, точно какие-то незримые сеятели несчастий проходят по разным странам и бросают в пространство губительные, мертвящие формулы.

А за ними появляется настоящий танец смерти: “отсечь, прекратить, убить, омертвить” — на самых разных языках, в различных формулах, несутся по миру эти мертвые слова. Призрачная экономия породила армии безработных или сделала размер содержания не отвечающим даже самым нищенским потребностям. Перед нами тоже лежат цифры разных заработных плат, и нужно сознаться, что эти цифры ужасны.

Ясно одно: если человечество будет продолжать гипнотизировать себя вызываниями несчастий, оно нарушит самое ценное, ради чего оно существует, оно нарушит Культуру, оно нарушит ход и накопление того, что при иных условиях невозвратно или потребует многих веков для врачевания.

Ужас отказа, ужас убивания живых ростков не может продолжаться долее. Совершенно необходимо, отбросив личные препирательства и личные соперничества, сообща подумать о будущих поколениях, для которых основа Культуры есть единственная твердыня духа. Вместо вызываний несчастий рано или поздно, и лучше пусть будет рано, нужно обратиться к призыванию основ положительного построения. Если мы утвердимся мысленно и действительно на основах строительства, тем самым начнут разрешаться и многие, казалось бы, неразрешимые проблемы. Многолетен был Эдисон, многолетен был Майкельсон, и никто из этих творцов мысли не думал о самоубийстве. Творческая мысль была тем аккумулятором высоких энергий, которые питают все соки жизни. Высокие энергии творчества являются тем великим жизнедателем, вечно искомым людьми. Вот этот жизнедатель и подсказывает каждому желающему помыслить, что необходимо от пагубных вызываний несчастий обратиться к настойчивому вызыванию благого культурного строительства. И если мы все вместе закричим о необходимости развития познания и облагораживания, то этот крик уже будет первым камнем в новом построении положительной твердыни человечества.

Мы начали от ужаса необходимости отказа, кончим же сердечною радостью о реальной возможности построений, если только хотя бы временно, хотя бы частично будет отставлена злоба разрушения и разложения. Созидание от мысленного претворяется и в действительное, и потому так хочется сказать всем

работникам Культуры, получившим за последнее время столько отказов и отсечений: “Продержимся, не будем рассеиваться, призовем хотя бы остатки дружелюбия и покроем отказы этими зернами Блага”. Превращать Остров Слез в Сад Прекрасный, в Сад Труда и Познания, разве это не есть первая основа всех положительных Учений Мира?

Гималаи. 1932.

II

РАСХИЩЕННОЕ СЕРДЦЕ

В последней газете два знаменательных столбца. Налево рассказывается трагическая смерть самоубийством мультимиллионера К.; на том же листе направо сообщается самоубийство тоже мультимиллионера семидесятипятилетнего Д. И. К. оставил многозначительную записку: “Я устал”. И. говорит в прощальном письме: “Зачем ждать?”. Эти два самоубийства мультимиллионеров, не разоренных денежно, но пораженных духовно, очень показательны.

Казалось бы, велик был запас жизненных сил у К. В течение лишь двадцати лет он создал свои всемирные денежные операции. Множество миллионов долларов он давал правительствам целого ряда стран. Правда, замерзли некоторые его займы, но это обстоятельство еще не могло быть смертельным ударом его духу.

В случае И. многое еще поразительнее. Казалось бы, в широкой деятельности И. ничто не замерзло. Его предприятия, даже за последнее время, обогатились ценными открытиями и усовершенствованиями. Его широкая образовательная деятельность и благотворительные построения, казалось, шли бодро вперед. Одним из последних его благотворительных начинаний было построение госпиталя в Италии для итальянских детей. И вдруг среди этих расширений, роста, усовершенствований, холодеющий голос: “Зачем ждать?”. Вспоминается при этом и другой мультимиллионер, прыгнувший со своего аэроплана, несмотря на то, что у него осталось многомиллионное состояние.

Спрашивается — какая же такая сила приводит к роковому вопросу: “Зачем ждать?”. Казалось, вся история этих людей показывала огромный запас жизненной энергии. Это не были ходячие мертвецы с оледенелыми от рождения сердцами. О К. говорилось много хорошего. И действительно, необыкновенно широкий по всемирному масштабу глаз его не удовлетворялся малыми решениями. Его контора быстро сделалась решающей многие обширнейшие международные вопросы. Если мы возьмем список стран, в которых протекала его денежная помощь, то мы увидим по одним наименованиям этих государств широкую мысль К. Мы заметим созидательное построение не для одной какой-то группы, не для одностороннего политического обособления, но широко обдуманную созидательную работу. Друзья К. хорошо говорили о нем. Спрашивается, где же были эти друзья, когда рука его писала страшное слово, так далекое от всего его существа, — “Я устал”?

И. я видел в последний раз в его Рочестере в 24-м году. С каким необычайным воодушевлением он показывал новые усовершенствования его Заведения и Музыкального института. Видно было еще раз, что он не был бесстрастным давателем избытков. Нет, несмотря на свои седые волосы, он был бодрым, живым, творящим участником прекрасно замысленных культурно-образовательных Учреждений. Он старательно заботился о привлечении новых сил, молодых, известных, которые могли бы жизненно улучшать Учреждения. И. действительно любил музыку, и вся его жизнь, начиная от раннего завтрака, сопровождаемого органом, была наполнена лучшими мелодиями. Он неотвлеченно хотел помочь утончать сознания молодого поколения Америки. Если мы возьмем списки всех прошедших через его Учреждения, мы увидим действительно широкое понимание вне кружковщины и партийности. Если же вспомним многие его путешествия и его личную неустанную работу по всем своим Учреждениям, то именно от И.

невозможно было бы ждать страшного, безрадостного восклицания — “Зачем ждать?”.

В знаменитых японских приемах борьбы всегда говорится о двух повторных ударах, из которых последний бывает особенно решающим. Эти два страшные признания выдающихся мультимиллионеров и деятелей повторностью своею особенно поразительны. Не заставят ли эти два возгласа, облетевшие сейчас мир, подумать многих и многих о том, что заставило этих действительно больших, без преувеличения выдающихся людей кончить широчайшую деятельность на страшном восклицании безрадостности? Ведь это не отчаяние бедняка, задавленного безысходностью. Ведь это не последний приказ капитана корабля, знающего неизбежность крушения. В этих двух случаях на весь мир возопила сильная воля, увидевшая какую-то очевидно вставшую перед ними действительность. По сравнению с этой страшною действительностью, может быть, уже никакие зовы друзей не могли бы перекрычать это рычание убивающей действительности. И назвать ее можно лишь самым страшным во всем словаре словом: Безрадостием. Даже не удар отчаяния, не ужас последствий, но мертвящее сознание невозможности радости. Конечно, сказано всегда и во всем: “Радость есть особая Мудрость”. Радость человека далеко разнится от радостей теленка на цветочном лугу. Но человек тоже радуется цветам, и может он им радоваться, если не убито сердце его. Неизлечимая разрушающая болезнь еще может создать вопрос — зачем ждать? Но сердце, для которого не может быть ни возраста, ни разочарований перед великою действительностью, не может устать.

Конечно, земные пути сообщения приводят к ужасу ограниченности. Повторяю и твержу: если человек не знает, зачем он стремительно кружится над всею землею в быстрейшем воздушном корабле, то даже само солнце, сама красота пространства рано или поздно станут для него оловянною заслонкою. И в этой печальной ограниченности человек может впасть в великую из ошибок, может прийти к мысли о самоуничтожении. Совершенно очевидно, что тому, кому пришла губительная мысль о самоуничтожении, никто никогда не твердил о последствиях этого акта, противозаконного всему существу. К Заветам религий должны, наконец, присоединиться и голоса науки, которые во имя незыблемых законов бытия сказали бы во всевозможных выражениях, насколько самоуничтожение противоестественно и какие последствия оно неизбежно порождает. Ведь тот, кто хотя бы однажды, хотя бы мгновенно, осознал мир Невидимый, для того Беспредельность перестала бы быть кругосветным путешествием по коре одной из самых крошечных планет. Его воздушный корабль переносил бы не только цифры торговых фирм, которые к месту их достижения уже теряли всякий свой смысл, а радио кричало бы не о ненужностях, но действительно о том, что могло бы породить радость сердца. Подчеркнем именно радость сердца, потому что формы жизни вряд ли могут дать эту неисчерпаемую радость, если только сознание не будет устремляться в будущее, в то будущее, где все неразрешимые проблемы будут разрешены преобразованием жизни.

Все страшные заключения “зачем ждать?” и “я устал” не являются виною одного человека, они лежат на ответственности всего общества человеческого. Можно поверить, что один индивидуум может устать, если он изо дня в день видит лишь лед, корысть и предательство. Если он безошибочно замечает, что его самые сердечные, самые лучшие устремления учитываются на чужих весах мерзостными и пошлыми гирями.

Ни на каких газетных листах не сказано, а может быть и не будет сказано, какие именно причины расхитили сердце этих двух людей. Может быть, не относится ли трагический возглас “я устал” к тем темным клеветникам, которые поразили сердечное равновесие? Кто знает, сколько зависти, сколько предательства, лживых измышлений, утаиваний, своекорыстных извращений окружало этих больших деятелей? Устремляясь в какие-то дальние страны, не стремились ли они

уйти от действительности и не мечтали ли они в ночном одиночестве где-то найти тех, кто понял бы истинность их стремлений? Не забуду, как один большой писатель незадолго до смерти своей, болея тоже расхищенным сердцем, мучительно сознавался мне: “Может быть, и есть где-то мои друзья и читатели, но ведь я-то не вижу их и не знаю, где живут они”. Страшное одиночество больших людей звучало в этом признании, исшедшем из последних биений отягощенного сердца. Вероятно, это сердце чувствовало, что ему не прощена мысль его о человечестве, стремление его о мире вне опошленной обыденности, и он же через несколько дней сообщал мне: “Они боятся меня, точно я отнял от них что-то”. И он еще раз болел о том, что малое сознание не только не хочет стремиться к расширению и приобретению истинных радостей, но, как бы для спокойствия своего, оно старается задушить то, что не в их мерках.

Тот, кто сказал об усталости, знал он все эти мерки и устал он не жить, но, может быть, показалось ему нестерпимо ужасным продолжать бороться с этими бесчисленными мерами скверны. Расхитители сердца! Когда читаем сказки о вампирах и оборотнях, не ими ли названы расхитители сердец и извратители прекрасного Бытия, всем сужденного! Потому-то эти два крика смертельной тоски, сейчас облетевшие мир, не случайны. В этой повторной предсмертной исповеди заключается обращение к человеческому обществу. Тот, кто сказал среди огромнейшей деятельности: “Зачем ждать?”, тот, конечно, мысленно обращался ко всем тем, которые принесли величайшее разочарование и на его глазах умерщвляли то, чем горело это большое сердце человеческое. Расхищение сердца — так можно назвать это преступление, приносящее самое страшное последствие — Безрадостность.

Похищение Сердца, разве не заключается оно и в похищении детей, о котором сейчас тоже были наполнены листы газетные. Может быть, тоже именно не — случай, но это известие было связано с именем национального героя Америки Линдберга; пусть величина этого имени обратит внимание человечества на те ужасы, которые продолжают твориться и усиливаться в мире двуногих. Мир был потрясен этим известием. Множество сообщений и писем пронизали пространство. Газеты принесли известие, что в спешном порядке был усилен закон против вымогательств и угроз, давший преступнику двадцать лет тюремного заключения и несколько тысяч долларов штрафа. Конечно, иначе и быть не может. Бесчеловечность вымогательства и угроз должны быть достаточно ограждены государством. Обеспечивая существование личности, государство уже тем самым пытается бороться против гнета безрадостного, против расхищения сердца. Если расхитители сердец, похитители всего самого драгоценного, разрушители и разлагатели будут извергаться из Общества человеческого как сор, как элемент недостойный, то ведь и усталость жизнью пойдет по пути прекращения. В убеждении неприкосновенности сердца люди начнут радоваться, радостями расширенными и неисчерпаемыми. Никто уже не спросит тогда в мучительном вздохе: “Зачем ждать?”, но скажет в обновленном понятии: “Чаю воскресения!”. И сама Беспредельность, от которой не уйти уже существующему, не только не испугает, но вдохновит и призовет к новому бесконечному творчеству. И облегченно вздохнет наболевшее сердце, ибо оно узнает, зачем ждать, на что надеяться и что знать. Во имя великого Знания, во имя Прекрасного пошлем наши мысли тем, кто своими наболевшими зовами, не боясь действительности, пронзил мир признанием, о котором все мы должны подумать, собираясь к новым путям.

Гималаи. 1932.

III

БОГАТАЯ БЕДНОСТЬ

Paupertas, impulit audax

Ut versum tacerem

Говорит Гораций: “Бедность устремляла меня к вдохновению”.

Удивительно вспомнить, что Св. Франциск, покуда он был богатым гражданином, не привлек к себе ничего внимания. Но стоило ему обручиться с синьорю Бедностью, вступив на духовный путь, как он сделался тем мировым Святым, имя и облик которого зажигает и устремляет к подвигу множества сердец.

Перелистывая страницы многообразной истории человечества, мы все-таки приходим к тому же непоколебимому утверждению, что богатство не отмечено в истории как лучшее средство достижений. Шах Хумаюн при рождении своего великого сына Акбара был настолько беден, что мог уделить своим приближенным обычные при таком случае подарки лишь в виде нескольких крупинок мускуса.

Очень богаты были банкиры Вавилона, но история не сохранила их имени. Такие имена не пригодились в рассказе о человеческих достижениях, если не приобщались к просвещению. Летопись движений человечества для непредубежденного наблюдателя все-таки остается чем-то очень замечательным по своей внутренней справедливости.

Современники творят много неправд и несправедливостей, но само время производит по законам бытия знаменательные перестановки. Вопреки современникам эти законы выдвигают все поступательные движения и отодвигают в бездну все призрачное, случайное, временное. История не забывает в конце концов, может быть и через целые века, отдать справедливую дань сердечному человеческому устремлению к Общему Благу.

История человечества в конце концов остается человеческой, в полном смысле этого слова. Свокорыстие, себялюбие, злобность и жестокость все-таки остаются на каких-то стыдных местах, и никакое золото, никакие порфиры не могут прикрыть ни невежество, ни разрушение. В то же время каждое творчество, каждое истинное созидательное стремление оказываются все-таки незабытыми. При этом история с трогательной внимательностью, часто неизвестно откуда просочившейся, не забывает отметить все бескорыстное. Отмечается все, хотя бы своеобразно, устремившееся во благо человечеству. Та же история доносит до нас множество самых неожиданных сведений, которые, при сопоставлении, составляют необыкновеннейшую мозаику, из которой каждый может черпать массу поучительного для жизни.

Вспомним о самом условном знаке жизни человеческой — о монетах. История Китая и в этом вопросе, как и во многих других, дает незабываемый пример. Во время движения нашей экспедиции по дальним областям Китая нам пришлось встретиться с необыкновенно странным положением денежных знаков. Мы были, прежде всего, предупреждены опытными людьми, чтобы не принимать серебряных слитков, хотя бы и снабженных государственными печатями, ибо очень часто внутри серебряной плитки искусно вкраплена медь. Также немало смущений доставили нам современные серебряные монеты, которые принимались и оценивались совершенно своеобразно в разных местностях. В одном городе любили голову Ли Хун-чана с шестью буквами, а в другом желали иметь семь букв. Одни хотели иметь монеты с женским изображением, а другие вообще не желали китайских знаков, требуя рупии.

Наконец, нам предложили, как разменную монету, какие-то деревянные палочки с нарезками, при этом утверждая, что эти знаки самые лучшие, ибо они выпущены местным игорным домом. Таким образом, поверх всех голов Ли Хун-чана, обыватели вдруг поверили палочкам игорного дома, находя в них неоспоримую ценность. При всем разнообразии китайских монетных знаков все-таки палочки игорного дома остались непобитыми в своей оригинальности.

Идя по истории Китая вглубь, мы действительно можем встретить всевозможные затейливые формы монетных знаков, но после современных палочек

игорного дома, пожалуй, наиболее неожиданной и знаменательной формой будут монеты-ножи династии Чжу (715-431 до нашей эры). Среди множества странных монетных форм, соответствовавших разнообразным видам торговли, форма ножа нигде нам не встречалась. Пожалуй, в наше время всяких упадков, подавленности, провалов бюджетных внутренних смысл монеты-ножа был бы очень знаменательным. Должник говорил бы кредитору: “Погодите, уж я вам отдам ножами”. Или: “У меня для вас немало ножей припасено”. Сколько недоразумений, при всевозможных комиссиях Лиги Наций, происходило бы из-за таких ножевых дискуссий. Но и в китайских монетах-ножах сохранилась вековая китайская изысканность. Форма их очень красива, а кольцо на ручке показывает, что они могли привязываться или нанизываться на что-то и были носимы при себе. С нашей судебной точки зрения сколько недоразумений могла бы создать такая монета в руках грабителей, который стал бы уверять, что это просто перочинный ножик.

Но знаменательно, что изысканная фантазия древних считала возможным соединять понятие денежного знака именно с ножом. Ведь никто не применял как денежный знак какое-либо священное изображение, как таковое. Правда, на монетах бывали изображения божеств, но они употреблялись как символы, как хранители известного города или страны. Кто знает, может быть, какому-то из наших современных банкиров облик ножа-монеты был бы особенно увлекателен и близок.

Так история человечества, как точно какие-то предостерегающие знаки, доносит до нас сочетания символов. Нож больше всего является символом жестким, колючим, жестоким, но ведь и денежный знак, во всей условности своей, тоже не будет божественным.

История не забыла рассказать нам, что даже Конфуций, великий своим миролюбием и справедливостью, был настолько преследуем современниками своими, что даже должен был держать наготове запряженную колесницу и большинство жизни провел в вынужденных переездах. Но история отбросила в бездну имена этих невежд преследователей. А Конфуций не только остался в памяти, не только прожил через тысячелетия, но имя его еще более укрепляется и в теперешнем современном сознании.

Говорить о преследованиях современников и о последующих справедливых оценках значило бы, прежде всего, изложить историю сравнительных религий, историю всех учений света, историю всех творческих устремлений. Мы уже не раз напоминали, что должны были бы быть изданы наряду с книгой “Мученики науки” и книги “Мученики искусства”, “Мученики творчества”, “Мученики блага”. Еще недавно мы видели, как Эдисон за свое одно из поразительнейших открытий был назван в собрании одной Академии шарлатаном.

Это же название, даже в издании изысканных энциклопедий, еще недавно было применяемо к именам очень почтенным и замечательным. Поучительно было наблюдать, как в последовательном издании эти наименования смущенно стирались. Сама история уже начинала выдвигать оценку неоспоримую, и условное невежественное суждение современников стыдливо стиралось, уступая место более приличным наименованиям.

Во всех проявлениях жизни постоянно видим мы эту кристаллизацию ценностей, произведенную уже космическим сознанием. Одни знаки и символы почему-то стираются, а другие даже через все потрясения и бури проходят невредимо и остаются поучительно. Древние мудрые китайцы почему-то соединили символ монетного знака с символом ножа, и этот символ время донесло до нас неприкосновенно.

Так же неприкосновенно и ярко донесло до нас время и великий образ Св. Сергия и всех тех мощных духом подвижников, которые, презрев условности несовершенного земного быта, устремились к ценностям истинным. И великий поэт Гораций не только не устыдился, но с полным достоинством помянул о значении бедности для его вдохновений. И замечательный художник Ван Гог, посылая своему

домовладельцу отрезанное свое ухо, как бы напоминал об ухе, умеющем слышать. Если бы только люди поняли, где истинные ценности, им действительно нужные, где живет та щедрая бедность, которая богаче всяких богатств!

Конечно, никто не скажет, что торговля не нужна. Наоборот, всякий обмен в культурных пределах должен быть приветствован. В нашей Всемирной Лиге Культуры потому-то включено участие промышленных предприятий, лишь бы они двигались по культурным путям. Но следует всюду заметить, что капиталу и торговле не может принадлежать то краеугольное место, которое часто утверждается за ними в наши смятенные дни. В истинном сотрудничестве с культурными ценностями всякий труд, всякая производительность лишь умножит Сад Прекрасный.

Вагнер в своем “Кольце нибелунгов” дает многие космические моменты. Останется незабытым и знаменательный разговор Вотана с Миме, когда Вотан предлагает Миме задать ему три вопроса. Вотан ответил на все заоблачные и подземные хитроумности Миме, но, блуждая далеко, Миме забыл спросить о самом ему нужном. Вотан говорит Миме: вот ты блуждал далеко, подымался к облакам и спускался под землю, но о том, что тебе так нужно, ты не спросил, и теперь будешь ты мой. Разве в блужданиях своих и в шатаниях человечество не забывает спросить и подумать о том, что для него действительно неотложно?

Книга “Мир Огненный” говорит:

“Итак, темные силы довели планету до такого состояния, когда никакое решение земное не может вернуть условное благосостояние. Никто не может считать, что земные меры вчерашнего дня пригодны на завтра. Так нужно человечеству снова понять смысл своего кратковременного пребывания в земном состоянии. Только основным определением своего существования в плотном виде и пониманием Тонкого и Огненного Мира можно укрепить бытие свое. Не нужно думать, что призрак торговли может, хотя бы временно, дать прочное пребывание. Жизнь превратилась в торговлю, но кто же из Учителей Жизни был торгашом? Знаете великие символы об изгнании торгашей из Храма, но разве сама Земля не Храм? Разве Маха Меру не есть подножие Вершины Духа? Так можно указать жителям Земли на сужденные вершины”.

“Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль. Явление мысли уже понятно, также осознаем и Великий Огонь — Оум!”

Та же книга напоминает:

“Народ утверждает, что перед войною или бедствием бывают лесные и всякие пожары. Безразлично, всегда ли они бывают, но знаменательно, что народное поверие судит об огненном напряжении перед мировыми потрясениями. Народная мудрость отводит Огню замечательное место. Бог посещает народ в Огне. Та же огненная стихия избиралась как высший Суд. Уничтожение зла производится Огнем. Явление несчастья сопровождается сожжением. Так во всем течении народной мысли можно видеть пути огненные. У народа зажигаются лампы, и народ несет светильники, уявленные на служении. Торжественна Огненная стихия в народном понимании!”.

“Искреннее самоусовершенствование не есть самость, но имеет мировое значение. Мысль об улучшении не будет касаться лишь самого себя. Такая мысль несет в себе пламень, нужный для многих зажиганий сердец. Как Огонь, внесенный в помещение, наполненное горючим веществом, воспламеняет непременно, так огненная мысль вонзается в пространство и неминуемо привлекает к себе ищущие сердца”.

Гималаи. 1932.

“CANIMUS SURDIS”

“ПОЕМ ГЛУХИМ”

Скорбно восклицает великий поэт Италии. Опять целый ворох сведений! И все о том же!

Вот приостановление издательства в Германии. Вот денежные затруднения в научном мире Голландии. Вот нужда в Болгарии. Вот конец журнала в Калькутте. Вот временное закрытие музея в Детройте. Вот потрясающие цифры безработных в Америке. За один последний месяц в одном Чикаго разрушилось тридцать восемь банков. Вот трудности в Швеции. Вот невозможность существования прекрасно задуманного детского театра. Вот невозможность увековечить историческое событие. Вот прозорливый Уэллс предупреждает о спешной необходимости строить новый Ноев Ковчег для спасения Культуры и цивилизации. Бесконечна подавленность. Бесконечны сведения несчастья из писем и газет. Всюду какие-то темные силы обрушиваются прежде всего на культурные проявления. Точно бы именно культура мешает им довершить адски задуманное разложение мира.

Среди этих всплесков хаоса раздаются единичные голоса, мечтающие, чтобы все, по мановению, стало по-прежнему. Болдвин советует: “Покупать мудро и широко!”. Нью-Йоркский “Таймс” помещает крупные заголовки: “Возрождение торговли необходимо, чтобы положение безработицы улучшить”, “Требуется нормальная покупка”. Глава советует: “Покупайте автомобили”. Чего лучше?

Именно, пусть положение десяти миллионов безработных улучшится! Пусть водворится радостное приобретение. Но ведь эти призывы пенятся, как волны о скалы. Из пены может быть выделан ценный продукт! Может быть, но пока хлещут волны новых бедственных сведений, ревущих в свирепости своей против культуры.

Даже доброхотные обыватели начинают шептать: “О культуре ли думать?”, “Где тут цивилизация, когда есть нечего”. Большие, сильные люди борются с океанскими волнами культурных невзгод. Посмотрите, что пишет кровью сердца своего известный, прекрасный писатель: “Наше личное положение неопишимо тяжело. Однако бьемся из последних сил, храня веру и дух бодрости и любовь к искренним друзьям. Единственный плюс в нашем положении — это полное отсутствие боязни завтрашнего дня, потому что он хуже сегодняшнего быть не может. Но изнемогли и постарели еще на десять лет. Все же стоять и быть под ярмом долгов сплошь восемь лет и не иметь возможности делать то, что главнее всего, — это надо быть какими-то железными или задубелыми в упорстве. Гибель мира надвигается”.

Этому сильному, славному подвижнику отвечено: “На перекрестке были спрошены прохожие, чем они строят век будущий? Один огрызнулся: “Ядовитыми газами”. Другой прошептал: “Подводными лодками”. Третий захохотал: “Понижением фондов”. Четвертый: “Гольфом”. Пятый: “Наркотиками”. Шестой: “На мой век хватит”. Седьмой утвердил: “Культурою”.

Разве не чудо, если из семи прохожих один все-таки вспомнил о Культуре. Не только вспомнил, но и не постыдился сказать такое для некоторых неудобное слово. Может быть, одним этим словом прохожий навлек на себя гонение?

Но все же чудесно, если даже среди сутолоки перекрестка произнеслось это священное, вдохновляющее, ведущее ввысь понятие.

Мой друг думал, что на сотню прохожих не более одного вспомнит о той основе, которая создавала все расцветы, все радости, все благосостояние, все мужество и все подвиги.

Если бы давалась эта панацея без труда, не на краю пропасти, не у креста, не у чаши яда — она и не была бы тем драгоценным камнем, основой жизни. Если благословенны трудности, то, прежде всего, благословенны они во имя Культуры,

воплотившей и Свет, и Служение, и неуклонность подвига, и красоту, и познание.

Если препятствия хранят в себе потенциал возможностей, то именно трудности во имя Культуры расцветают серебряным Лотосом. Лишь бы не обронить Камень и не расплескать Чашу. Беспредельность не имеет конца. Не отвлеченность, но жизнь. Сейчас несчастий больше, чем удач, ибо человечество отступилось от культуры. Человечество перевело насущность культуры в роскошь. Никто не признает, что сейчас нормальное время. Даже разбойные ракетеры, и те понимают аномальность условий и ухищряют свои грабительские уловки, чтобы использовать час затмения. Но ведь молодых сердец, откликающихся на все светлое, немало. Только нужно осознать, насколько спешно необходимо обратиться ко всему культурному, облагораживающему вкус и все стремления жизни. “Хотя и не часты сознательные борцы за культуру, но тем больше признательности и чести им, хранящим истинные сокровища человечества. Они, как антенны, звучат по миру и воспринимают и шлют зовы благородства, утонченности и созидательства”.

“Вспоминаю, когда в Монголии экспедиция чудесным образом вышла из опаснейшего положения, то седой бурят, торжественно подняв руку, закричал: “Свет побеждает тьму”. Это уже не отвлеченность, не мечтание, но прозорливый житель пустыни понял реальность Великого Света и понял, что в конце концов тьма осуждена на поражение. И так идущие со Светом все-таки победят, но колеблющиеся могут быть втянуты в бездну тьмы”.

Неужели же столько глухих?

Часто кажется, точно бы пути культуры и условия обихода разошлись. Но если разошлись рычаги одной и той же машины, то, естественно, нельзя же ожидать полного хода, — нельзя же избавиться от губительных перебоев.

Даже детский разум понимает, что просвещение, образование, культура составляет огонь, топливо двигателя.

Троглодит вопит: “К черту культуру, деньга на стол”. Но на то и троглодит, на то его место в пещере, но не в трапезной Культуры.

Троглодит даже среди разорения находит золото, чтобы купить себе кровавое зрелище боя быков, петушиного боя, зрелище разбития скал, вывихов рук, похоти, конской гоньбы. Для этих развлечений деньги найдутся. Даже найдется лицемерное оправдание в бормотании о физическом здоровье. Но как только подойдем к вопросам облагораживания вкуса, творчества, к восхождениям духа, тут и уши и глаза закрываются. И вы понимаете, откуда произошла старая французская поговорка: “Особенно глух, кто не хочет слышать”. Знал таких глухих и везузинский поэт, восклицавший “глухим поем”.

В то же время проскальзывают сведения о новой пуле, пробивающей любую броню, о новых наспинных щитах для подползаний, о новых, особенно смертельных газах и о прочих “человеколюбивых” приспособлениях.

На тех же страницах раздаются голоса возмущения против всего братоубийственного. Но троглодит хохочет, ибо ему удалось разъединить провода двигателя. Мрачные Альберих и Миме думают, что пришло их царство, когда все связанное со светом будет посрамлено, а сатана, даже не трудясь возводить на гору, получит все им желаемое.

Появление троглодитов страшно. Оно не преувеличено. Объявления бальных платьев, празднества, и обеды, и призывы скачек не покрывают несчастий. В каждой газете пестреют сведения о сокращениях и прекращении культурных мероприятий.

Троглодиты торжествуют этим, думая, что их доктрина брюха и похоти наконец восторжествует поверх прочих условий. Складываются особые интернационалы света и тьмы. Никакие призовые фанфары не заглушат Армагеддона.

Но разве не последний час, именно теперь, объединиться всем, для кого культура не звук пустой? Разве не последний час, чтобы остановить пресечение ценного, творческого, молодого?

Если речь пойдет о желудке, похоти, спекуляции, то, пожалуй, еще вас признают искренним, но всякая попытка обратиться к красоте, знанию, смыслу жизни будет сопровождена недоверием, подозрением в неискренности. Вы скажете, что пословица “человек человеку волк” тоже не от вчерашнего дня, и луна и солнце все те же.

Правда, другой поэт давно сказал: “Равнодушная природа красою вечною сиять” и “К добру и злу постыдно равнодушны”. Но ведь это строки о равнодушии относились к людям, знавшим, казалось бы, гораздо меньше людей нашего времени.

Сейчас даже и природа не совсем-то равнодушна. Даже в далеких горах толкуют о необычных землетрясениях, извержениях, о солнечных пятнах. А институт, учреждаемый в Ницце, почти астрологическим языком толкует о воздействии на людей солнечных пятен, если верить последнему сообщению “Матэн”.

Но не от солнечных пятен современное гонение на культуру. И пятна на людской совести за безответственность вовсе не от солнца. От тьмы, от невежества эти пятна безответственности.

“Невежество — величайшее преступление” — так сказано в древнейших заветах. Тот, кто решается сказать: “К черту культуру”, — есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть сеятель мрака, он есть самоубийца.

“Глухим поем”, — скорбно ужасается поэт Италии. Но поэт “Бэды Проповедника” отвечает космической бодростью:

“Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он, от края до края
“Аминь” ему грянули камни в ответ”.

*Гималаи.
1 июля 1932.*

V

“RIGOR MORTIS”

ОКОСТЕНЕНИЕ

Окостенение трупа вызывало много соображений. Старые розенкрейцеры очень метко говорят об этом странном с материалистической точки явлении. Отмечается, как постепенно совершается плачевный процесс окостенения не только физически при смерти, но хуже того и при жизни, поражая мыслительные органы.

Бездушные люди формируются здесь, на глазах наших. Не как отвлеченный символ, но как психофизическую инволюцию надо признать этот процесс инволюции. Много дано людям, и тем шире амплитуда шатания. Но ведь существуют такие клейкие области, за которые маятник духа надолго, если не навсегда, зацепляется.

Много, много нужно усилий, чтобы из этого мыслительного окостенения снова выйти к широкому, сознательному мыследействию.

Известный британский инженер-изобретатель оповещает в прессе, что человечество морально не готово принять все последние изобретения и открытия. Это утверждение западного ученого своевременно и характерно. Оно совпадает с учениями Востока как древними, так и новейшими.

Помимо ежедневных газетных сообщений о всевозможных антикультурных ужасах, на печатных столбцах можно находить своеобразные указания, в спокойном тоне, точно бы они могут соответствовать двадцатому веку нашей эры и неисчислимому веку от начала планетной жизни.

Сообщается о попытках каких-то организаций возобновить черную магию на

Брокене. И девушка-красавица, и козел, и прочие атрибуты черного шабаша были приготовлены.

В Финляндии открыта целая темная организация некромантов. Осквернение трупов, какие-то действия на кладбищах и полное служение черному ворона было обнаружено.

На Бенгальском заливе упоминается человеческое жертвоприношение. Газеты сообщают как о факте, о действительности.

Те же газеты повествуют, как нарядная толпа в Америке пришла и даже издали приехала, чтобы полюбоваться на сожжение негра.

Указывается, что недавно толпа в Берлине окрашивала знамена в крови казненных, убитых. Это было не в средние века, но теперь.

В Париже какие-то индивидуумы пытались обмакнуть платки в кровь убитого.

В Испании приносят большие деньги бандерильи, окровавленные в бое быков.

Еще вырывают сердце врага и приносят кровавые жертвы в нашем двадцатом веке! Действительно, не готово человечество принять последние открытия. С одной стороны чуть ли не всесильная атомическая энергия, а с другой черная месса, культ сатаны, бафомет и кровавые терафимы.

Расчленилось сознание человеческое. В общем разложении мира верхи и низы настолько разошлись, что поступательное движение делается труднообразимым.

Старинный ежемесячник помещает сообщение:

“Мы рады узнать, что недавно образовано Общество с целью покровительства и помощи всем жертвам черной магии. Если кто-нибудь где-либо страдает от “окультуривного преследования”, он может сообщить редактору, и все возможное для помощи пострадавшему будет сделано”.

Сознаемся, что такие сообщения редко приходится читать. Что-то должно было случиться, чтобы в жизнь могла войти такая действительность.

После кровавых гекатомб неслыханной войны сотряслись все основы. Вместожданного благосостояния во всех странах лопнули финансы. Страны отреклись от обязательств, засвидетельствованных и торжественно объявленных. Появились миллиардные гибели бюджетов; образовались многомиллионные армии безработных. Произошли прежде немыслимые по размеру крахи банков. Мир был потрясен великими неожиданностями вроде Крейгера и Инсула.

Так вдруг, как неумолимая карма за массовые убийства, создается расхождение жизни, разрыв мира. Резко по линии культуры раскололся мир. Сколько же сознательного, созидательного добра должно быть пролито, чтобы обмыть всю запекшуюся кровь?! А тут целые организации выезжают на Брокен для действия шабаша. “Таймс” помещает снимок козла и девицы, как будто это водевиль.

В то же время под предлогом кризиса сокращаются всевозможные культурные учреждения. Слуги тьмы вопят: “К черту культуру!”. Ведь не выдуманно все это. Было бы великим счастьем признать, что этих гибельных угроз и действий не было.

И слабеют работники Культуры, видя, что их лучшие задачи засыпаны золою тьмы. И тщетно ищут, куда обратиться, где собраться?

А в то же время кто-то едет на Брокен, кто-то мечтает выпить чашу крови... Не в “окультуривных” романах, где можно надеяться на выдумку, но в жизни, среди крахмальных воротников эти ужасы.

Шутовство, балаган, осмеяние, поругание идет к пределам возможного. Те, кто говорят, что зло равносильно добру, не должны забывать, что зло должно быть сводимо и осознаваемо как несовершенство. За добром всегда остается первоначало творчества. Но сейчас вместо начала непобедимо ведущего, поистине руководящего, добро отступает на оборонительные позиции и тем теряет первозвоние.

Из постыдной плотской самозащиты люди избегают приближаться к Истине. Хотя бы ценою душевного позора не потерять свое условное положение! Можно слышать убийственный шепот: “Лучше заостенеем, лучше *rigor mortis*, нежели

дерзнем ополчиться на невежество”.

Пока безответственные сознания успокаивают себя и сдаются во тьму окостенения, всякое разложение не дремлет. Оно понимает, что ему, по людской трусости, представлена значительная возможность. И действительно, инициатива тьмы и в великом и в малом становится очевидной.

При этом тьма пользуется своей обычной тактикой: она влезает и ползет незаметно. Под различными личинами вторгаются служители тьмы; хихикают самодовольно лишь уже ворвавшись в крепости.

Книга “Мир Огненный” отмечает эти опасные нападения крошечными действиями.

“Бездушные существа всем известны. Это не символ, но химическая действительность. Могут спросить — воплощаются ли они в этом плачевном состоянии? Вопрос покажет незнание основ. Никто не может воплотиться без запаса огненной энергии. Без светоча Агни никто не войдет в плотный мир. Расточение Агни происходит здесь, среди всех чудес Природы. Совсем не требуется при расточении Агни совершать какие-то зверские преступления. Мы достаточно из разных Учений знаем о преуспеваниях даже разбойников. Обычно расточение Агни совершается в буднях и в сумерках духа. Крошечными действиями останавливается нарастание Агни. Нужно понять, что благодать Агни естественно нарастает. Но когда тьма покрывает усовершенствование, тогда Огонь незаметно, но химически доказано, уходит из негодного вместилища. Прекрасен закон, дающий каждому воплощенному иметь в себе вечный Агни, как Свет во тьме. Прекрасен закон, даже вопреки Карме наделяющий каждого путника Светом. Прекрасен закон, не препятствующий уже от семи лет возрастить сад огненный. Пусть эти первые цветы будут не велики. Пусть они расцветают на крошечных помыслах, но это будет верный зачаток будущего мышления. Какое множество прекрасных помыслов зарождаются в семилетнем сердце, когда смутные образы Тонкого Мира еще не покинули мозг и сердце! Так же может начаться и расточение, если почва растения оказалась гнилой. При таком бедствии можно много помочь или, как давно сказано, одолжить Огонь. Это одолжение происходит тоже на самых крошках. Итак, уже трижды напоминаю о крошках. Из этих искр растут огромные Огни.

Не думайте, что бездушные люди какие-то чудовища. Они в разных областях достигают даже механических преимуществ, но Огонь покинул их и затемнились дела их.

Конечно, каждый волен в судьбе своей и даже в конечном разложении. Но существа бездушные очень заразительны и вредны”.

После уловления крошечными сетями, поднимаются “цивилизованные дикари”, как самое опасное для культуры явление. А затем, чтобы чистить дом от этих неутомимых в подлости и пошлости врагов, придется применять и тратить самые драгоценные энергии. Иначе подкрадется то самое окостенение, которое будет ужасною смертью всех благих накоплений.

Крошки подлости могут забраться в самые малые щели. Значит, как же непроницаема должна быть броня духа!

Служители тьмы умеют объяснить каждое свое действие, даже поездку на Брокен и некромантию они обставляют псевдонаучными соображениями. Сперва псевдоцивилизация, затем псевдонаука, псевдодружелюбие, псевдодостоинство, а там уже во всем безобразии окостенения псевдочеловек.

Все это не так далеко от действительности. Знамена мрака и подлости новые веют не только в “окультистских действиях”. Ими расцвечены многие пиршества, балаганы, базары.

Иногда люди еще взывают о мире всего мира, о соединении всех церквей, о добротолубии, о великодушии. Но какой такой мир мыслим для улыбки черепа, если умолкнет сердце и угаснут огни! И не наденет ли псевдодобротолубие наряд палача!

Защити от окостенения! Убереги от всех крошек тьмы, домашних, заразных, мохнатых!

Свет побеждает тьму!

*Гималаи.
24 ноября 1932.*

IV

ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ

I

ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ

Давно сказано, что душа народов звучит не только в самих словах, но именно в звуках. Это и есть то подлинное звучание, которое выражает сущность, ибо каждый звук есть и цвет, есть и вся эссенция Бытия. Сравнительная фонетика наречий даст прекрасное зеркало души народов. Конечно, очень часто первоначальное звучание изломалось в вековых перестановках. Недаром говорится, что каждый язык меняется трижды в столетие, но если бы мы услышали язык в его чистоте, в произношении людей, прирожденных в этом наречии, то несомненно, что истинное звучание языка объяснило бы нам многое и в самом характере целой нации.

Упомянув нацию, мы должны безбоязненно определить, что есть национализм. Если это какое-то понятие, связанное с человеконенавистничеством, то оно будет попросту вредно и должно подлежать уничтожению, как и всякая ненависть, злоба, самость и невежество. Но в понятии национализма есть такие ценные основы, что, поняв его в чистейшем звучании народов, в их высшем проявлении, мы увидим еще один фактор прогресса.

Никто не будет возражать против индивидуальности, как выражения неповторенного ценнейшего комплекса чувств и творческих способностей. Если же существует всеми ограждаемая индивидуальность личности, то и в каждом коллективе, будет ли это коллектив семьи, государства, народа, отображается своя индивидуальность — значит, и это качество должно быть охраняемо. Таким образом национализм вместо чего-то обедневшего в своей самости делается лишь необходимым новым созвучием в хоре всех народов земных.

Пусть не только личная душа, но и великий коллектив души народной выражает свое лучшее, свое самое ценное, возвышенное и прекрасное. Если это выражение будет действительно прекрасным и возвышенным, то и всякие недопустимые в своей ограниченности понятия, вроде шовинизма, не найдут себе места в этом очищенном мощном хоре истинного прогресса.

Национализму, обедневшему в условностях и предрассудках, последнее время противопоставляется интернационализм, но всякое противопоставление часто содержит в себе самом угрозу противоположной условности. То же случилось и с современным понятием интернационализма. В стремлении найти какие-то общие формулы, в поисках стирания условных границ, интернационализм сам обратился во что-то стертное, смутное, избегающее высоких характерных выражений. Один ярый интернационалист говорил, что мировое уравнение должно разрушить всякую личность, и если бы разница мозгов препятствовала такому заданию, то следует посредством какой-то операции уравнивать мозги, сравнивая их по какому-то среднему уровню. Такое абсурдное стирание мозгов было произнесено человеком с университетским образованием. Мы могли бы не обращать внимания на эту

формулу уничтожающей ярости, но мы видим, что во многих своих выражениях интернационализм, со всеми его новейшими суевериями, начинает клониться в сторону обезличения и стирания всего ценного.

Менее всего нам хочется критиковать. И то уже во взаимокритике люди дошли, попросту говоря, до клеветы, в таком размере, что идти дальше, пожалуй, уже некуда. Но, по счастью, во все трагические моменты человеческой истории выросло какое-то ценное и всеобъемлющее понятие, которое примиряло ужасы обезличения с самостью ожесточившейся личности.

Если сейчас так упорно во всех частях света на различнейших наречиях заговорили о Культуре, то в этом своеобразном СОС человечества заключается истинное спасение. Никогда нельзя было найти такого одновременного хорового повторения слова Культура, как сейчас. Перед нами лежит множество книг, и периодических изданий, и газетных статей, где именно это слово произносится во всевозможных спасительных и предостерегающих пониманиях.

Вот французский академик, рассуждая об истинном национализме, говорит о Культуре, полной человечности. И вы понимаете, что национализм этого выдающегося историка не есть шовинистическое ненавистничество, но именно лучшее выявление достойнейшей сущности народа. Никто из образованных людей не может не согласиться с тем видом национализма, который в формуле своей имеет культуру всечеловечности. Вот из другого конца света прекрасный философ и писатель обсуждает религию и культуру. И опять от совершенно других сердечных источников он приходит к тому же, а именно к оживлению религии культурой и жизненному возвращению человеческих возможностей и обязанностей. Вот из противоположного конца Индии, в Образовательном обозрении Мадраса ученый индус непосредственно подходит к теме наболевшей и дает интересную статью “Культура и национальность”. В прекрасных выражениях автор оформливает понятие культуры как нечто живое, возвышенное, вдохновляющее и украшающее. Не знаю этого автора, но в силу одного и того же закона Бытия мы начинаем говорить с ним на одном и том же языке, звучащем к постоянному обновлению и улучшению жизни человеческой.

И в других странах в самых разных комбинациях произносится слово Культура. Но везде как нечто неотложное, как истинное прибежище человечества. Вероятно, поборник культуры индус живет в своем национальном наряде; вероятно, поэт китаец, думающий о культуре, не лишает себя китайских традиций. Сын Кавказа мыслит в благородной красе своих великих вершин. Ученый Франции остается во всех тех прекраснейших исторических традициях, в которых многие поколения сложили Культуру очень человеческую. И последователи Шекспира, и Данте, и Гете, и Сервантеса понимают свой романтизм в своих доспехах, и новоизбранный Президент Соединенных Штатов Рузвельт знает сложный комплекс американского прогрессивного национализма.

Именно в понятии Культуры как живой каждодневности, зовущей к преуспеянию, все мы сходимся и радуемся каждому национальному проявлению. Именно укрепленные широкими понятиями культуры, мы обоюдно оберегаем ценности гения человечества. Та же культура поможет нам не только оберегать их как музейное достояние прошлого, но одухотворить эти сокровища как вехи светлого будущего. И национализм, и Культура, и даже стертый интернационализм, — решительно все человеческие понятия указывают нам, что нельзя дальше идти по стезе человеконенавистничества. Газета каждого дня, в бездонном угоре, бросает нам обвинения в бесчеловечности и невежественности. Несмотря на всякие условные и часто мертворожденные договоры, человечество доходит до какой-то страшной изысканности в преступлениях ненависти. Как бы мы хотели, чтобы сказанное было преувеличением. Но оно не только не преувеличено, но недосказано по бедности выражений.

Все человечество сошло и на другом крике: оно вопит о кризисе, и старается

под порогом дома спрятать в чулке хотя бы кусочки золота. Но в то же время люди отлично понимают, что эти золотые обломки не надолго могут сохранить их хлеб насущный. Если человечество закроет и минирует все пороги домов, то, может быть, лишь завтра оно не пойдет на рынок и, может быть, неделю согласится пробыть без взаимознакомления. Цивилизация предъявит свои требования. Но она в своей механической условности никогда не поймет, что такое есть истинный национализм, что есть характерное звучание народа, полное творческих возможностей. Как следующая за цивилизацией ступень приходит стремление и тоска по Культуре. Ценности национализма нужно синтезировать, для сокровищ творчества нужна опора и понимание.

И вот зазвучали народы о культуре. Каждый по-своему начал сопоставлять это благословенное понятие со всевозможными общественными заданиями. Все ожесточенное и утесненное начинает вспоминать, что ведь не для взаимоуничтожения сошлись мы здесь. Каждый народ хочет развиваться и преуспевать в настоящем самоусовершенствовании — иначе говоря, делать то, для чего мы и существуем на земле. И невежественное понятие самости претворится в подвиг достижения, если будут осознаны живые понятия истинного национализма и действительной культуры, как основ, неразрывно между собою связанных.

После мирового бедствия прошлой войны оказалось, что за целое десятилетие ровно ничего не улучшилось в быте человеческом, но, наоборот, все побледнело, обеднело и еще более ожесточилось. Как реакция войны, люди бросились искать единение в Лиге Наций, начатой с самыми благими намерениями, но оказалось, что единения не только не хватило даже до половины мира, но Лига часто является источником всевозможных новых недоразумений. Неоднократно все слышали, как именно в Лиге Наций ссорились державы, географически и духовно ничего между собою общего не имеющие.

После нарастающего разочарования в Лиге Наций начались обособления тарифные, паспортные и всякие прочие. Мыслители и вожди отлично понимают, что на абсолютном обособлении тоже далеко не уйдешь. И в то же время они страшатся быстро стершихся монет интернационализма. Но рядом стоит чучело национализма, увешанное всякими первобытными орудиями обихода. Но ведь это чучело не есть душа народа, это не есть истинное звучание всех ценнейших созвучий. Истинные сокровища опять безбоязненно должны быть открыты. Только настоящее проявление души народной, не связанное никакими невежественными предрассудками, покажет высоты творчества. В творчестве этом народы будут стремиться к мирному самоусовершенствованию, иначе говоря, они обратятся к воссозданию Культуры своей. Этот прекрасный хор культур народных, всех прекрасноразноцветных проявлений национализма даст то творчество, ответит на запросы сердца человечества.

Когда сердце человеческое жалеет и сострадает, никто не заботится, будет ли это выражением интернационализма или национализма. Если же сердце может сострадать лучше в одеянии страны своей — пусть оно и облечется в лучшие ткани, лишь бы оно не забыло, что есть сострадание и что есть любовь.

Когда мы говорим о задачах культуры, пусть это будет не аптека с ярлыками химических препаратов. Пусть это будет то взаимопонимание, то сострадание, которые могут взаимно помочь выйти из теснин губительного кризиса. Кризис, как материальный, так и духовный, обратился в свирепую эпидемию.

Люди закричали в ужасе: нельзя, невозможно! Но о том, что именно можно и что именно должно, они оставили помышление. Пусть же помышление о культуре, о народностях всего мира, о душе народа явится тем живым стимулом, который поможет выйти из пределов грозного кризиса и вновь приступить к самоусовершенствованию, со всем терпением, состраданием и любовью к ближним.

Пусть зазвучат народы!

*1 января 1933.
Гималаи.*

II

ДУША НАРОДОВ

В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение, но умудренный опытом ясно различает и законный ритм и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене смятения народов? Также было бы недальновидно не различить гигантских волн эволюции. Было бы несправедливо не заметить внутренней законности и трогательных проявлений души народной. В этих проявлениях отражается высшая непреложная справедливость. Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная.

Герои, во время их строительного подвига, и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самыми героями, память о которых не только живет, но и возносится и углубляется в пронизательности народной. Иногда может казаться, что имя героя, выразителя народной души, затемнено и точно отложено в какие-то дальние хранилища; но не от беззаботности это. Океанская волна тоже имеет свой ритм, и, рассыпавшись великолепным гребнем, она как бы исчезает только для того, чтобы опять набухнуть и кристаллизироваться в новом великолепии.

Америка готовится почтить память Вашингтона. В приготовлениях этих сказывается уже нерв всей страны. Это не просто деятель, которому благодарны современные поколения. Нет, это герой, которого осознала душа народная. Это герой, выражавший смысл строительства Америки. Это герой, давший без блужданий и уклонений то, о чем внутренне мечтало каждое созидательное сердце. Потому приготовление к чествованию памяти Вашингтона сразу примет характер не только национального праздника, но народного торжества.

Когда вы произносите имя Вашингтона и Линкольна, вы произносите сущность Соединенных Штатов Америки. И никто не знает это более твердо, нежели душа народная. Одухотворенное сердце народа отлично знает, где был творящий самоотверженный подвиг. И не в истерической хвале, но в почитании и трепетном, бережливом отношении к именам этих подвижников народ выражает свою непреложную оценку. В суматохе жизни, может быть, опять временно не будут упоминаемы эти великие имена, но как только душа народная почувствует необходимость пищи духовной, она опять неуклонно возвратится к тем, кто вел ее к блестящим строительным достижениям.

Так каждая страна, у сердца своего, бережет имена, ведшие ее к Свету. Обратимся ли к Франции, мы в самую трогательную минуту встретимся с героическим обликом Жанны д'Арк. Без различия направлений и возрастов, в минуту необходимости народ знает, кто был его выразителем. Так же твердо, как несла Жанна д'Арк подвиг свой, так же неизменно народ бережет ее имя, и в чествовании памяти ее выражается все большая сознательность и почитание. Притом почитание это вовсе не только клерикально. Даже неопытный глаз видит в облике Святой Деятельницы носительницу, выразительницу священного сознания народа. И какая благодетельная героическая мечта снизошла на пастушку овец, подсказав ей о пастырстве над народом целой прекрасной страны!

Пройдем ли мы Италию, из-за высот и твердынь духовных и гражданских властителей Мира, из-за всех великолепных Медичи подымается все тот же несмыываемый, вечно живой и растущий Облик Святого Франциска Ассизского. И

никакой народ, никакая толпа не будет разрушать память его, ибо он был выразителем сущности страны. Мятущийся, ищущий дух Италии претворился в Святом Франциске в прекрасном Апофеозе. Что бы ни случилось, куда бы ни повернула народная тропа, дух Святого Франциска останется живым. Сердце народное в самой удаленной хижине, в самых трудах улыбнется, сознавая, что сам Святой Франциск предстательствует о нем на судьбище всемирном.

Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной. Опять далеко за пределами церковного подвига, строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен — сокровище души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности.

Среди множества славных имен Египта народ не забывает память славной Хатшепсут, обновительницы традиций, насадительницы просвещения и созидательницы. Среди тысячелетних сменявшихся династий народ умеет взять неоспоримое по достоинству имя и когда нужно обратиться к нему, как к реликвии всеобновляющей и укрепляющей.

Не смешает со множеством славных имен народ Индии имя Акбара, собирателя, творца счастливой народной жизни. Народ не забывает и не припишет никаким умаляющим побуждениям широкие мысли великого объединителя Индии. В храмах индусских имеются изображения Акбара, несмотря на то, что он был мусульманин. Вокруг головы императора изображается сияние, что вовсе не всегда является отличием просто властителя. Для Индии Акбар является не просто властителем, но сознание народное отлично понимает, что он был выразителем души народной. Так же как и многие, священные в памяти, имена, он собирал и сражался вовсе не для личной ненасытности, но творя новую страницу великой истории.

Вспомним ли мы о дальнем Тибете, строение государства свяжется с именем великого Далай-ламы Пятого. Где бы ни блуждало сознание тибетское, в существе своем оно хранит это имя создателя Поталы и тибетской государственности, хранит его как истинный оплот сердца своего. Целый ряд был далай-лам, но народ бережет имя строителя, собирателя, созидателя. В этом сказывается неуклонный суд народной души.

За пределами целого ряда китайских императоров, разве не судим мы Китай по Лао-цзы и Конфуцию?

Ведь не по торговле греческой воссоздаем мы достоинство матери классических стран, но по Аристотелю, Пифагору, Платону, по Фидию, по Сократу.

Что бы ни случилось с Германией, она твердо знает великих своих выразителей: Гете, Шиллера, Дюрера, Вагнера и тех, кому не изменит душа народная, что бы ни случилось.

И не должны ли мы судить Англию по Шекспиру? И не можем ли мы утверждать значение Скандинавии по устремленности викингов? И среди великих искателей, созидателей не забудем, что душа монгольская всегда бережет у сердца своего образ Чингиза. Не говорит ли этим Монголия, так хранящая облик героя, о своем потенциале к восхождению.

И разве великое имя царя Соломона не является символом целой огромнейшей психологии? И разве сердце каждого еврея не бережет в лучшем тайнике своем это несокрушимое, созидательное, громоносное имя? Уже не говоря о тех Великих Именах Высших Носителей Света, вышедших из сокровенной, священной колыбели

Азии.

Ясно, что можно нескончаемо приводить неоспоримые примеры из стран и великих и малых о безошибочном суде души народной. В этих воспоминаниях составит блестящий ряд выразителей стран, выразителей эпох и духа человеческого. Разнообразны будут эти выразители и по времени и по положению своему, по окружавшим их обстоятельствам, но какая-то неоспоримая планетарная ценность выявляется при отборе этих строительных прекрасных имен-понятий. Эти имена, они уже вышли за пределы личности, они уже стали синтетическими мировыми понятиями. Их вовсе не мало, и хранилище планеты, сокровищница творящего подвига, поистине прекрасна. Всеобъемлемостью своею, широтою своею выразители стран, народов, как белоснежные вершины Гималайские, в лучах света посылают друг другу привет, ничем не заслоненный. В дни празднеств Культуры все эти выразители лучших народных стремлений, запечатлевшие их и трудом и подвигом, претерпевшие и не уклонившиеся, будут тем истинным украшением планеты и прибежищем сердца народного, когда оно и болит и тоскует по правде. Не они ли, эти выразители народов, помогут претворить тоску и боль поисков в праздник подвига?

На празднике Культуры, среди чертога Знания и Красоты, среди длинных столов трапезы духовной, увидим мы стол светлый, светом осиянный. Откуда же сверкание это? Где же светлые гости престола сего? Может быть, уже снизошли они. Быть может, глаз наш, затемненный, не разглядит их, не вынеся сияния Света нездешнего. Но не будет сиять даже лучший престол, если пуст он. Если сияет, значит, Они уже там. Не разглядеть, не сопоставить Их, но можно осознать Их в сердце, ибо что не вместит оно, сердце человеческое? Светом сердца сияют светлые гости Культуры.

1932.

III

ПЕЧАТЬ ВЕКА

Каждому, изучавшему историю человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которою отмечалась жизнь человеческая на самых удаленных материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмем ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода как в Европе, так и в Египте, и в Америках, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путем, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех ее особенностях. Перейдем ли мы к бронзовому веку, мы найдем те же объединительные формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим — меч бронзового века, и часто даже не произносим никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается, как нечто второстепенное. Если мы пойдем по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы все-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика, ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдаленных землях. Возрождение, ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику как в русских иконах, так и в итальянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Лишь бы не инволюция, как противоположность эволюции. Лишь бы мейстерзингер и цеховой мастер, даже темного средневековья, не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стертими формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя

свое, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшей печатью. А что если печать века, этот почетный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы не произошел тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось все характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта.

Нам скажут: “Не будет ли сомнительно предрешать какие-либо печати века нашего? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее”. Ответим на это: “Конечно, было бы несовместимым сомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо не может не обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению”.

Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной грации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманном применением формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла кисть и твердо следовал резец за творческой мыслью, полной желанием сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также не случайно, но в силу твердой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своем сжигала мелкие искры зла, которые как скользкие насекомые вторгаются в обиход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые, даже при всех прочих своих несовершенствах, сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что дает им почетное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить и о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остается почетным признаком устремления духа.

Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандартизации в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потребностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примириться со всеми безличными формами обихода, делаемого лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти вещи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадется и наши металлические сплавы, гордость дешевизны, даже и покрытые корою разлагающихся наростов, все же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, чтобы создатели их в гордости своей хотели делать вековым назиданием. Вовсе нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своем, как была приложена крайняя мера добросовестности. “Книги есть реки премудрости”, “Художество изображения есть высшее художество”, “Книга есть дар высокого духа”, “Мастер изделия превыше рыцаря меча”. Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим “добрым изделием” и благородством устремления. Правда,

масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности. Куда же ушел этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется достаточным оправданием упомянуть о быстроте круговращения нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, где была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих массах. Они, как черная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею поразительностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготавливать доброкачественное масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготавливать их на десятки лет вперед, чтобы достижения химии действительно бы оправдывали прочность и устанавливали бы целесообразность применения необходимых составов. Но для этого прежде всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за все качество века. В этом не будет ни самомнения, ни гордости, но, наоборот, будет строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно как внешнем, так и внутреннем. Наряду с установлением Дня Культуры должен быть установлен и "час качества". И как значителен будет этот час для выработки истинной печати века, когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопровождает все их творческие устремления.

Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть как нельзя более осознано сотрудничество во имя Блага и познание великой мощи мысли творящей.

IV

"MUTATIS MUTANDIS"

История в своих древних периодах дает нам многочисленные примеры последствий игры в кости и в другие азартные игры. Даже очень значительные страницы истории полны указаний, как властители обращались в рабов, проиграв в кости не только жен и детей, но и все свое государство. Многие поэтические и драматические произведения основаны на этих пагубных увлечениях. Даже само славное поле Курукшетры в основе великой битвы имело проигрыш в кости.

Казалось бы, все условия жизни с тех пор изменились. В основу положены новые кодексы законов, предусмотревшие массу деяний и последствий. Но все-таки пресса приносит странные сведения о том, что ввиду конских скачек, связанных с крупною игрою, переносится на другой срок день рождения короля. Если историк с изумлением убеждается в гигантских размерах последствий игры в кости, то, когда-то, другой историк с тем же удивлением и осуждением отнесется к такому явному предпочтению принципу игры перед почтением главы государства. Та же история отмечает давнишнее благословение оружия для смертной борьбы во имя того же самого Бога. Еще недавно мы были свидетелями, как многочисленные страны заклинали одного и того же Бога помочь им уничтожить врага. Когда-то мы встречались с фактом, что главы государства возили с собой особого повара во избежание отравления и имели особое лицо для отвеживания яств. Не к тому же ли

самому приходится и теперь прибегать выдающимся представителям государственности.

Подобные сопоставления можно приводить нескончаемо. Все они вызовут одно и то же удивленное восклицание: “Но ведь это то же самое, происходило ли оно в глубокой древности или в несколько измененном виде и костюме происходит сейчас. Значит, мы никуда не ушли”. Может быть, даже в древности оно происходило более откровенно и более картинно, чем до известной степени искупалось внутреннее лицемерие и гнусность. К тому же в древние времена меньше было написано о лицемерии, и законы Ману, Хаммурапи и первых законодателей были много кратче, хотя во многих случаях в сжатости своей были много внушительнее.

С тех давних пор много государств успело возникнуть и вновь уйти в небытие, так много властителей переменилось, что рекордам истории не угнаться было за этими сменами, и только свидетельства художника, донесшего до нас на монете, медали или стеле новое имя, дало нам намек об исчезнувшем еще одном победителе. Но эти смены не могут поражать, когда перед нами колоссальные смены всей планетной поверхности. Когда помимо полуполюгендарной, но уже осознанной теперь Атлантиды, мы имеем целый список исчезнувших в сравнительно недавнее время совершенно исторических островов. Целая сказка превращений.

Остров Фалькон в Тихом океане был впервые замечен много лет тому назад и занесен на карту, но через несколько лет исчез под водой. Теперь, приблизительно год тому назад, он снова появился на поверхности.

В легендах о короле Артуре рассказывается об исчезнувшем острове Авалон.

Много рассказов сохранилось также о таинственном острове Св. Брендано.

К западу от Ирландии находился еще остров, о котором сохранилась только отметка на старинной венецианской карте и который одно время назывался остров Бразилия, а несколько позже был переименован в Терчейра. Он исчез незаметно под водой и о нем, кроме легенд, ничего не сохранилось.

Легенды о короле Артуре сохранили память еще об одном острове — “Львица”, — лежавшем где-то возле Корнуолла. На этом острове жил Тристан. Старинные английские хроники подробно описывают этот остров, его обитателей и его трагическую гибель.

Одни острова исчезают, другие пики поднимаются, кажущаяся нам незыблемая почва движется немного менее океанской волны в своей относительности. Казалось бы, к движению этому человечество за свою долгую жизнь должно было уже привыкнуть. Именно этот принцип относительности и движений должен был бы наконец обратить людское внимание и на свою собственную эволюцию. Еще просвещенный Марк Аврелий писал очень мудрое наставление: “Изучай движение светил как принимающий в них участие”. Но этот мудрый совет пока что остается совершенно без применения. Если бы человечество в мыслях своих могло бы вознестись до дальних Миров, то какая быстрая и блестящая эволюция была бы уже осилена.

Знаю, вы скажете о всех новейших открытиях, полагая их как венец эволюции. Вы скажете об одиночных блестящих теориях, которые иногда на досуге прочитываются. Наконец, вы скажете о приемах так называемой цивилизованной жизни, которые дают широким массам то, что когда-то принадлежало лишь властителям и верховным жрецам. Правда, наши города, отравляя человеческий организм и создавая искалеченное поколение, уже дают несколько возможностей пользоваться новыми открытиями. Но ведь мы говорим не о канализационной системе цивилизации. Мы говорим не об овощах в жестянках и не о жестяной музыке, мы говорим о том, что движет лучшие решения человечества.

Ведь мы только что пережили ужасную и нелегкую войну. Мы только что заметили, что за десятилетие следствия войны не только не изгладились, но

наоборот, они кристаллизовались и выросли в настоящее бездействие. Разрослись в такое почти непоправимое бедствие, что только неожиданные в существе своем меры Культуры могут помочь ему. Сколько раз на школьной и университетской скамье мы слышали старый “mutatis mutandis” — перемените то, что надлежит переменить. С тех пор множество совершенно варварских фактов как военного, так и мирного времени нахлынуло, человечество еще раз могло убедиться, как в то самое время, когда честнейшие элементы погибали на полях сражения и в мировых смятениях, подлое приспособление предательски набухало на чужой крови. Какая дьявольская изобретательность была выражена этими темными, чтобы изобрести тысячи мер к наживе, отлично зная, как губительно отзовется грабительство это на подрастающих поколениях. И теперь если вы произведете какой-то совершенно тайный опрос, кто за войну и кто против, то еще совершенно неизвестны будут результаты этого тайного голосования. Конечно, множество женщин подадут голос против войны; конечно, Культурные круги несомненно восстанут против этого бедствия, так же как многие рабочие массы. Но не будем думать, что часто черных записок будет мало. Как многообразно разветвляются корни подлости и какие грустные и забавные доводы будут приведены, чтобы опять вернуться к безответственному времени, когда все позволено и все можно объяснить лицемерным участием в общем деле. Жутко вспомнить о тех преступнейших поставках и гнилого, и вообще несуществовавшего материала. Ужасно для достоинства человеческого оглянуться на подложные документы, преступные отписки и приказы, вследствие которых погибали многие тысячи людей.

“Но ведь это прошло”, — скажете. С тех пор мы имели уже такое количество пактов, конференций и финансовых постановлений. Исполнялся план такой-то и такой-то, а в результате усилившееся разорение, разоружались и даже уничтожались ни в чем не повинные корабли, чтобы заменить их еще более вредоносными сооружениями. Даже в магазинах мы позаботились озонировать воздух, в то же время как научные лаборатории изощряются в изобретении новых удушливых газов. Не мирную ли премию мечтает получить по химии ученый, изобретший газ наиболее смертельный? Ведь кто-то и сейчас, в эту самую минуту, мечтает о таком достижении науки, чтобы сразу одной братоубийственной посылкой умертвить целые населенные местности. А, может быть, другой просвещенный ученый мечтает о “счастливым” отравлении всех вод, чтобы все живущее погибло. На это мне скажут — это не ученые выдумывают такие убийственные вещи, это техники, инженеры. Нет, милые, без ученых познаний такой убийственной мерзости не выдумаешь. И разве не был ученым открывший луч смерти, но по велению пространственной справедливости отправившимся в преисподнюю вместе с своим злым изобретением.

А ведь дело могло бы значительно упроститься, если бы ученые, подобно клятве медиков, поклялись не выпускать из лаборатории никакого вредоносного открытия, тем более что многие из этих ужасных газов и лучей, может быть, только одним ингредиентом, могут быть обращены на истинную пользу человечества. “Mutatis mutandis!” В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене. И прежде всего надо начать переменять то, что во вред, и то, что на пользу. Не прикидывайтесь дурачками, будто вы не знаете то, что есть на пользу. Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общности.

Заменяя в пользу то, что было во вред, то есть заменяя преступное разрушение созиданием, мы и сделаем то, что нужно для эволюции. Мы сделаем то, что нужно не для эволюции цивилизации, но для эволюции Культуры. Некто в безумии старался измыслить такое акционерное общество, которое бы предприняло на экваторе шахту самой бездонной глубины и, наполнив ее новейшими веществами

ужасающей взрывчатой мощи, неслыханным взрывом попыталось бы расколоть планету. План безумный. Но в радикальности своей он, пожалуй, заслуживает большего внимания, нежели изобретение новых смертоносных газов. А тайное покровительство наркотикам, разлагающим целые поколения, умертвляющим целые нации, славные в своем прошлом! Разве же этот бич человечества, куда больший, чем сифилис, рак и чахотка, разве он не должен быть изъят из жизни? И разве каждый из нас не может назвать множество проблем, заслуживающих немедленного изъятия из обихода?

Какие-то лучшие, какие-то просвещенные должны неотложно объединиться для воздействия на тьму невежества, извращение и предательство. Должны объединиться во всех странах эти лучшие, не во имя полицейских мер и вызывающих противодействие запретов, но во имя Света и просвещения, как такового. Очувствовав в сердце своем всю неотложность эволюции Культуры, эта светлая Лига Культуры должна сойтись, отбросив все мелкие условности, и должна действительно во Благо человечества переменить то, что надлежит изменению.

V

ЛЕГЕНДЫ

I

ЦАРЬ СОЛОМОН

(Из книги “Шамбала”)

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствия для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перстня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы — кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удодами, и эта птичка также связана легендой с царем Соломоном.

Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов, и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: “Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону”.

Царь улыбнулся и сказал: “Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!” Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю, и устало поникли под золотыми коронами их головки.

Они просили: “Царь, освободи нас от корон. Прав Ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота, — освободи нас, царь”.

Царь сказал: “Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бремени. Хорошо, будь по-вашему, будут сняты короны золотые — но пусть вы

носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короною того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему”. И так птица угод — самая оккультная птица, которая знает многие тайны, носит корону из перьев. Если угод провожает караван или лодку, люди говорят — это к доброму пути; птица царя Соломона знает что делает.

И другие животные служили царю. Мусульманин, пришедший в Кашмир с караваном через афганскую границу, знает, что Великому Соломону даже муравьи помогали строить храм. От великих джиннов, духов воздуха и огня, до муравьев — все служило строению.

В неустанной молитве царь Соломон безостановочно управлял силами природы для создания чудесного храма. Когда истощились силы царя и он знал, что приблизилось время отхода в другой мир, он оставил завет джиннам и без него закончить постройку. Но буйные стихийные духи дали ответ, что они повинуются лишь царю Соломону здесь, на земле, и без него они свободны от заклятия. И укрепился духом царь Соломон и, опершись на посох, он остался в храме, призывая все силы к работе. Тут же и отошел он, но тело его осталось неподвижным и непреклонным, чтобы не отлетели буйные джинны. И никто из живущих и никто из джиннов не знал, что ставший на молитву царь уже отошел. И страшились все подойти к неподвижному Владыке и напрягали все усилия довершить строение. И окончен храм, но Владыка недвижим. Кто же решился нарушить его устремление? Но самый меньший из сотрудников царя — муравей начал подтачивать царский посох, и когда было переточено дерево, пало тело царя и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм.

Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он ходит к народу и, подобно другим Владыкам Востока, изменив платье, мешается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет на хранение жене своей, царице Египта. Но хитер и искусен египетский жрец, прибывший с царицей. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы — он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царем Александром и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя и собирателя Индии.

“Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?”

Старый седобородый мусульманин в зеленой чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: “Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах. Мы даже надеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска”.

На горе Мориа сокровищница Соломона. Но не только во храмах мудрые Соломоновы знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения.

“И это пройдет!” Так ободрил мятущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей “Песнь песней”.

Радж-Раджесвари — Всемогущая Матерь. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Матерь, называют место на Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира и, окружаясь всеми вихрями и всем светом, станешь как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменных стенах впились снаряды недругов.

“В Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны и Ее великим именем посылались ядра в святилище древности. Португальскими снарядами раздроблены колонны Элефанты.

La Virgen de los Conquistadores!

В Севилье, в Альказаре, есть старая картина Алехо Фернандец, носящая это название. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галеонами и каравеллами, готовые к отплытию в далекие страны на чужие земли. Может быть, это те же корабли, которые будут громить святилище Элефанты, и кроткой улыбкой Всеблагая Дева провожает завоевателей, точно и она сама с ними восстала на разрушение чужих накоплений. Это уже не грозный Илья Пророк или мужественный Михаил, постоянные воины, но Сама Кроткая подвигнута в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства”.

Мой друг возмущается. Он говорит: “Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. Читайте в ней всю современную психологию. Посмотрите на это самомнение. Они собрались захватывать чужое достояние и приписывают Богоматери покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Гуаньинь закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия”.

Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на изображение как на истинный документ психологии каждой современности. Он напоминает, как в картинах Сурбарана или Холбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом верных, к Ней прибегающих. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдаётся. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых, человек понимает, что именно надо ему одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду и не меньшее пламя и не меньшие рога демонов изображались в аду на фресках Орканья во Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Грюневальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока. Любитель Востока ставил на вид так называемую Турфанскую Мадонну и предполагал в Ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера, бога счастья. Вспоминая об этих благих эволюциях и

добрых стремлениях, было указано на обычай, до сих пор существующий на Востоке. Ламы всходят на высокую гору и для спасения неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые вихрем. В этом действии есть благодать и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. В этих подвигах, в этих актах молитв “за неведомых, за несказанных и неписанных” имеется тот же великий принцип анонимности, того же познания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного имени, такое начало благодатного, безвестного даяния на Востоке проведено гораздо шире и глубже. При этом вспомнили, что художественные произведения Востока почти никогда не были подписаны, так как даяние сердца не нуждалось в сопроводительной записке.

На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны. Личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всемогущества и Всеведения, и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры. На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамиковых конях, которые кругами до сих пор стоят на полях Южной Индии и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы валькирии и даже современное выделение астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором — узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

Вспомнили Великого Кришну, благого пастуха, и невольно сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день — обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы.

Вспомнили тибетскую некромантию и сопоставили с черной мессой Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались совершенно одинаковыми ступенями различных степеней человеческого сознания. Собеседники изумленно переглянулись — где же этот Восток и где же этот Запад, который так принято противопоставлять.

Третий, молчаливый собеседник улыбнулся. А где же вообще граница Востока и Запада, и не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юг от Европы, в общепринятом представлении считаются уже Востоком. А лежащие от них на Восток Балканы и Греция оказываются Западом.

Припомнилось, как, гуляя на берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, наблюдая солнечный закат, мы спросили друг друга:

“Где мы, наконец, находимся, на крайнем Западе или на крайнем Востоке?”. Если Китай и Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майя и краснокожими племенами крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной “Востоками” с трех сторон?

Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своею, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили, что Аляска почти сливается с Сибирью и лик краснокожего в сравнении со многими монголоидами является поразительно схожим с ликом Азии.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками. Представитель Востока заговорил о Сторучице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Гуаньинь. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканом платье итальянской Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Дуччио и Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомогающей и Вседающей. Вспомнили, как метко вырабатывала народная психология иконографию символов и какие большие знания остались сейчас нечеткими под омертвелой чертою. Там, где ушло предубеждение и забылся рассудок, там появилась и улыбка.

Как-то облегченно заговорили о Матери Мира. Благодушно вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать богомольцам: “Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы куда следует”.

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста и каждый искал значение креста в свою пользу, но с тем же всеобъединяющим смыслом.

Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна и опять вспомнили об Иосафе и о Будде, но так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада вместо колючих противопоставлений перешли к строительному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию “материя матрикс”...

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препологой Дуккар, Иштар, Гуаньинь, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука — все эти благие образы, все эти жертвовательницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии вместо сужденного созидания дадут губительные взрывы.

В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами. Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания наметилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: “Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах — а ведь начали как будто о Матери Мира”. Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: “Современный индус, прошедший многие университеты,

обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

Если я прав, Мать, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть,
Если смерть бывает — Все есть Ты.
Если Ты все это, тогда и голод, и бедность, и богатство
Только преходящие знаки Твои.
Я не страдаю, я не восхищаюсь,
Потому что Ты — все, и я, конечно, Твой.
Если Ты все это показываешь смертным,
То проведи, Мать, меня через Твой свет
К Нему — к Великой Истине.
Великая Истина нам явлена только в Тебе.
И затем ввергни куда хочешь мое брненное тело.
Или окружи его золотом богатства.
Я это не буду чувствовать.
Ибо с Твоим светом я познаю сущее,
Ибо Ты есть Сущее — а я Твой.
Значит, я в Истине!”

Третий добавил: “В то же время на другом конце мира поют:
“Мать Света в песнях возвеличим!”

а старые библиотеки Китая и древне-среднеазиатских центров хранят с далеких времен гимны той же Матери Мира”.

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира и глубокозначительные обращения посвящены этому высокому Облику.

Великий Лик часто бывает закрытым, и под этими складками покрывала, сияющего квадратами совершенства, не кажется ли тот же Единый Лик общей всем Матери Сущего!

Мир миру!

III

ЛЕГЕНДА АЗИИ

Время от времени ко мне доходят нелепые слухи о том, что будто бы среди наших хождений по Азии мною открыт какой-то подлинный документ, чуть ли не от времен Христа. Не знаю, кому нужно и с какой целью выдумывать эту версию, но со своей стороны мне хотелось бы утвердить мою точку зрения на этот замечательный предмет, занявший умы не только христианского, но и мусульманского, и буддийского, и индусского миров.

Каждый, соприкасавшийся с различными народами Азии, действительно, в часы сердечности и доверия слышит многообразные, но всегда благостные сказания о великом Иссе, о Божественном, о Величайшем, о Пророке, о Лучшем из сынов человеческих — каждый по-своему, все о том же, близком сердцу его. Все знают, что существует обширная литература, связанная с именем Христа в Азии, как по несторианским, так и по мусульманским и индусским источникам. Много написано о Христе и о Кришне, много известно о так называемых христинях Св. Фомы. Длинные и прекрасны сказания и песни Кашмира и всего Туркестана о великом Иссе.

Мусульмане хотят иметь гробницу Христа в Шринагаре и мазар Богоматери около Кашгара. Опять-таки каждый по-своему и все о том же. Мусульмане нам говорили, что они всеми мерами ищут все списки сказаний о Христе, и готовы

заплатить за них любую цену. Не буду приводить все те многочисленные книги, часто написанные духовными лицами христианства, о “Христе в исламе”, все Аграфы, трактующие о Христе в Персии и Индии.

Действительно, и на юге Индии вы можете слышать замечательные слова индуса о Христе. И Вивекананда в Бенгалии находит в себе незабываемую этому характеристику; и Шри Васвани в Синде говорит слушателям своим о заветах Иисуса. Тибетский лама, вместе со священными своими книгами, полагает в субургане заветы Христа, и сартский бакша тоже славословит по пустыням; и князь карашарский удивляет вас знанием многих летучих сказаний.

Среди многообразной литературы, статьи сэра Лалубай Самладас'а и пресловутая книга Нотовича, вероятно, составлены по разным сказаниям. Конечно, было бы гораздо ценнее, если бы отрывочные сказания были сохранены, хотя бы и несвязно, но в своем подлинном характере. Об этом очень хорошо замечает архимандрит, написавший к этой книге замечания свои.

В “Алтай — Гималаях”, говоря о Кашмире, вспоминалась арабская песнь: “Когда Христос возносился, славословили все узревшие”. И указывалась кашмирская песнь: “Славословят Христа в лучших словах. Превыше был Он солнца и луны”. И так на красном ковре восемь мусульман, никем не принуждаемые, славят Христа до полуночи.

Там же указывалось: “Заметны намеки о втором посещении Христом Египта. Спрашивают, почему Христос не мог быть и в Индии? Кто усумнится, что легенды о Христе существуют в Азии, тем покажет, что ему незнакомо огромное влияние несториан по всей Азии и какое множество апокрифических легенд они распространили от древнейших времен”. “Никогда не откроются источники легенд этих. Но если даже они произошли от несторианских апокрифов, то как поучительно видеть их живое распространение и глубокое к ним внимание. Знаменательно слушать, как местный индус повествует, как Христос проповедовал у небольшого водоема недалеко от базара, под большим, уже не существующим деревом. В этих чисто конкретных указаниях можно видеть сердечное отношение к предмету”.

Далее указывается, как славословит бакша турфанский, с бубном и ситарою, на гнедом коне: “Божественный Исса в хождении своем повстречал большую голову. На пути лежит мертвая голова великанская. И подумал Исса: от большого человека голова сия великая. И задумал Исса дело доброе, воскресить великую голову. И покрылась голова кожей. И наполнились очи. А и выросло тело и побежала кровь. И наполнилось сердце. И восстал богатырь великан, и поклонился он Иссе за воскресение для подвигов во спасение всего человечества”.

И в “Сердце Азии” упоминалось: “В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал на забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя”.

Спрашивается, какой же злонамеренный ум из этих замечаний выводит легенду о нахождении мною какого-то манускрипта времен Христа? Вместо того чтобы вместе с нами порадоваться широкому, всеобъемлющему проникновению великого понятия Христа-Искупителя, вместо того чтобы подивиться в сердце своем, какими незапамятными и необъятными путями облетело имя Христа все пустыни, кто-то хочет только затемнить что-то и умалить в каком-то злонамерении.

В последнем номере индусского журнала Шри Васвани “Заря” читаем: “Храм Шри Иссы, Пури, является значительным местом индусского паломничества. В Пури находится священный храм, к которому во множестве стекаются индусы. Недалеко от него катятся волны Бенгальского залива. Между храмом и морем прекрасный сад, расположенный в прекрасном месте и посвященный Христу. В центре сада небольшой “мандир”. В нем стоит Крест! И каждый вечер ачария мандира читает отрывки из Псалмов и Нового Завета; и в течение дня из соседних святилищ приходят садху и сидят и беседуют с членами этого ашрама, посвященного Шри Иссе”.

Опять не знаю, насколько точно формулирована действительность, но даже в намеке своем она содержит элементы благодати, которым можно порадоваться, если чье-то сердце не засохло и не раскалилось на угольях озлобления.

Почтительно встречать в самых неожиданных местах сердца Азии несторианские кладбища с крестом надгробий. Интересно видеть ханские монеты с изображением креста и знакомиться с обширной литературой о Пресвитере Иоанне. Во всяком случае, мы должны быть признательны даже выдумщикам об открытом мною манускрипте, ибо они клеветою своею опять дают возможность, хотя бы и обратным подходом своим, вызвать еще одно внимание к этим жемчужинам духа, живым в претворении веков.

Мне уже приходилось писать о том, что у каждого благожелательного сердца не найдется камня, чтобы бросить в певца мусульманина, по-своему поющего самые высокие слова о Христе, не найдется желанья остановить иноземную легенду, собирающую вокруг себя глубоко внимающих сердцем слушателей.

Наука не может содержать в себе ничего разрушительного. Ученые заботливо собирают все крохи предмета, которые когда-то, в чьих-то руках, откроют новые пути истории народов. Путь невежественного отрицания приводит лишь к разложению, а честное познание, прежде всего, строительно в существе своем и в благородстве духа своего не может заниматься никакими бессмысленными умалениями. Мы можем проверять, можем накапливать отрывочные искры народной памяти, которая в своей возвышающей легенде дает истинный, всеобъемлющий смысл, в свое время не оцененный.

Было бы непозволительно невежественною трусостью скрыть эти благодатные легенды, открывающие драгоценные тайники души народной и соединяющие то, что было разделено по скудоумию. С истинною радостью вспоминаю суждение по этому предмету некоторых римско-католических и греко-католических пастырей. Конечно, и светские ученые найдут в себе и справедливость, и добросовестность обратиться к предмету, не с уничтожающим желанием, а так же беспристрастно, справедливо и тепло, как согрела легенда Азии бесчисленные сердца народов.

Еще раз спасибо клеветникам, дающим мне возможность вновь произнести эти слова во Благо.

Гималаи. 1931.

IV

РИШИ

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне, тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышне духовны? Но ведь и ради одного праведника

Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Виас, здесь Виасакунд — место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их наслои́лся на скалах Гималайских.

“Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гуга Чохан, и Нар Синг — каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Маникарн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна озаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

“Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев?” — так поет индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслои́лось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как девидары совещались между собою. И слово-то какое милое, девидар — дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола девидаров. Девидар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий, и все-таки опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдики? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не рассказы, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Лакнау, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством “то-мо” саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Цанг один лама просил перевозчика переправить его через Цам-по без платы, но лукавый лодочник сказал ему: “Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес — порazi его!”. Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же “смертном глазе”, о “глазе Капи́лы”, приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена, и на снимке начальника полиции Пондишери, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого

Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землею, то ведь некто может собрать в себе все эти крупички познания. И так может преобороться препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликана!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах, Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: “Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни” (“Заря”. Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодхисатва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах, или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, незнанных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение незнанных путников или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во ночи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утушения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандола. Именно здесь пещеры Миларепа. И не одна, но многие, освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гаутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно — Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины, в красоте сияющие, сказав:

“Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недосыгаемости восхищаться их великолепием!”.

“Сатьям, Шивам, Сундарам!”

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет, и Китай, и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его поберечь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции — “Майтрейя”. С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это Знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего Знамя китайскими шелками. И Знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Было по лбу хотанского амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчи. Теперь оно в Гималайском Институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы Гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гессар-Хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идем в Лахуль. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С тою разницею, что там никакая почта, никакие сведения из здешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бесчисленными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и оконченными телами, полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное Гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахуль. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелой круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Кейлангом раскинулась мощная гора Колокола — “Духовного отдохновения”, со своею священной триглавою вершиною подобно норбу-ринпоче.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону Целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиур, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи и поэтическое описание местных святынь. Кругом все

насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепы, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбхава и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. “Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини”. Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов, — там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку Такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, неперенное наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Кейланге, столице Лахуля. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами, въезжали мы в Кейланг.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами, по знаку вазира области кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского Института, мы были встречены еще ламскими трубами, а дочь соседа Ану, в бирюзовом высоком кокошнике, поднесла священное молоко яка. Так Кейланг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию “Разбитие камня”. Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, еще не изданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал Института.

Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда, камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полушутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутливые элементы замолкли и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготвление. Кончились эти заклинания и приготвления тем, что один из лам лег на землю и двое других с усилием подняли приготвленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силою бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену, перед наложением камня, Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжести формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжести и действительные общежитийские материальные формы. Также не

забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие, священные бараны — символы света, и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к необъясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любованье с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора “духовного отдохновения”, тут и пик М., тут и манящие пути и на Ладак, и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их “чертовыми плясками”. “Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение”. — “А как же рога?” — “Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!” Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, манданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина “Меч Гессар-Хана”. Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гессар-Хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахуля в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою, высоко на скале древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбхавою. Древность седьмого, восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог, певец-сказитель саги о Гессар-Хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено: как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. “А знаете ли вы здесь, что в Каме есть палаты Гессар-Хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-Хана?” — “Не только в Каме, но и в Цанге воины Гессара сложили такой памятник”, — вставляет слово примолкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гессара

подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джамне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на Гималайских высотах.

Из Ташилунпо лама доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах Гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дхармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злобных действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга, Пратапа Чанда или, по-тибетски, Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчю. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги, и доски для печатания. Это не простой дом: такур — глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается сговор о постройке дома. Говорят: “Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место”.

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется еще место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что когда пришли воины Гессар-Хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахуля на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина “Менгиры в Гималаях” будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедициею в 1928 г., подобными менгирам Карнака.

Картина “Три меча” пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Кейланга, главного города Лахуля. Лахуль в испорченном произношении означает Южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

Ладак, Дардистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными, сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остготов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахуля и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной, бон-по), Льва, коней Гессар-Хана, религиозных надписей, чортонов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским бон-по и прочими культурами огня, еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) — горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений, от древних (сходных со

шведскими halristingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов, во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два, ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейланга (Лахуль) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхасы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построек, так расцветшие в формах “романского стиля”. Де ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах-строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени Гаты, что по его заключению означает Готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Лэ. Экспедиция Института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей Азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на эти сияния. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого Великого Гессар-Хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессар-Хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

Кейланг. 1931.

VI

МАЙТРЕЙЯ

На пальмовой коре острой иглою, по-сингалезски, пишет приветливый бикшу. Докучает ли он? Пишет ли просьбу? Нет, он, улыбаясь, шлет привет в далекую Заокеанию. Привет добрым, хорошим людям. И не ждет ответа. Просто добрая стрела в пространство.

В Канди, в древней столице Ланки-Цейлона, водят нас по старым знакам прошлого. Храм священного зуба, храм Паранирваны, чудесное хранилище священных книг в чеканных серебряных покрышках-переплетах. “А что же там, в маленьком запертом храме?” — “Там храм Майтрейи, Владыки будущего”. — “Можно войти?” Проводник, улыбаясь, отрицательно качает головой. “В этот храм никто, кроме главного священнослужителя, не входит”. Так не должно быть осквернено светлое будущее. Знаем, живо оно. Знаем, символ его Майтрейя, Меттейя, Майтри — любовь, сострадание. Над этим светлым знаком всепонимания, всевмещения строится великое будущее. Произносится оно самым священным

углублением. Не должно быть оно оскверняемо легкомыслием, любопытством, поверхностно и сомнением. В лучших выражениях говорят Вишну-Пураны и все другие Пураны, т. е. старинные заветы, о том светлом будущем, которому служит все человечество, каждый по-своему.

Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло и весь славный ряд имен, многообразно выражающих то же самое сокровенное и самое сердечное устремление человечества. Особенно восторженно говорят пророки о будущем. Перечтите все страницы Библии, где выражено самое светлое чаяние народа; перечтите заповедь Будды о Майтрейе; посмотрите, как светло говорят мусульмане о пророке будущего.

Как прекрасно говорит Индия о конце черного века, Кали-Юги, и блистательном начале белого века, Сатиа-Юги. Как величествен облик Калки Аватара на белом коне! И так же сердечно ожидают далекие ойроты Белого Бурхана. Наши староверы, подвижнически идущие искать Беловодье в Гималаях, делают этот трудный путь лишь во имя будущего. Во имя того же светлого будущего лама, прослезившись, рассказывает о сокровищах и мощи великого Ригден-Джапо, который уничтожит зло и восстановит справедливость. К будущему ведут победы Гессар-Хана. На каждый новый год китаец возжигает свечи и молится Владыке будущего. И оседлан белый конь в Исфагане для великого Пришествия. Если вы хотите прикоснуться к лучшим струнам человечества, заговорите с ним о будущем, о том, к чему, даже в самых удаленных пустынях, устремляется человеческое мышление. Какая-то особенная сердечность и торжественность наполняет эти устремления к преображению Мира.

В самые мрачные времена, среди тесноты недомыслия, особенно звучно раздавался ободряющий глас о великом Пришествии, о Новой Эре, о времени, когда человечество сумеет благоразумно и вдохновенно воспользоваться всеми сужденными возможностями. Каждый по-своему толкует этот Светлый Век, но в одном все одинаковы, а именно: каждый толкует его языком сердца. Это не безразличный эклектизм. Наоборот, как раз обратное, со всех сторон к одному. Ибо в каждом человеческом сердце, во всем царстве человеческом живет одно и то же стремление к Благу. И стремятся воссоединиться в сущности своей эти рассеянные ртутные шарики, если они не слишком отяжелелись маслом и не слишком замохнатились пылью. Какая очевидность в этом простейшем опыте внешнего загрязнения ртутных шариков. Еще можно заметить трепетание внутреннего вещества, но уже осквернена поверхность, и замаслена постороннею мерзостью, и отчуждена этим от вселенского сознания. Уже пресечен путь ко вселенскому телу всеобщения. Но если не успела загрязниться поверхность, с каким неудержимым устремлением сливаются разрозненные капли снова с первоисточником. И не найдете уже, не различите эту воспринятую целым частицу. Но живет она, вся она в Нем, в Великом. Всеединость обобщила ее и усилила до вселенского понятия. Все учения знают это вселенское тело под разными именами.

В самых неожиданных проявлениях встречаемся с объединительными знаками. В посмертных заметках старцев пустынь были иногда находимы неожиданные начертания о Гималаях. Эти записи, мандалы и другие неожиданные знаки вызывали недоумение и удивление. Но лама далекого горного монастыря, спрошенный об этом, улыбается и замечает: “Поверх всех разделений существует великое единение, доступное лишь немногим”. Итак, сливается мышление, казалось бы, самых удаленных человеческих индивидуальностей. В этих высших знаках стирается самое отвратительное, что затемняет свет сердца, а именно отрицание и осуждение. Часто, в нашей современности, мы придумываем особые выражения для тех же старинных понятий. Глубокомысленно мы замечаем: “Он понимает психологию”, что, в сущности, значит, он не отрицает и не невежествует. Мы говорим: “Он практичен и знает жизнь”, что, в сущности, значит, он не осуждает и тем не препятствует себе. Мы говорим: “Он знает источники”, что будет значить, он

не умаляет, ибо знает, насколько вредно каждое умаление.

В “Воскресении во плоти” Н. О. Лосский замечает:

“Деятель, противопоставляющий свои стремления стремлениям всех других деятелей, находится в состоянии обособления от них, и обрекает себя на то, чтобы пользоваться только собственной творческой силой; поэтому он способен производить лишь самые упрощенные действия вроде отталкивания. Выход из этого обнищания жизни достигается путем эволюции, осуществляющей все более и более высокие ступени конкретного единения” (с. 66).

“Члены Царства Божия, не вступая ни к кому в отношении противоборства, не совершают никаких актов отталкивания в пространстве, следовательно, не имеют материального тела; их преображенное тело состоит только из световых, звуковых, тепловых и т. п. проявлений, которые не исключают друг друга, не обособлены эгоистически, но способны к взаимопроникновению. Достигнув конкретного единения, т. е. усвоив стремления друг друга и задания Божественной Премудрости, они соборно творят Царство совершенной Красоты и всяческого Добра, и даже тела свои создают так, что они, будучи взаимопроникнуты, не находятся в их единоличном обладании, а служат всем, дополняя друг друга и образуя индивидуальные всецелости, которые суть органы всеохватывающей целостности Царства Божия. Свободное и любовное единение членов Царства Божия так велико, что все они образуют, можно сказать, “Едино Тело и Един Дух” (Ап. Павел, К Эфес., 4,4), (с. 71).

“Что касается сверхпространственности, значение ее хорошо выяснено в творениях Отца Церкви, Св. Григория Нисского: “Душа не протяженна, — говорит он, — и потому естеству духовному нет никакого труда быть при каждой из стихий, с которыми однажды вступило оно в сопряжение при растворении, не делясь на части противоположностью стихий; естество духовное и непротяжное не терпит последствий расстояния. Дружеская связь и знакомство с бывшими частями тела навсегда сохраняется в душе” (с. 73).

Кому же особенно ясны и близки будут слова нашего знаменитого современного философа? Конечно, высокий лама найдет и сердечный ответ и благостное понимание. Больше того, он найдет в своей реальной метафизике и соответствующие оправдания и с восторгом приобщится диспуту о духовном, иначе говоря, о том, что составляет его стремление. Для вселенского тела лама будет знать Дхармакаю. Высшее взаимопонимание, общение представителей духа он назовет Доржепундок. И главное, сделает это не в разобщении, не в оспаривании, но в добром общении, в котором так легко стираются вредоносные перегородки.

Там же, на Востоке, поймут и С. Метальникова о бессмертии одноклеточных. Идея единости, неделимости, неразрушимости будет оценена. Тот, кто понимает Дхарму, тот может говорить и о бессмертии. Так же благостно поймут и Брогли, и Милликана, и Рамана, и Эйнштейна. Лишь бы язык был. Нужно знать для понимания и внешний, и внутренний язык. Нужно знать не только внешний иероглиф. Необходимо знать происхождение знака, нарастание символа, чтобы непонятая внешность не явилась новой перегородкой.

Во Благости разве трудно сойтись? Для кого-то священность Ганга суеверие. Но истинный ученый и здесь отдает должное народной мудрости.

Так прекрасно прикасание к фактам, основам народной мудрости. Священную почитается вода Ганга. Поразительно, насколько не заражается взаимно бесчисленное множество людей, столпившихся в водах священной реки у Бенареса. Но к вере, к психическому охранению природа присоединяет еще ценнейший фактор. В воде Ганга только что найдены особые бактерии, уничтожающие прочие очаги заразы. Старое знание и здесь являет свою прочную основу.

Трогательны все объединительные знаки. Буддисты видят икону Св. Иосафа, царевича Индийского, и хотят иметь копию ее. Ламы видят фреску Нардо ди Чионе в пизанском Кампо Санто и начинают пояснять содержание ее и значение

изображенных символов. Когда же вы прочтете им из “Золотых легенд” о Св. Иосафе, они будут приветливо улыбаться. И в улыбке этой будут те же благодать и вмещение, которые уделили место Аристотелю на портале Шартрского собора вместе со Святыми и Пророками, и призвали образы греческих философов на фрески церквей в Буковине. Изображение магометанина Акбара в индусском храме; Лао-цзы и Конфуций в ореоле католических святых; все черные Мадонны в Рокамадуре и в землях негритянских! А царь Соломон в православной церкви Абиссинии! Лишь не закрыть глаза умышленно, и множество благих фактов нахлынут. Поистине, следуя завету Оригена, “глазами сердца видим”. И не только древний Шартр и Буковина почитают великих философов на порталах своих. Газеты Нью-Йорка сообщают о новой церкви баптистов на Риверсайде: “Конфуций, Будда и Магомет, вместе с Христом изваяны на портале церкви баптистов. Новая Эра религиозной терпимости выразительно символизирована в изображениях, где великие ученые и философы (многие в свое время обвиненные в ереси) занимают место со Святыми, Ангелами и Вождями религии”. “Моисей изваян плечо к плечу с Конфуцием; за Буддою и Магометом следуют Ориген, Св. Франциск Ассизский, Данте, Пифагор, Платон, Сократ, Аристотель, Св. Фома Аквинский, Спиноза, Архимед”. “Одновременно с д-ром Фоздик, давшим это свидетельство его широкого мышления, другой представитель свободной мысли д-р Холмс объявил на проповеди, что храмы будущего представят синтез всех великих религий мира”. О том же говорят и проповеди д-ра Гутри в одной из старейших церквей Нью-Йорка — Св. Марка в Бовери. Все помнят его дни Будды и других водителей религиозной мысли. Новый храм епископальной церкви на Парк Авеню под руководством известного проповедника д-ра Норвуда стремится к тому же благому синтезу.

Если почтенный мусульманин будет утверждать, что могила Христа находится в Шринагаре, и станет с самым благоговейным видом перечислять все традиции и исцеления, свершившиеся при этой гробнице, вы не станете сурово перечить ему. Ведь он говорил вам, полный самых добрых намерений. Так же точно вы не будете вносить препирательство, когда в Кашгаре вам будут утверждать о гробнице Богоматери в Мириам Мазар. Также, когда вам говорят о пророке Илие в верховьях Инда, вы и тут не протестуете, ибо, во-первых, вы чувствуете доброжелательство, а во-вторых, вам по существу и нечего возразить. Или разве будете вы злобно возражать против трона царя Соломона у Шринагара? Напротив, вы порадуетесь, что таких тронов много в Азии и, по словам доброжелателей, мудрый царь Соломон во всеобъединении и посейчас летает над азиатскими пространствами на своем чудесном ковче-самолете. Вы порадуетесь и вспомните общество Амоса в Нью-Йорке и его широкие благие цели.

Есть особая радость, когда вы слышите воедино великие имена Мессия, Майтрейя, Мунтазар, произносимые в том же месте и с тем же почитанием. Вообще, со всею бережливостью отнесемся к благостным объединительным знакам. Вспомним трогательную легенду тибетскую о происхождении многих святых. И особенно вспомним теперь, когда благие знаки вовсе не заковывают нас в прошлое, но восторженно устремляют в будущее.

О чем же взывает мудрый Апостол Павел, когда он пишет во все концы и Римлянам, и Евреям, и Коринфянам, и Ефесянам, и Галатам: “Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам тестом новым”. “Посему станем праздновать не со старою закваскою”.

“Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи”.

“Итак будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию”. “Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть”. “Когда будут говорить “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба”.

“Духа не угашайте”.

“Итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света”.

“Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных”.

“Писать вам все о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно”.

Какой указ и моление о воссоединении духовном, о будущем; нужны оружия Света. И не о прошлом только горюя, но ревнуя о будущем, предупреждал Исаия страшными словами: “Магер-шелал-Хаш-баз”.

Не для прошлого, но для будущего путника насаждал Акбар молодые деревья вдоль путей Индии.

Что может быть хуже, нежели отнять и оставить “место пусто”? Говорит Златоуст: “Когда же душа уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор”.

Истинно, многоценны объединительные знаки! Не забываем слова Вивекананды о Христе, сказавшего: “Если бы я в жизни моей встретил Христа, кровью сердца моего я омыл бы ноги Его”. Многие ли христиане имеют в сердце своем такое же действительно возвышенное чувство? И можно ли забыть слова того же Вивекананды, спросившего Чикагский конгресс религий: “Если вы считаете ваше учение столь высоким, почему же вы не следуете заветам Его?”.

Можно ли забыть тот факт, что когда однажды христианская церковь была в бедственном положении и угрожаема продажей с торгов, евреи доброохотно и добровольно выкупили христианскую святыню и возвратили ее в лоно Митрополии. Митрополит Е. подтвердит это.

Разве не во Благое говорит вам раввин-каббалист: “Вы ведь тоже Израиль, если ищите Свет”. Разве не улыбнетесь благостно намтару среднеазиатского бакши о чудесах Великого Иисы-Христа? И разве не будете слушать за полночь, в Кашмире, славословье Христу в устах мусульманского хора, с ситарами и затейными барабанами? Вспомните все почтительные, высокотрогательные сказания мусульман Синьцзяна об Иссе, великом и лучшем.

Или если возьмем книгу преподобного Джемс Робсон “Христос в исламе”, то вместо нашептанных невежеством враждебных знаков мы увидим множество сердечного понимания и доброжелательства. Старовер поет стих о Будде. В субурганах, среди священных книг, закладываются и Евангелия. Дравид читает Фому Кемпийского “Подражание Христу”. Мусульманин в Средней Азии рассказывает о Святых колоколах за горою, которые на заре слышат Святые люди. Почему нужны мусульманину колокола? Просто ему нужен зов блага. Ко всемирному Беловодью идут и сибирские староверы.

Вспомним все сказания всех веков и народов о Святых людях.

Сказывающий даже и не знает, о ком говорит он, о христианах, о буддистах, о мусульманах, о конфуцианцах... Он знает лишь о благодати, о подвигах Святых людей. Они, эти Святые, сияют неземным светом, они летают, они слышат за шесть месяцев пути; они исцеляют, они самоотверженно делятся последним достоянием; изгоняют тьму и неутомимо творят благо на всех путях своих. Так же говорят и староверы, и монголы, и мусульмане, и евреи, и персы, и индусы... Святые становятся общечеловечны, принадлежат всему миру, как ступени истинной эволюции человечества. Все вмещает Свет. Чаша Грааля над всем благом. Божественная София Премудрость летит над всем миром.

Проклятия ведут лишь во тьму. Не злобою, не отрешениями, но по благим вехам можно перейти самый бурный океан.

Вот слова от Корана:

“О народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованного вам Богом”.

“Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить воду вечного Ведения”. “То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой”.

Вот от Каббалы, от великой Шамбатион:

Эллад Ха-Дани описывает реку Шамбатион, объединяющую детей Моисея, как твердыню духовного объединения. Мусульманские писатели Ибн-Факих и Казвини повествуют, как однажды Пророк просил Архангела Гавриила перенести его в страну “детей Моисея” (Бану Муза), в страну праведных. “Гелилот Эрез Израэль” соединяет Шамбатион со священной рекою Индии, имеющей целительные свойства. Целительные объединения!

Не будем думать, что мышление о всепонимании, о единении свойственно лишь новаторам, потрясающим догмы. Православная, католическая и римско-католическая церковь постоянно молятся “о воссоединении церквей и о временах мирных”.

Это чаяние самого духовного, самого сердечного единения не есть только догма, это есть самое животворящее, благодатное начало. И после этого воссоединения чают времена мирные. От церковного амвона переносимся в бесчисленные мирные конференции, которые тоже, каждая по-своему, более или менее удачно, мечтают о временах мирных. На этой вершине сходится внутренняя надежда всего человечества. И самые косные, и самые трепетно обновленные, мечтают о временах мирных, о самом прекрасном воссоединении. В тайниках сердца мы понимаем, что гонения, отрешения, проклятия привели только к ужасу, к дроблению, измельчанию. Привели к изысканной лживости и отвратительному лицемерию.

Через мост придет Мессия. Каббалисты знают этот объединяющий символ. На белом коне Всадник Великий, и комета как меч Света в деснице Его. Говорит знатный абиссинец: “И у нас есть старинная легенда. Когда Спаситель Мира придет, Он пройдет по каменному мосту. И семеро знают о приходе Его. И когда они увидят Свет, они припадут к земле и поклонятся Свету”.

Разве случайно пришествие Мессии должно произойти через мост? Какой же символ ближе всего мысли о единении, о воссоединении? Уже не по-восточному сидит Майтрейя, но по-западному, со спущенными ногами, готовый к пришествию. “Время сокращено есть”. “Воистину не было еще времени, сокращеннее нашего!” — “Сгущено время”, “Коротко время”, “Узко время” — на разных языках восклицают народы, трепеща от предчувствия, собирая вокруг чаяния своего лучшие символы. Без слов скажут, глазами укажут, как устремляется дух их к Тому Великому, которое предчувствовано всеми страданиями, всеми кострами, всем шепотом непонятого сердца. В чем и сознаться даже себе страшно, к мечте прекраснейшей открыт дух народный. И нет затемнения такого, которое бы пресекло путь в будущее, где исправится молитва, настанет мир и возвеселится дух радостью не теперешнею, ликованием светлого завтра.

Зачем нужны человечеству эти мирные времена? Так же точно каждое сердце знает, что мирное время нужно ему для познания, для строения. Немирные времена привели к краху, материальному и духовному. И это знает сердце человеческое. Немирные времена создали шатание безработицы, в которой теряется лучшее устремление к повышению качества. Немирные времена привели ко множеству условностей и к тому ужасу, который возникает от потери качества, иначе говоря, к духовному одичанию.

Очень часто мирные конференции вызывают улыбку сожаления своею лицемерностью, когда люди собрались уничтожить неудобные им разрушительные средства, лишь для замены их более утонченными и современными. Но и среди этих сборищ всегда имеются те, которым близок созидательный принцип времен мирных. Вот эти-то незверелые, как чистые шарики, все-таки будут стремиться к светлomu воссоединению, к великому вселенскому телу. Эти устремленные всегда могут договориться, ибо сердце их или днем, или ночью молится о воссоединении. Если жив этот глас, то можно осознать и то нерушимое облагораживание духа, которое дается осознанием Культуры. Ведь каждый мечтающий, ищущий Культуру,

знает в сердце своем и великое воссоединение и времена мирные. Ему нужно это воссоединение, ему нужно мирное время, чтобы отворить врата светлые. “Не мешай”, “не заслоняй мне солнце”, — просит Сократ, ведь не для того, чтобы быть лежебоком, он просит не заслонять света, не рождать тьмы.

Да, да, будущее не терпит лежебоков. Все стусилось. В нагнетении энергий значительно каждое мгновение сознательной работы. Значительно каждое изгнание эгоизма. И светло каждое утверждение кооперации.

Век Майтрейи всегда указывался как век истинного сотрудничества.

Наталия Рокотова в своей замечательной книге о буддизме, по источникам, характеризует век Майтрейи так:

“Грядущий Будда-Майтрейя, как указывает его имя, — Будда Сострадания и Любви. Этот же Бодхисатва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита-Непобедимый.

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисатв нашло развитие только в школе Махаяны, тем не менее почитание одного Бодхисатвы Майтрейи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в Хинаяне. Таким образом, один только Бодхисатва Майтрейя охватывает все пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисатвы? В учении Готамы Будды и в учении Бодхисатвы Майтрейи, согласно преданию, данном им Асанге в IV веке (Махаяна-Сутраламкара), прежде всего было отмечено максимальное развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности”.

“Будды вечно в действии, им неведома недвижность; подобно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах”.

“Сильный, отважный, твердый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига общего блага”.

“Три радости Бодхисатв — счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всем и везде. Сыны Будды, сыны Победителей, Бодхисатвы в своем действенном сострадании — Матери всему сущему” (Махаяна Сутра).

Не о том же ли Свете, сердечно жданном во Благе и Единстве, говорит Восток, заповедуя Шамбалу?

“Мировой Глаз Шамбалы несет человечеству Благо. Мировой Глаз Шамбалы — как Свет на пути человечества. Мировой Глаз Шамбалы та Звезда, которая направляла всех ищущих.

Для одних Шамбала есть Истина, для других Шамбала есть утопия. Для одних Шамбалы Владыка есть Старец, для других Шамбалы Владыка есть явление Довольства. Для одних Шамбалы Владыка есть украшенный Идол, для других Шамбалы Владыка есть Руководитель всех планетных духов. Но Мы скажем: Шамбалы Владыка — Огненный Двигатель Жизни и Огня Матери Мира. Дыхание Его горит Пламенем и Сердце Его пылает Огнем Лотоса Серебряного. Шамбалы Владыка живет и дышит в сердце Солнца! Шамбалы Владыка — Зовущий и Позванный! Шамбалы Владыка — стрелу Несущий и все стрелы Принимающий! Шамбалы Владыка дышит Истиной и утверждает Истину. Шамбалы Владыка Нерушим и рушимость претворяет в созидание! Шамбалы Владыка — Наверхие Знамени и Вершина Жизни!

Примите Шамбалы Владыку как Знамение Жизни. Трижды скажу — жизни, ибо Шамбала есть залог устремлений человечества. Наше Явление — человечества залог совершенствования. Наше Явление — утвержденный путь к Беспредельности.

Шамбалы Владыка являет человечеству три начертания: Учение, явленное Майтрейей, зовет дух человеческий в Наш творческий мир. Учение Майтрейи указывает на Беспредельность в Космосе, в жизни, в достижении духа! Учение Майтрейи держит знание космического огня как открытие сердца, вмещающего

явление Вселенной.

Старое предание, утверждающее, что явление Майтрейи явит воскрешение духа, правильно. Мы добавим: воскрешение духа может предшествовать явлению Прихода, как принятие сознательное Учения Владыки Майтрейи. Истинно, воскрешение!”

Не к той же ли крепости духовной зовет Восток, утверждая законную необходимость Иерархии Света?

“При переустройстве мира можно продержаться лишь на утверждении Нового Мира. Установление явленного решения может войти в жизнь лишь великим пониманием мирового перерождения путем великого закона Иерархии. Потому ищущие Нового Мира должны устремиться к утверждению закона Иерархии, ведущей утвержденной Иерархией. Тем только можно установить равновесие в мире. Только пламенно Ведущее Сердце явит спасение. Так нужно миру утверждение закона Иерархии.

Потому законно утверждается Иерархия при смещении стран и замене огнем всего уходящего. Потому так необходимо принять закон Иерархии, ибо без цепи не построить великую лестницу восхождения. Так нужно принять огненно утверждение величия закона Иерархии”.

“Нужно твердить об Иерархии. Правильно, что Иерархия рабства кончилась, но явление Иерархии сознательной сопровождается страданием человечества. Слишком много рабства в мире и слишком подавлено каждое пламя сознания. Рабство и сознательная Иерархия, как день и ночь. Потому не смущайтесь повторять — Иерархия Сознательная, Иерархия Свободы, Иерархия Знания, Иерархия Света. Пусть не знающие зачатия Нового Мира насмеются, ибо каждое понятие Нового Мира им страшно. Разве им не ужасна Беспредельность? Разве им не тягостна Иерархия? Ведь, будучи сами деспотами невежества, они не понимают созидание Иерархии. Сами будучи трусами, они ужасаются перед подвигом. Так положим на весы самые нужные понятия наступающего Великого Века — Беспредельность и Иерархия”.

“Следует принять Иерархию как эволюционную систему. Духам, не изжившим рабства, можно повторить, что Иерархия совершенно отличается от деспотизма”.

“Какой же путь самый утверждающий? Самый верный путь есть самоотверженность подвига. Самый чудесный огонь есть пламя сердца, насыщенное любовью к Иерархии. Подвиг такого сердца утверждается Служением Высшей Иерархии, потому так чудесна самоотверженность тонкого сердца. Духотворчество и самодеятельность тонкого служителя огненно насыщает пространство. Так, истинно, созвучит видимое с невидимым, настоящее с будущим и предуказанное свершается. Так самоотверженность тонкого сердца насыщает мир пламенем”.

“По строению слов эволюционная спираль расширяется и инволюционная суживается. То же самое можно наблюдать не только на личном, но и на идеях. Очень поучительно разбирать, как идеи рождаются и совершают свой круг; часто они как бы совершенно исчезают, но если они эволюционны, то они снова выявляются в расширенном виде. Можно изучать спираль корня идеи для мышления эволюционного. Задача постепенной вмещаемости идеи может дать прогрессию к высшему пониманию”.

“Трудись, твори благо, чти Иерархию Света — этот Завет Наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь только чистое сердце”.

“Иерархия есть планомерное сотрудничество.

Если кто истолкует его в своем условном понимании, он только докажет, что мозг его не готов для кооперации”. Так сказано. На чем же согласимся? На чем простим? На чем поймем? На чем расширимся? На чем не ущемимся? На чем тронемся дальше? Обойдя все круги Дантовы, придем мы к сотрудничеству. Сотрудничество, сострадание, та же любовь. Заповеданная всеми иероглифами

сердца, любовь — Матерь Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая, создавшая племя Святых людей, не знающих ни земли, ни народности; поспешающих на крыльях духа на помощь, на сострадание, сотрудничество; спешащих во Благо; несущих капли Всепонимания, Всеединой Благодати.

Спешит мир в переустройстве. От злобы устало сердце человеческое. И в трудах смятенных вновь вспомнило о Культуре, о знаках Света. И шепнуло друг другу: “Есть оно, будущее, для чего мы пришли сюда. Ведь не для опоганения, не для ужаса, но шли сюда для труда совместного, для познания, для просветления. Возьмем же этот Вселенский Свет. Возьмем Преображение Мира, предуказанное, предсужденное”.

Все народы знают, что место Святых людей на горах, на вершинах. От вершин откровения.

В пещерах, на вершинах жили Риши. Там, где зачинаются реки, где вечные льды сохранили чистоту вихрей, где пыль метеоров приносит от дальних миров доспех очистительный, — там возносящие сияния! Туда стремится дух человеческий. Сама трудность горных путей привлекает. Там случается необычное. Там мысль народная работает кверху. Там каждый перевал сулит невиданную новизну, предвещает перелом на новые грани великих очертаний.

На трудных путях, на опасных горных перевалах стоят изображения Майтрейи, Светлого будущего. Кто озаботился поставить их? Кто потрудились? Но стоят они, часто гигантские, точно нечеловечески созданные. Каждый путник прибавит свой камешек к нарастающему мандангу. Разве насмехнется сердце ваше над этим камнем для ступеней будущего? Нет, путь трудный и опасный откроет сердце ваше. Не насмехнетесь, но, улыбнувшись во Благе, прибавите и свой камень к сложению ступени всевмещающего Света.

До зари задолго, при звездах — вся соседняя гора за рекою усеяна розоватыми огромными огнями. Они движутся; собираются в гирлянды; распадаются на части, вспыхивают и исчезают; несутся вперед и назад или соединяются в одно мощное пламя. В студеном ноябрьском воздухе дивуемся на это гималайское чудо, знакомое всем жителям местным. Можете наутро спросить Гура, и он, блеснув глазами, скажет про огни Девита; а другой шепнет о светлом воинстве Майтрейи. Огни земли, а вот и сияние небесное. Тибет знает “Де-ме”, огонь божества, и “Нам бумпа”, огневое сияние.

Над снежными вершинами Гималаев полыхает светлое сияние, ярче звезд и причудливее зарниц. Кто же возжег эти столбы света, шествующие по небу? Не близки полярные края полунощные. Не блеснуть в Гималаях сиянию севера. Не от северных сверканий эти столбы и лучи света. От Шамбалы они; от башни Великого Приходящего.

“Майтрейя идет”.

Ему воздают почитание; задерживая бег коней в просторах пурпурной Гоби, торжественно восклицают монголы: “Алдар”.

Кейланг. 24 августа 1931.

VI

ПРИВЕТЫ

ДЕКАДА

Прошло десять лет с тех пор, как мы положили первый камень наших Учреждений в Америке. Вполне естественно, что мы начали их с Института Объединенных Искусств, чтобы сразу в полной мере подчеркнуть идею единства. Таким путем наши давние идеи, протекавшие в других странах, перенеслись и вкоренились и на почве Америки. За десять лет сложилась обширная литература по всем отделам нашего культурного центра. Я не собираюсь сейчас писать историю этих нарастаний. В день привета мы не будем летописцами, но выразим то, что нам кажется самым несомненным в росте культурных начинаний.

Дорогие сотрудники, я не собираюсь просто хвалить Вас, ибо можно ли хвалить человека, который всецело предан идее Культуры? Можно ли хвалить за честность? Можно ли хвалить за духовность и воодушевление красотой? Ведь это все основы человеческие, вне которых никто и не мог бы считаться культурным работником. Похвала всегда относительна, но факт незыблем! И вот теперь в памятный день десятилетия трудной работы во имя Культуры мне хочется отметить то, что несомненно.

Оборачиваясь назад, на все труды, на все битвы с невежеством, бросается в глаза, что работа созидательная шла безостановочно. Это не похвала, это только выявление факта истинной духовной доблести. Можем ли мы сами себе назвать хотя бы один год, проведенный в покое и самоуслаждении? Можем ли мы назвать хотя бы один месяц из этих 120 месяцев, когда бы не укреплялось уже сделанное и не устремлялись бы мысли к новым областям культурного поля.

Тут-то мы и можем, положив руку на сердце, сказать, что не было такого года, не было такого месяца и даже недели, когда бы мысль и труд не слагали новых возможностей. Не было того дня, когда бесчисленные препятствия не были бы обращаемы во благо. Это сознание безостановочной устремленности непрерывного созидательного труда — поистине должно быть знаком сегодняшнего дня. Нас могут спрашивать о порядке нашего плана. В индивидуальных суждениях могут предлагать перестановку чередования дел, но никто не скажет, что энергия не была положена во Благо.

Нет ничего удивительного, что за десять лет Учреждения развились необычно. В безостановочности энергии заключен великий мегафон, великая инерция, которая вооружает работников крепким доспехом.

Очень сожалею, что в этот знаменательный день не могу быть с Вами и не могу словом отеплить посылаемые Вам мысли; но во имя той же безостановочной работы, о которой говорю, я чувствую, что устройство Гималайского Института вполне оправдывает мое физическое отсутствие сегодня в Америке. Уже более трех лет тому назад мы внесли к нашим областям Искусства и область Науки, ибо Культура в своем синтезирующем начале не терпит ограничений, умалений, отделений. Мы видим, что все условности, так вредящие прогрессу, порождены лишь невежеством. Но каждый из нас за всю деятельность может сказать, что сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своем устремленными к знанию и красоте, мы можем оставаться оптимистами. Не будем сегодня вспоминать о трудностях. Всякое воспоминание о трудностях может привязывать корабль наш к пристани. Вспоминая о трудностях, мы невольно начинаем думать о заслуженном отдыхе, иначе говоря, начинаем предаваться самым вредным мыслям, ибо где же он, отдых, в беспредельности творчества? Оставаясь неразрушимыми оптимистами, мы будем лишь стремиться окрылить корабль наш новыми парусами.

“Странные люди”, — сказал кто-то про нас, но друг наш заметил: “Действительно, необычные люди, даже все трудности встречают с улыбкою”.

Откуда же может прийти эта улыбка? Ведь только из сознания, насколько нужна всегда и особенно теперь работа во имя Культуры. Итак, вступим же в новое

десятилетие с прежнею неудержимою стремительностью, с тем же звучащим зовом о Культуре и с тою же неустанностью.

Сделаем поклон всем тем, кто помогал росту Учреждений, и пожалеем тех, имена которых смешались со тьмою.

Как я уже часто говорил, Культура есть почитание света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевленно и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства.

Сегодня ночью над цепью Центральных Гималаев вспыхивали необычайные озарения. Это была не зарница, ибо небо было чисто, но то самое, недавно отмеченное в науке, светоносное излучение Гималаев. Во имя Света, во имя светоносности сердца человеческого будем же работать, творить, изучать.

Этот привет дойдет до Вас, Друзья, уже почти в день десятилетия наших Учреждений. Не забудем также, как многообразно откликнулось общественное мнение на наше строительство. По-своему каждый выразил внимание. Кто послал добрую мысль, кто одобрил, кто помогал и сотрудничал; наконец, те, у которых вообще не живут добрые мысли, послали свою клевету, и в этой форме выражая тоже внимание. Клевета, как это ни чудовищно, является условием признания, и эти своеобразные знаки неминуемо тоже нужно накапливать, точно выражения чуждого нам языка.

Среди многообразных наречий есть столько неожиданных созвучий, и по букве одной трудно решить, что несет с собою иногда внешне благозвучный знак. В жизни очень часто злобное клеветническое намерение оборачивается на пользу, лишь не закрыть глаза на это круговращение. Потому, вспоминая добрые знаки, также вспомним и о своеобразных ласках клеветы. Без нее земная трапеза была бы не полна. Но именно за полную трапезою мне хочется еще раз приветствовать всех друзей и сотрудников, которые дружно идут, чтобы помочь нуждам Культурной жизни.

Если мы можем помогать этим насущнейшим нуждам человеческого бытия — это уже прекрасно. И если в день десятилетия мы можем направлять мысли наши к бодрым строительным делам, это значит, что мы на пути правильном. Осознание правильного пути даст нам ту бодрость, зоркость и находчивость, чтобы неустанно и терпеливо помогать строению светлой жизни.

Десять лет тому назад мы планировали начало и развитие наших культурных Учреждений. Должны сказать, что, следуя основной программе, во многих пунктах мы преуспели за пределы ее. Так же точно теперь, вступая в новое Десятилетие, посмотрим вперед и наметим новые вехи, по которым пойдет развитие. Подчеркиваю “Развитие”, ибо можно или развиваться, или разрушаться, но не стоять на месте. Приходится говорить эти слова в момент величайшего мирового материального кризиса, когда в мире многое отсекается, забывается, как груз терпящего аварию корабля! Но во время аварии весь экипаж корабля собирает всю свою опытность, все панацеи, дабы победно выйти из тяжелого положения.

Выше панацеи Культуры не знало человечество. Да и не будет знать, ибо в Культуре сумма всех достижений огненного творчества. И нашему кораблю трудно среди бури всемирного Океана. Конечно, совершенно естественно все материальные расчеты наши, бывшие правильными для нормального положения вещей, поколеблены под напором идущего девятого вала. Мы начинаем новое Десятилетие обращением к массам о сотрудничестве. Для народов мы начали Культурные Учреждения, и теперь народные массы должны выявить мощь свою в культурном понимании и оценке творимого.

Во все времена истории духовная мощь творила и возможности существования. Разумная экономия, с одной стороны, и пламенное творчество, с другой, создают незыблемый оплот. Даже в самые трудные часы строитель не вправе думать только об экономии, которая по негодности допущенных материалов может вызвать взрыв и разрушение. Созидательно мы должны смотреть вперед.

Прежде всего скажем о центральном Учреждении нашем. Скажу, как я понимаю Музей наш. Музейон, Музей не есть мертвое хранилище, не сокровище скупца. Музей неразрывен с понятием Культурного Центра. Музей это уже и есть Обитель Лиги Культуры.

В широких планах Культуры нельзя предрешать непреходящих ограничений или каких-то заповедных исключительных владений. Также трудно предрешать каждое начало строительства. В пространстве иногда пролетал термин “Музей Одного человека”, и, сознаюсь, всегда такое определение мне не нравилось. Не потому не нравилось, чтоб я был вообще против выявления индивидуальности. Индивидуальность, характер создает стиль, а стиль это есть печать века и ритм Вечности. Мне не нравилось это наименование, потому что в непонимающих умах оно звучало как некое ограничение, между тем в программу нашу именно понятие ограничения не входит. Уже в 1924 году я предложил устроить Отдел американского искусства, который уже тогда посильно начал собираться. Понимаю, что этот отдел не мог быть еще выставлен, ибо находится в процессе собирания и части его входят в состав передвижных выставок по штатам, знакомя широкие массы с отечественным искусством.

В 1929 году, вернувшись после долгого отсутствия в Экспедиции, мы начали планировать целый ряд следующих отделов. Было положено фактическое начало Восточному отделу, было положено основание Русскому отделу, состоящему в ведении нашего Сибирского Общества. Художественный материал, привезенный нашей экспедицией из Монголии и Тибета, лег основой Восточного отдела, а собрание русских икон послужило нуклеусом-ядром для возможности будущего развития отдела Русского. Комната имени Святого Сергия, комната имени Св. Франциска, комната мыслителя Спинозы, комната Великого Учителя Оригена, комната Маха Бодхи уже являются началом целого мощного будущего строения Музея религий. Тогда же в 29-м и 30-м году мы планировали Отдел итальянского искусства, о чем апеллировали к многочисленной итальянской колонии в Америке, и не наша вина, если сограждане итальянского происхождения пока остались глухи к желанию показать наилучшее представление о великом искусстве Италии.

Но что отложено, не потеряно. По-прежнему мы будем наполнять пространство призывами во имя объединения Культурных сил. Тогда же зародились мысли об отделах Французском, Испанском, Шведском, Финском и целом ряде выявлений Южной Америки. Конечно, продвижение по такому широкому фронту, да еще в столь затрудненное время, не может совершаться так быстро, как хотелось бы. Но мы всегда имеем перед собою первоначальный план наш, а именно, чтобы со временем все здание, в постепенно переустроенном виде, служило бы разнообразным Отделам человеческого творчества, являясь живым Культурным Центром, предоставленным в народное пользование. Укрепление и развитие именно этого плана стоит перед нами как ближайшая задача Нового Десятилетия.

Мы будем счастливы приветствовать и секции, посвященные отдельным индивидуальностям, запечатлевая в воображении молодых поколений плоды цельной деятельности, напоминающей и зовущей к синтезу построения будущей жизни. Для роста всех этих многообразных выявлений мы должны обращаться не только к различным общинам и слоям общества, но и к разным странам, которые должны понять, что именно в Америке, где объединилось такое множество национальностей, всякое стремление к синтетичности особенно уместно, и шовинизм не к щиту Америки.

Опять же не будем себя урезать какими-то преднамеренными программами о том, что именно должно делаться в первую голову. Пусть сама жизнь выявит, где и в чем наибольшая жизненность или подвижность. Сама история нарастаний покажет, которые элементы были наиболее широко мыслящи и строительны. Конечно, в нашей программе не должно быть упущено основание качества делаемого; ведь нации и сограждане, полагаю, будут хотеть представить себя

наилучшим образом и закрепить прочно. По счастью, положение наших комнат в здании таково, что сравнительно легко они могут быть обращаемы в единицы, отделяемые и постепенно сообщаемые между собою.

Вспомним уют Ключи, Шантильи и других замечательных музеев в замках и бывших жилых помещениях, которые даже помогли дать величайшую жизненность и убедительность представленным на обозрение предметам. Наши многообразные Общества Культурные поистине являются хранителями намеченных Отделов. В текущем году возник еще Музей “Урусвати”, нашего Гималайского Института, который вносит еще одну важную ноту Синтеза и новым своим аспектом призывает к плодотворному мышлению молодые поколения. Как тесно связана жизнь Музея с Институтом Соединенных Искусств, с выставками Международного Центра и с Театром. Как в природе мир растительный взаимно питает друг друга, так и все эти ветви не отягощают ствол и не иссушают корни, но наоборот, дают новую жизнеспособность всему дереву.

В Институте Соединенных Искусств какое огромное количество новых ответвлений может прибавляться совершенно естественно, не буду даже вновь перечислять уже много раз отмеченные нами желанные мастерские по всем родам жизненного искусства, которые могут образовывать полезнейших и просвещенных работников государства. Наша задача лишь привлекать лучших преподавателей и всеми силами создавать лучшие возможности для учащихся, окружая их высококультурной мыслящей атмосферой, конденсированной в таком объединенном Центре, порождающем здоровое творчество, — творчество, не связанное узкими предубеждениями и прочими последствиями невежества.

По тому же руслу должны развиваться и выставки Международного Центра. В сотрудничестве с индивидуальными творческими силами, с художественными Обществами и с правительствами выставки эти должны привлекать лучшие творческие силы и в благодатном многообразии утверждать взаимопонимание и дружественность наций. Памятуем, что путь красоты есть путь взаимного восхищения и понимания.

По тем же расширяющимся каналам должно идти Издательство наше, без ограничительных запретов приобщая и выявляя истинно культурные сведения, как о прошлом, так и устремляясь к Светлому Будущему. За недолгое существование свое Издательство уже дало и ряд книг и бюллетень Музея, и в пространстве уже мелькнула “Орифламма”, название художественного Журнала. И общественное мнение радушно отметило появление первого Журнала “Урусвати”, нашего Гималайского Института. Мелькнули мысли и о газете, уже пришли с вопросами о сотрудничестве с нами многие издания и Учреждения. Пусть по тем же незатемненным культурным путям живет и ширится наше просветительное издательство.

Также нельзя не порадоваться и не предвидеть быстрый рост “Урусвати”, нашего Гималайского Института. Перед нами уже возносятся стены биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Каждый месяц требуются новые вместилища для собраний ботанических, зоологических, археологических и этнографических. Только что успешно завершены экспедиции в Ладак и Лахуль и намечен ряд следующих работ и изданий. Каждая новая находка лишь подтверждает, насколько верно избрано место и правильно развивается план.

Растут наши культурные Общества, создавая своеобразное полезное единение культурных сил всех народов. Являются предложения об организации новых сообществ.

Уже состоялись кооперации и аффилиация с целым рядом образовательных и просветительных Учреждений. Пусть ширятся и эти каналы деятельности, ибо что же может быть ценнее и привлекательнее, как не кооперация, в которой, слагая воедино опыт накопленных возможностей, полезные начинания взаимно укрепляются и вытесняют из обихода ненавистное нам понятие разложения и

разъединения. И так под Знаменем Мира во имя Красоты и Знания — вперед в Новый Путь! Никакие препятствия не могут удержать устремление духа.

Служение Культуре есть благородный подвиг человечества. Обязанность каждого мыслящего во Благо внести свое сотрудничество в общую чашу эволюции.

Верую!

*Гималаи.
24 октября 1931.*

II

МАХА БОДХИ

В Сутрах дается прекрасный завет:

“Учение подобно пламени светоча, который возжигает огни многие. Они могут послужить для приготовления пищи или для рассеяния тьмы, но пламя светоча остается неизменно сияющим” (Сутра 42 чл.).

И среди служения возглашается: “Да будет жизнь тверда, как алмаз; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел; и да вечно длится”.

Истинно прекрасны эти заветы крепости, готовности, преданности и благородного действия.

Велика радость строения! Благородно действие творчества! Прекрасно каждое приношение во имя культуры духа! Памятен этот день и для буддистов и для всех почитающих духовную культуру. Из пепла опять восстает великое понятие. Память о подвиге опять вызвана в умах мыслящего человечества, опять подтверждая истину неизменно сияющего светоча.

Когда паломники посещали Сарнат, они чували в сердце своем, что не без причины это историческое место пребывает скрытым, кладу подобно. В сужденный час опять восстают исторические ценности незабываемых памятников.

Неповторенные изображения Сарната, величием красоты духа, прошли по всему миру. При самых неожиданных обстоятельствах можно было убеждаться, с каким почтительным вниманием относятся люди к этому славному памятнику вечности. Люди самых разнообразных положений и верований объединялись восторгом изображения, благого и сострадательного.

Прекрасна ваша мысль сделать Сарнат центром. Поистине, какое другое место по историческому и географическому значению может равняться Сарнату?

Знаем, что каждому дереву нужно время для роста. И центр Сарната не избежит этого закона и будет развиваться постепенно и твердо. Терпение, настойчивость, преданность, единение и любовь скуют прочное основание вашему центру.

В наши дни так нужно взаимопонимание, ведь мир содрогается в ненависти и разрушении! Каждое сердце человеческое пусть устремляется к духовному единению и творческому созиданию.

В памятные дни будем думать о том, о чем не следует забывать. В дни всемирного жестокого материального кризиса оглянемся на причины, создающие это повсеместное бедствие. Казалось бы, открытия и изобретения последнего времени дали людям новые необычайные возможности. Сообщения подводные, водные, подземные, надземные и воздушные предоставляют свои услуги для ускоренного обмена и, казалось бы, особенно напряженной деятельности. Но между тем вместо благоденствия всюду вспыхивают потрясения и несчастья. В самых, казалось бы, состоятельных странах образуются устрашающие многомиллионные армии безработных. Чем же могут порадовать человечество ускоренные всевозможные пути сообщения?

Взвесим мысленно грузы перевозимые, достаточно ли среди товаров отведено место истинным духовным ценностям? Сказано и повторено всюду: “Не о хлебе едином жив будет человек”. И если даны людям необычайные возможности передвижения и сообщений, то ведь прежде всего они должны быть направлены к посылкам духовных ценностей. Тех ценностей, которыми созидались сильнейшие государства и которые давали эпохи расцвета и возрождения, перед чем сейчас восторженно трепещет сердце. Если мы не вспомним опять о великих ценностях духа, то в какую же бездонную тьму мы можем погрузиться!

Но самое трудное материальное время, не дает ли и оно толчок к истинно духовным поискам и находениям. И вот, когда грузы подземные и воздушные уравниваются светлыми духовными устремлениями и находениями, то и созидательные решения, казалось бы, неразрешимых проблем снизойдут в виде прекрасного светлого Вестника. Учение предвидит и трудности, но за ними всегда предуказана светлая возможность. Пусть же эта возможность не остается отвлеченной, но оплодотворит творческое мышление человеческое, окрыляя к светлым строительным свершениям.

Когда мы вспоминаем о еще не вскрытых развалинах Сарната, Наланды, Капилавасту и другие памятные места Индии, Цейлона, Непала, Индокитая, невольно думается, зачем эти памятные места должны лежать в развалинах, когда они, подобно многим другим памятникам, еще могли бы стоять и изумлять и вдохновлять умы; но около этих старинных мест мы видим уже новые построения и мы знаем, как многое суждено быть открытым, и каждый год приносит нам новые реликвии прекрасных старых находений. “Мир всему живущему”, — говорят нам эти реликвии. Пусть же и этот Завет не остается абстрактным, но, в ряду лучших духовных ценностей, пусть он опять цветет огненно серебряными листьями Лотоса, бесчисленными, как бесчисленны огни сердец устремленных.

“Мир всему живущему”.

Дружелюбие!

“Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль прекрасная — сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно угеснены. Когда повсюду закрываются ставни самости; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном? Не загрязним, не умалим этот путь! Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему они отрезали крылья прекрасные?” Так говорит книга “Мир Огненный”.

“Все ли здесь?”, “Все ли готовы?” — перекликаются дозорные на стенах твердынь. С башен им отвечают: “Всегда готов” — “Бодрствуем во благе!”. Поистине следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединенно держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним желание лучшего преуспевания и беспредрассудочного познания. Может быть, никогда еще мир не

нуждался настолько в основе дружелюбия.

“Мир всему живущему”. Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано “во встречном ищи врага”. Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную, преображенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять, в тоске разрушения и утеснения, мы должны вспоминать об оружии света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Может быть, мы не должны в предрассветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлому строению, которое понимается в высоком значении Культуры. Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши?

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах, как в частной, так и в общественной жизни. Само добро, как таковое, начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недостижимым, так далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства каждый, хотя бы и духовно опустошенный, человек, каждый двуногий все-таки знает, что такое улыбка: не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием?

Мы должны думать не только о том, что свойственно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: “Да живет все живущее”.

Если бы чье-то сердце еще не могло вместить этот всеобъемлющий завет, то ведь и у него останется простейший, повседневный путь дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия, какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же, прежде всего, отвращает человек даже самое лютое нападение? Глаз дружелюбия, взор добра остановит самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь началась когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся путники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме, безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимооудушения.

Нужен свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия света, которые сиянием своим рассеят полчища тьмы и разложения. Первым оружием света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрестанное творчество, созидательный труд, который вместо тяжких оков каждодневности превратится в сияние творящего праздника.

Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, перекликаясь в час торжественный на стенах твердынь. “Все ли здесь?” “Все ли готовы?”

Меттасутта посылает свой мудрый зов дружелюбия словами:

“Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему сущему. Пусть он возрастит в себе желание ко всему миру и дружелюбие и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды!” (Меттасутта 7,8).

Гималаи.

III

УРУСВАТИ И КОРОНА МУНДИ

I. Урусвати

(Обращение Президента-Основателя по случаю трехлетия
Гималайского Института научных исследований)

24-го июля 1928 года было положено основание Гималайскому Институту научных исследований. Обернемся на это трехлетие и посмотрим, где стоим мы?

Институт уже имеет свое помещение в Наггаре, в лучшей долине Пенджаба. Уже положено основание Музея Института, как в Наггаре, так и в Нью-Йорке. Трехлетие застаёт нас над сооружением стен биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Когда мы читаем в недавней прессе статистику доктора Гофмана, показавшую, что в одной Америке за один год погибает сто двадцать тысяч человек от рака, то можно представить себе, насколько своевременно и это начинание Института. Когда же мы читаем отзывы выдающихся ученых о необходимости исследования целебных веществ на местах, а не по претворенным спиртом тинктурам, то и в этом мы видим, насколько место Института среди наиболее богатой для исследований Гималайской области уместно и нужно.

Не забудем, что долина Кулу, собравшая в себе все величественные имена человечества, начиная от Ману, Будды, Арджуны, всех героев Пандавов, Виасы, Гессар-Хана, является исключительно местностью, научная ценность которой еще только начинает выявляться, но и в начале своем поражает богатейшим материалом. Как в историческом, археологическом, филологическом, так и в ботаническом, геологическом и физическом отношениях Институту предстоит, как уже и теперь видно, плодотворнейшая работа.

Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред. Но по обычаю нашему, следуя лишь положительными вехами жизни, не будем останавливаться на отрицательных явлениях. Будем признательны всем помогавшим культурному начинанию и предадим забвению тех, кто по невежеству пытался мешать научной работе. Но даже за вычетом указанного промежутка времени мы имеем ряд выдающихся положительных результатов. Под руководством ботаника Института Институтом были организованы пять экспедиций в самой долине Кулу, в Лахуль, в Бешар, в Кангру, Лахор и в настоящее время протекает экспедиция в Ладак и Занскар, которая, будем надеяться, даст такие же богатые результаты, как и вышеназванные местности.

За время указанных экспедиций собраны богатые ботанические коллекции, которые обогатили не только музей Института, но и были принесены в дар университету в Мичигане, Ботаническому саду в Нью-Йорке и Музею естественной истории в Париже. При этом доктор Меррил, заведующий Ботаническим садом Нью-Йорка, равно как и профессор Манжен, директор Музея естественной истории

Парижа, отметили высокое значение собранных коллекций, среди которых находится целый ряд новых видов, в настоящее время изучаемых этими выдающимися учеными.

Наряду с ботаническими коллекциями в Институте составились и многочисленные коллекции орнитологические и зоологические, которые хранятся в музеях Института, а около четырехсот экземпляров направлено в музей Гарвардского университета в Кэмбридже.

Кроме естественнонаучных изысканий, под руководством директора Института Ю. Н. Рериха производится ряд работ по местному языковедению, истории и археологии. Во время пребывания нашего в Пондишери во Французской Индии, при посредстве члена-корреспондента Института, члена католической миссии Фушэ, было произведено обследование местных добуддийских погребений в урнах и саркофагах. Директором Института закончено два научных труда, ныне изданных — один в издательстве Уэльского университета о нашей Среднеазиатской экспедиции и другой о Зверином стиле, изданный Семинарией имени Кондакова в Праге. В настоящее время директор Института в сотрудничестве с известным знатоком тибетской литературы ламою Мингиюром занят над изучением и переводом книг по тибетской медицине, а также составлением грамматики лахульского языка и другими исследованиями тибетской литературы, которые будут опубликованы в ближайшем будущем.

К сроку трехлетия Института вышел и первый “Ежегодник” за тридцатый год, в котором участвуют президент Археологического института в Америке доктор Маггофин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Гарвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер “Ежегодника” посвящен выдающемуся санскритологу проф. Ланману, состоящему почетным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трехлетие состав почетных советников по отделу науки усилился крупнейшими научными именами, как-то проф. Милликен, проф. Раман, проф. Метальников, докт. Свен Гедин, проф. Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, докт. Меррил.

По отделу археологии, кроме докт. Маггофина, принимает участие докт. Хьюитт.

Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, Европе, так и в Африке и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами. Карнеги Фаундешэн сделала щедрое пожертвование библиотеке Института, целый ряд издательств выразил желание обмениваться изданиями.

Следует выразить искреннюю признательность комитету, собиравшемуся под председательством г-жи Иттельсон; в результате работ этого комитета получился ряд пожертвований и открылись возможности для расширения последующих работ.

Вступая в новое трехлетие, мы должны еще раз подтвердить особую пригодность избранного места для Института; среди Гималаев именно здесь неизвестен бич человечества рак, а, кроме того, тибетская медицина с давних времен имеет в своем распоряжении средства против рака и туберкулеза, удачно применявшиеся. Конечно, подобные средства должны быть исследованы самым точным и беспристрастным образом. Почва Гималайских долин отличается необыкновенною плодородностью, позволяющей совмещать самые различные посадки, начиная от альпийской флоры почти до тропической. Как показали наши начальные коллекции, среди местной растительности имеются много новых видов.

Теперь перед нами ближайше стоит работа по установке электрической станции и по оборудованию биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Ибо где же изучать условия рака, как не в местности, где он вообще неизвестен — как здесь, в Гималаях? Мы знаем, что нужны будут новые средства, но мы и не сомневаемся, что они придут, ибо общественное мнение само отмеривает по размерам культурной задачи. Существует такое прекрасное понятие, как

пространственная справедливость. При жизненности начала, всегда является та сужденная помощь, которая позволяет не сокращать размеры и не умертвлять культурные построения, так необходимые человечеству.

Итак, мы вступаем в новое трехлетие полные сознанием, что работа наша неотложно нужна, что поле деятельности выбрано правильно и сочувствие друзей и широких культурных слоев обещает мощное развитие общепользных построений.

Там же, где общая польза, там мы не отступим и сохраним энтузиазм, обращающий все препятствия в светлые возможности.

1931

II. Корона мунди

(К десятилетию)

Монхиган. Белые буруны Атлантической волны. Скалы седые. Хаты рыбацьи. Полуразрушенная пристань. Маленький пароходик “Губернатор Дуглас”. Наш истинный друг Чарльз Пеппер советует во время выставки в Бостоне: “Побывайте на Монхигане, там можно работать”. И Теофил Шнейдер и другие друзья Бостонского Клуба советуют то же. 1922-й год, лето. Пишется на Монхигане океанская серия. Говорят нам индейское значение этого названия острова. А на мшистых скалах неожиданно краснеет душистая земляника. В туманные дни стонут сирены маяков и кажется, что вы где-то очень далеко; тут же читаются статьи об искусстве. Обсуждается значение творчества в жизни и в Культуре народов.

Из “Путей Благословения” отчеркивается девиз для Международного Центра Искусства. Там должно происходить общение народов в мирном творчестве. Название “Корона Мунди” — венец Мира. Не то венец, что сам центр венец Мира, как потом сказал какой-то невежда, но венец Мира — всеобъединяющее Искусство, возносящее творчество, прекрасный подвиг духа. Всегда человечество нуждалось в этой панацее. А будет нуждаться и еще больше. Придут еще большие дни смущения и потемнения. И некуда будет обратиться духу человеческому, разве что к незыблемым твердыням Красоты.

Прекрасное воспоминание. Если бы побольше таких граждан для каждой страны, как наш друг Хорш, и побольше бы таких открытых сердец, как у милой Нетти Хорш. Во многих ли странах финансовый деятель так широко понимает и бывшее и грядущее значение Искусства; многие ли не станут презрительно улыбаться, если им скажут о выставках в тюрьмах или госпиталях, или о художественных выявлениях в деревнях. А тут вдруг люди, казалось бы замкнутые в пределах города, казалось бы скованные тиранией Уоллстрита, так понимают широко задачи Искусства, задания творчества, как если бы сызмальства их готовили к возвышенным областям.

Ведь без внутреннего утончения сознания, сколько ни говорить об Искусстве, о Красоте, если сердце мертво, то никакие благородные ритмы и созвучия не оживят мертвецов ходячих. В лучшем случае, мертвые сердца проскрипят: “Несносное мечтательство!”. А почему же оно несносное? Не потому ли, что мешает спать невежеству? И почему оно мечтательство, когда вся история человечества подтверждает, что лишь сокровищами Культуры человечество получило право на существование. Лишь мыслями о прекрасном человечество могло двигаться вперед и могло надеяться на лучшее будущее.

Представьте себе на минуту целую страну из граждан, открытых сердцами к познанию и к Прекрасному. Если даже при единичных геройствах духа страны могут прогрессировать, то какой же золотой век мог бы ожидать государства сотрудников, пылающих о Культуре?

От трубно-го звука пали стены Иерихонские. Как бы были сметены твердыни

тьмы от созвучия сердец пылающих, культурных! Какие бы проблемы жизни решились бы легко и свободно. И какое бы равновесие духа и тела снизошло к человечеству, освобождая его от болезней и телесных, и духовных.

Человечество должно быть признательно своим согражданам, которые, несмотря на все трудности, созданные тьмою, несут светоч широкого понимания, светоч благодати и неустанного труда. При этом знают они, что многие всходы подвига своего они и не увидят. Но так же знают они, знают всем сердцем своим, всем сознанием своим, что творимое ими неотложно нужно, и никакие глумления невежества не отвратят их от светлых трудов во Благо будущих поколений человечества.

Злой невежда скажет, что они хотят себе памятники построить. Но думающий во Благое не имеет времени мыслить о памятниках, к тому же зная, что строительные материалы очень несовершенны. В сердцах человеческих, в духе несомненно создаются нерукотворные памятники, и эти памятники неразрушаемы и нестираемы. История человечества показывает нам, как высшая Справедливость отмечает подвиги во Благо Мира. А какое же Благо может быть без Красоты и Знания? Без постоянного, неутомимого и светлого труда?

Вот и десятая часть века прошла. Столько уже сделано. Столько прекрасных людей подошло. И необозримы планы на будущее. Удастся помогать народам, правительствам обмениваться лучшими продуктами национального Творчества. Лекторы, благие вестники, объезжают страны, твердя о том, насколько нужна Культура. Подходят молодые поколения, и в них запечатлеваются пламенные познания и стремления к Прекрасному, как к единственному решению жизненных проблем. Жизнь не отвергает то, что жизненно. Мы видим, что уже рук не хватает наполнить все протянутые чаши. Есть и враги, но, большей частью, по недоразумению. Даже неприязненные выступления обращаются лишь в новые возможности там, где правильно само задание.

Шлю горячий привет всем сотрудникам, всем подошедшим и подходящим друзьям. Уже появилось как зрительный символ всеобъединяющее Знамя Культуры. Это Знамя Блага еще больше поможет молодым, прекрасным в поисках своих, сойтись ближе и стройно слагать ступени будущего.

Привет от гор! И честь всем мыслящим о Культуре!

1931.

IV

САДЫ ПРЕКРАСНЫЕ

24-е марта 1932

Привет!

Ваше общее Собрание 24-го марта во имя Культуры и Мира, во имя Знания и Красоты является одной из тех исторических вех человечества, которые вольют в будущее поколение новую бодрость и преуспевание. Кому-то будущему будет глубоко значительно знать и чувствовать в сердце, что путники, ранее его прошедшие, не только мыслили про себя о ценностях Знания и Красоты, об истинных ценностях Духа, но и свидетельствовали это в жизни своей. Пусть вновь приходящие сознают, как происходили эти свидетельствования о Прекрасном даже среди самых трудных времен.

Ведь не будем скрывать от себя, что нынешние времена, действительно, самые трудные. И материальный и духовный кризисы дошли, как кажется, до апогея. Но где же этот апогей в Беспредельности? Иначе говоря, остановится ли углубление и нарастание кризисов, если люди, все, кто мыслит от Блага, не сойдутся вместе, в доверии, в полном сознании, чтобы поддержать созидательные основы? Всякая отвлеченность должна быть осмыслена как реальность, ибо в реальном мире и нет

туманных отвлеченностей, но есть одна великая Реальность.

Не во имя малых хозяйственных дел, но во имя Великой Реальности вы сходитесь вместе. Вместо бессмысленного растрачивания времени на самоуслаждение, вы пытаетесь общими усилиями укрепить сознание масс во имя Реального и Прекрасного. Вы поняли, что истинный идеализм есть Великий Реализм. Вы понимаете, что досуг есть тот же радостный труд, во имя тех же духовных ценностей. Веселое времяпрепровождение есть радость о Духе, и в таком порядке каждое веселье, высоко облагороженное, представит из себя не пир во время чумы, но радость Духа, одетого прекрасным доспехом мужества.

Кто-то окаменевший скажет: “Время ли во дни материального потрясения думать о просвещении?”. Стыдно должно быть такому окаменевшему сердцу, если вообще в окаменении возможно понятие стыда. Да, родные наши, вы-то знаете, что именно во время потрясения необходимо самое напряженное устремление к Просвещению. Обратимся к страницам Истории, и мы увидим, что времена расцвета создавались силою Духа. Это не трюизм, это утверждение, которое мы все должны твердить друг другу. Ведь чудовище сомнения приходит искушать и днем и ночью, и там, где оно найдет для заразы хотя бы крошечную клеточку, оно немедленно посеет самое злобное семя.

Чем же, прежде всего, закаменело то сердце, которое стало бы восставать против Просвещения? Окаменение началось от малейшего сомнения на основе невежества. Величайшие бедствия произошли от малейшего сомнения. И не перейдет сомневающийся ни над пропастью, ни через горный поток. А ведь сейчас не только шумит Армагеддон, но словно бы открылись целые зияющие пропасти, угрожающие Культурному Обществу.

Мы позитивисты и оптимисты и потому говорим о пропастях не из пессимизма, не из отчаяния, а просто говорим тоже о действительности. Мы были бы боязливы, пытаюсь замолчать действительность. Пример страуса, зарывающего голову в песок и думающего, что тем самым он уже спасся, ибо сам не видит опасности, недопустим в человеческом обиходе. Нет, нужно особо широко и зорко устремить глаза, чтобы найти все разрушительные и разлагающие причины.

Если сомнение исходит от невежества, то и злоба, и ложь, и предательство, в конце концов, проистекают от того же источника. Потому-то Просвещение, дисциплина ума и духа являются той спасительной панацеей от всех разрушений. Пусть не сетуют на нас, что нам приходится повторять такие истины, за которыми стоят десятки тысячелетий, но современное состояние мира, так явно потрясенное, заставляет нас и повторять это, и собираться вместе, чтобы свидетельствовать сердцем своим, насколько мы желаем строительного Блага.

Одевать ли нам траур по причине всех потрясений? Это было бы чем-то тоже от ветхого мышления. Тот, кто устремляется к Действительности, очень далек от траура и от отчаяния, он преисполняется напряжением. Он знает, что, усиливаясь призванными, собранными энергиями, он делается нерушимым, если сердце его устремлено ко Благу. Этот радостный строитель знает, что есть огонь сердца, и знает, что если этот могущественный талисман засиял, то и самая чернейшая тьма будет прободена и рассеется под лучами Света.

Во имя Света вы и сошлись сегодня. Во имя радости Духа вы хотите узнавать друг друга и укрепляться обоюдно. Во имя Культуры и всего Прекрасного вы идете радостно по горным тропинкам и даже благословляете острые камни, ибо по гладкой поверхности вы и не могли бы подняться к Высотам. Если бы не было потрясений, если бы не шумел уже Армагеддон, может быть, вы, друзья наши, и не сошлись бы.

Повседневное благополучие не есть рассадник подвига и героизма. Без бедствий мы не имели бы множайших прекрасных примеров истории. Если бы препятствия не закаляли меч и щит героев, то теперь человечество было бы лишено многих благодетельных достижений. Аэропланы готовы к полету, надводные и

подводные сообщения открыты. Сотысячный тоннаж к услугам, и радио кричит по всему миру, а может быть, и далеко за пределы его. Значит, одна из подробностей достижений уже налицо. Стоит только согласиться на том, чем, видимо, нагрузить воздушных и водных птиц железных и что вложить в уста радио.

Просвещение, Просвещение, Просвещение, Знание, Мир, Красота! Что бы ни сказали те, которые боятся каждого большого понятия, что бы ни шептали разлагающие разрушители, но вы, сошедшиеся во имя Прекрасного, не убоитесь никаких шепотов и злоречия. Пламя костра освятило подвиг Св. Жанны д'Арк; тернии высокого просветительного пути Св. Сергия стоят, как сверкающие памятники человеческого достижения, и зовут, и показывают, что решительно все, даже самое высокое, возможно здесь, в нашей земной жизни.

И вот в пределах земных и надземных будем сходитья вместе в твердом убеждении о совместной работе на Просвещение. Каждый по-своему, каждый в своем саду пусть посадит лучшие деревья и каждодневно поливает посадку, чтобы не засохли побеги от бездождья. И в каждодневности этой будет та же великая радость, которая и сегодня сводит нас вместе.

А там, где сияет великий Магнит сердца, там и умножаются силы. А ведь Благодать берется усилиями. Эти же благие усилия превращаются и в Праздник, на котором требуется множество огней, чтобы рассеять глубины тьмы. Вот и улыбнемся и зажжемте эти огни радости, оставим зверям все ссоры и пререкания. Вы же устремитесь ко Благу в сиянии вдохновляющего труда.

Будьте вместе, будьте дружны и растите ваши сады прекрасные!

*Урусвати.
Март, 1932.*

V

ЖЕНСКОМУ СЕРДЦУ

Трехмиллионному воинству Федерации женских клубов в Америке

Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце. Истинно, когда злоба измельчает решение разума, только сердце находит спасительные исходы. А где же то сердце, которое заменит сердце женское? Где же то мужество сердечного огня, которое сравнится с мужеством женщины у края безысходности? Какая же рука заменит успокоительное прикосновение убедительности женского сердца? И какой же глаз, впитав всю боль страдания, ответит и самоотверженно, и во Благо? Не похвалу женщинам говорим. Не похвала то, что наполняет жизнь человечества от колыбели до отдыха. "Кому же давали венки? Издревле венки давались героям и были принадлежностью женщин. И женщины древности, в гадании, снимали эти венки и бросали их в реку, при этом всегда думая не о себе, а о каком-то другом". Если венок-венец есть символ геройства, то именно запечатление этого геройства, именно, когда он снимается во имя чего-то или кого-то другого. И это не только бездеятельное самоотвержение. Нет, это действенный подвиг! И опять не будет похвалою, но действительностью, когда мы сопоставляем женщину с подвигами.

Ушло средневековье с унижением и умалением женского достоинства. Люди опять осознали грядущую эпоху Матери Мира. И опять меч подвига в руке Жанны д'Арк. И опять сияние, но не зарево костра, а пылание сердца. Сколько тьмы, сколько уродливых порождений злобы и невежества сожжет это сердце пылающее! Сколько пошлости, сколько безумных умалений достоинства человеческого сметет луч сердца женского, осознавшего венок-венец, ей врученный.

Когда мы говорим о Культуре, разве мы не имеем в виду прежде всего женщину, которая неудержно, широко понесет Знамя утонченной, возвышенной Культуры во все концы, от колыбели до трона.

Когда в доме трудно, зовут женщину. И в телесных, и в духовных болях призывают именно ее. И кому же произнести это слово “трудно, тяжело”, как не к женщине?

А ведь сейчас трудно, очень трудно в большом доме планеты. Смутился дух человеческий, смутился во взаимовредительстве. И даже сами силы природы словно бы возмутились. Землетрясения, извержения, потопа, смещения климатов, — все вносит еще больше смущения и в без того смятенный дух человеческий. Но история знала такие периоды, и человечество уже знает и панацею в бедствиях этих. И эта панацея — Культура. Там, где рука и мозг обессиливают, там непобедимо сердце, а сердце есть Держава Света, есть средоточие Культуры.

Ваше трехмиллионное воинство женское одобрило и приняло наше Знамя Культуры и Мира. Сердце женское живет не одними словами, но подвигом. Так было во всей истории человечества. Потому понимаем, что, одоблив и приняв Знамя Культуры и Мира, женщины и понесут его так же действенно, как может пылать священным огнем женское сердце.

Не только благодарить хочу Вас, женщины, — воинство Матери Мира, за принятие Знамени Культуры и Мира. Но настоящим хочу отметить исторический факт, как три миллиона женщин Америки поняли и приняли Знамя Культуры как нечто неотложное и нужное во общее спасение, в воссоздание традиций Света и Красоты.

Радостным будет для меня день, когда мне доведется быть лично на собрании Вашем и лично приветствовать Вас, но пока от гор Гималайских позвольте послать Вам мое сердечное сотрудничество, Вам, воинству Матери Мира!

Особенно драгоценно приветствовать все действия во имя Культуры. Не могу не выразить моих лучших чувств за все ваши фактические выступления, так необходимые, когда все, относящееся к области Культуры, к области Искусства и Знания, подвергается особым утеснениям.

В огрубении нравов люди иногда доходят до кощунственных восклицаний: “К черту Культуру — деньги на стол”. При этом они не хотят осознать, что даже и деньги, как таковые, иначе говоря, благосостояние, пришли лишь из источника Культуры. Попробуем на минуту вынуть из мира все открытия, все мудрые и прекрасные творческие достижения, и мир неминуемо погрузится в темноту обнищания в полном значении этого слова.

Мы не устанем твердить, что эпохи расцвета, эпохи возрождения, эпохи благосостояния вытекали из благодатных источников Культуры. Пытаться разъединить так называемую материальную жизнь от всех прекрасных завоеваний Культуры, это значило бы пытаться представить себе живущего человека без сердца.

Не мне говорить это вам, которые, конечно, согласны с этим, ибо иначе вы бы не действовали во имя Культуры. Но при каждом случае мы обязаны напитывать пространство императивным зовом, сердечным молением о Культуре, ибо тем самым наполняется резервуар источников, питающих высшую человеческую энергию.

Однажды какой-то женский голос в печати заподозрил меня в лести после моих обращений к Женщине как Носительнице Заветов Культуры. Меньше всего будет лести или преувеличения в том, что все-таки именно женщина от очага до правительства насаждает основы Культуры. Какая же лесть в том, если мы не забудем, что первое слово о Культуре ребенок в той или иной форме услышит от матери. Какое же преувеличение в том, если мы не забудем, что именно женщина наиболее самоотверженно, без личного эгоистического начала вносит культурные

основы в строение как своей малой семьи, так и великой семьи народов.

Утверждать действительность не есть преувеличение, это есть лишь отмечание ступеней, уже пройденных, чтобы тем сознательнее и легче были ступени будущего. Сказано мудрым: “Мир без женщины есть скала, лишенная цветов”. В этом безымянном Завете не может быть ни лести, ни преувеличения. Тем более, что общеизвестно: “Если бы лишить землю цветов, то две трети ее жизнеспособности исчезнет”.

Потому будем брать действительность так, как она есть. Эта же действительность ежедневными сообщениями говорит нам, что, несмотря на огромные достижения культурные, уже добытые человечеством, многие из них остаются недостаточно осознанными в известных кругах. Если грамотный человек, претендующий на цивилизованное состояние, может посылать культуру к черту, значит, он вообще не дошел до степени цивилизации.

Каждому из нас в своей области, к сожалению, приходится встречаться с подобными заявлениями, в большей или меньшей грубой форме. Кто-то мечтает о возобновлении подавленной торговли, не желая вспомнить, что без широких умозрительных соображений Культуры не может оживиться и оборот международный, как мысленный, так и товарный. Невозможно считать торговые, финансовые и всякие материальные соображения вне соображений общекультурных.

Те, кто, вопреки очевидности, считают все проявления Культуры роскошью, просто устарели и окаменели, ибо даже древнейшие писания могли бы напомнить им, как высоко и жизненно ставились вопросы действительного образования и расширения кругозора.

Часто на словах мы не прочь объединяться, мысленно протягивать руку дружбы и сотрудничества, но как только доходит до дела, как откуда-то вдруг появляются всякие ископаемые злостные соображения и люди наполняются вновь разрушительным и разлагающим пароксизмом. Потому-то, видя ваши действенные устремления во имя Культуры, и хочется приветствовать их как самое нужное, как панацею против всей современной подавленности, порожденной умертвлением Культуры.

Эта же распространенная сейчас подавленность действий и духа неминуемо отражается и на умозрении молодых поколений, потому каждое действие во имя Культуры, необходимое всегда, сейчас становится истинным спасательным кругом во время гибельной бури.

Опять-таки без всякого преувеличения, сейчас каждый говорит о происшедшем кризисе. Потому не будет преувеличением обращаться к источникам истории, говорящим нам совершенно определенно, каким образом целые нации миновали надвигавшиеся кризисы, обращаясь к благодетельным истокам Культуры.

Знаю, что вы согласны в этих мыслях; знаю, что, несмотря на всяческие трудности и противодействия, вы боретесь за панацею Культуры и у очага, и на всех ваших просветительных поприщах. Правда, “трудности заключают в себе и новые возможности”, если только эта древняя истина осознана и приложена к жизни.

Итак, еще раз шлю вам мой лучший привет в борьбе и сотрудничестве во имя Культуры.

Гималаи. 1932.

VI

ЭКСПЕДИЦИЯ СИТРОЕНА

Возвратилась вторая экспедиция, устроенная Ситроеном. Получили мы газеты с первыми сведениями о результатах. Видели первые снимки второй выставки привезенных экспонатов. Сердечно мы пожалели потерю экспедиции в лице ее безвременно погибшего начальника Харда. Но и порадовались, что остальные

участники этой экспедиции в лице Луи Одуэн-Дюбрейль, Ж. Хакен, О. Тейяр де Шарден и другие вернулись невредимыми и привезли новые поучительные отчеты. Мы радовались, слыша о прекрасных новых рисунках Яковлева. По себе знаем, насколько трудны такие пути и как нужно ценить каждую удачу в этих отважных достижениях.

После этой второй экспедиции, устроенной Ситроеном, нельзя не подвести некоторый итог и отметить своеобразие этих предприятий. Мы не видели первой выставки, результатов Африканской экспедиции, но зато знаем и отчеты о ней, и превосходное издание путевых работ Яковлева, выразившего неповторяемый характер пройденных стран.

Обе экспедиции, как Африканская, так и Азиатская, вызывают определенные соображения, так нужные при современных движениях культуры. Рассматривая состав экспедиции, можно радоваться необыкновенно удачному и разнообразному подбору сотрудников по всем специальностям. Каждая отрасль была представлена одним из самых живых и характерных в ней деятелей. А ведь это случается не часто, и каждый знает, что подобрать такое многообразное созвучие нелегко.

Мы знаем о многих экспедициях, которые не только не доходили до цели, но разваливались по пути, вследствие непростительного человеческого взаимного антагонизма. Но в случае экспедиции Ситроена мы видим не только преоборение трудностей, но и живой, убедительный, многообразный результат.

Автомобиль, как одно из самых могучих средств сообщений, в этом случае напомнил, что он явился объединяющим предметом для изысканий научно-художественно-культурных. В этом смысле привхождение индустриального фактора, как объединительного и соединительного звена, является прямо драгоценно.

Задачи Культуры, о которых сейчас так много говорится, требуют и своих современных выражений. Культура, как таковая, исключает всякую завистливую антагонистическую сепарацию. Если верхи цивилизации и высшие области Культуры, прежде всего, являются синтезом всех завоеваний человеческого гения, то ведь и средства к выполнению этих расширенных задач должны быть поистине современны. Именно широкие горизонты Культуры, как поднятие общего уровня мышления, зовут нас ко всем современным открытиям и усовершенствованиям.

Мотор, радио, телевидение, все подводные и надземные сообщения должны вести к взаимопониманию и объединению. Именно коллективные экспедиционные задания так особенно ярко выразились в экспедициях Ситроена и могут напоминать нам о задачах сотрудничества, основанного не на туманных отвлеченностях, но на открытиях сегодняшнего дня. Посетители выставок Ситроена, читатели отчетов об этих экспедициях будут благодарны за то коллективное целое, что живо переносит их не только в другие страны, но и действительно расширяет их сознание своим многообразием.

Когда-то, как замечательно было отмечено у Анатоля Франса, люди боялись всякого синтеза, всякого обобщения и тем упирались в неминуемое ничтожное, ожесточенное разобщение. Вся культура последних дней, как в ее индустриальных проявлениях, так и в духовных поисках, стремится к выражению истинной кооперации. Человечество усиленно ищет формулы, на которых можно бы сойтись для мирной, созидательной работы. Все новые Конференции, новые Общества, Учреждения в той или иной мере имеют в себе эту задачу культурного объединения и взаимопонимания.

Если раньше могло казаться, что культурное объединение может выражаться преимущественно в каких-то областях, научных или художественных, то сейчас особенно делается ясным, что эти объединения гораздо шире отдельных областей. Они выражаются в общем подъеме уровня мышления в смысле общенародного творчества во всех областях жизни.

Вот во имя Культуры, от лица Лиги Культуры и хочется благодарить все

предприятия, подобные просвещенным заданиям экспедиции Ситроена. Именно хочется благодарить и самих вдохновителей, строителей и сотрудников всех подобных предприятий, которые своими самоотверженными трудами шевелят человеческое мышление и, конечно, возводят его на новую ступень. Без этих отважных находений человечество опять погрязло бы в рутине каждодневной вульгарности. Мы знаем все трудности передвижений и по горным тропам, и по пескам Такламакана, и по льдистым нагорьям.

Мы встречали на путях много доброжелательных местных рассказов о замечательном исследователе Свен Гедине и воспоминания о Пржевальском, и о миссии Пельо, и о многих, приносивших из глубин пустынных новые соображения, новые толчки человеческой мысли.

Не будем жалеть, что поэтический верблюжий караван уступает свое место мотору, аэроплану, железным путям. Не будем огорчаться, что “длинное ухо” Азии передает свои возможности телеграфу и радио. Но будем думать, что все эти усовершенствования уживутся не только с цивилизацией, но и войдут благостно в Культуру, не обесценивая никаких духовных ценностей.

Ревниво оберегаемая наука, чем скорее она распространится, тем она принесет больше блага. Правильно истолкованные народные предания и тысячелетняя традиция в новом свете исследований дадут лишь новые блестящие возможности, и, при истинном сотрудничестве, не может возникнуть ничего враждебного, ничего мешающего или умаляющего. Все разрушительное и разлагающее останется в пределах невежественности. Но каждый шаг кооперации и объединения будет означать движение к истинному просвещению.

Эти соображения являются, когда мы видим перед собою коллективные труды последних экспедиций. Хочется поблагодарить устроителей и участников их за ту бодрость мышления, которую несомненно вносят они в человеческое сознание, сейчас так смятенное и так утесненное. Ведь поистине новым шагом к прогрессу будет то обстоятельство, что самые последние усовершенствования подали руку науке и искусству. Это коллективное творчество дает ту бодрость духа, в которой так нуждается молодое поколение. Искренний привет!

Кейланг. 1932.

VII

СЛАВНОЙ ЕРМАКА ГОДОВЩИНЕ!
ВСЕМ СИБИРСКИМ ДРУЗЬЯМ!
ВСЕМ СЫНАМ СИБИРИ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ!

Когда в последний раз плыли мы по быстринам Иртыша, сказал нам рабочий гранильщик: “Вот здесь потонул наш Ермак Тимофеевич. То есть не он утонул, но тяжел был доспех и унес вниз нашего богатыря”. В глазах сибиряка не потонул Ермак. Не мог утонуть богатырь.

И не только слава Ермака жива, но жив и он сам в сознании Сибири. В Кырлыке, на пути к Уймону, шаман толковал о добром Ойроте, вестнике Белого Бурхана. Появляется Ойрот на белом коне и возвещает: “Саин Галабынь судур!” — знак доброй эры! Но старик старовер улыбнулся: “И вовсе это не Ойрот, а Ермак Тимофеевич ободряет край наш. Это он Камень бережет”.

Камень! И вся страна — камень великий, адамант драгоценный! Будет ли он Тигерец? Или Котанда? Или Ак-кем? Или Карагай? Или Студенец? Все-таки камень.

И древняя мудрость перенесла в Сибирь — драгоценные горы Сумир, Субур, Сумбир, Сумеру. Там “кузнец кует судьбу человеческую на серебряных горах”. Белы снега и бело серебро самой Белухи-матери. И разноцветны травы превыше всадника. И звучит все Беловодьем. Истинно Звенигород. Да будет!

“Между Иртышом и Аргунью. Через Гобь, через озера соленые. Через Кокуши. Через Богогорше, по самому Ергору едет всадник”.

Не малы пути сибирские. Велика их мечта. Велико им сужденное. Страна Белого Бурхана, страна доброго Ойрота. Страна Шамбатона. Страна Чуди подземной. Страна кузнецов Курумчинских, ковавших коней всех великих путников от восхода и на закат.

Можно ли помянуть Ермака Тимофеевича, не вспомнив о Сибири самой? Размахом путей сибирских измеряется и путь Ермака, претворившего сказание в жизнь.

И знамя Ермака в Омском соборе, конечно, несет на себе лик Св. Георгия. На том же белом коне, в бессменном доспехе ратном Святой воитель провел Ермака по многим стремнинам, сделав не чаянное возможным.

Странно бы говорить о всемирном значении Сибири. Оно известно всем школьникам. Иноземцы, разглядывая карту Сибири, лишь спрашивают, а верны ли промеры? Так озадачивает сибирская беспредельность! Говорить еще о камнях-самоцветах, о рудах и открытых, и еще неизведанных, писанных и не писанных? Сказать ли о лесах, о скотоводстве, о промыслах, о земле? Называть ли великие числа и меры, которые все же не ответят действительности?

Сегодня позволительно не вычислять, не уместовать, не расчленять земными мерами, но повелительно праздновать годовщину Ермака. Повелительно отставить все разделения и сойтись в память великого духа, не убоявшегося, не размельчившего, не давшего нам зов великий и созидательно призывающий.

Как колокола Звенигорода, как святыни Китежские зовут, и очищают, и велят идти к преуспению, так же пусть и этот день свидетельствует о клятве строительства доброго. Не можем сегодня же не помянуть и Святого Хранителя всех твердынь Китежских, всех Лавр Духа преподобного Св. Сергия. Сама необъятность сибирская приближает сегодня всех борцов подвига, просвещения и мужества несломимого.

Будем праздновать день Ермака. Радостно вспомним, что во всех просторах сибирских это имя, как стяг, звучит неутомимую бодростью. Радость суждена не часто. Многое пытается затемнить сужденные просторы. Не всякий доспех годился и могучим плечам Ермака. Но он нашел по себе и меч, и куяк, и бахтерец, ибо хотел найти. Сердце указало Ермаку путь, ибо сердце знает пути начертанные.

Разве случайно сроки напоминают нам имя Ермака? Разве этим именем не дается еще мера строительству и всем подвигам-поискам Блага? Ведь для укрепления духовного посылаются знаки, лишь слепым невидимые.

Если бы сегодня мы прозрели во благе сотрудничества, разве это не был бы истинный праздник? И разве среди потоков слез нельзя было бы возрадоваться подвигу?!

Не открывать Ермака, не открывать Сибирь, нельзя открыть открытое, но для праздника сошлись мы сегодня. Пусть этот мощный праздник наполнит все молодые сердца трепетом подвига, горением строительства и клятвою сотрудничества. Хотя бы в праздничные памятные дни будем вспоминать о дружелюбии, о труде совместном.

Сейчас, когда мировые трудности прежде всего обрушиваются на культуру, на все просветительные возможности, найдем же в сердце своем силы побыть вместе, побыть дружно и помыслить о великом, о славном. Переполнилась мера разделений; просторы сибирские напоминают о непочатости труда. Когда же и вспомнить о труде непочатом, как не в праздник, дающий нам советы строительства.

Мой покойный дядя профессор Томского университета Коркунов еще в детстве моем звал меня постоянно на Алтай. “Лучше приезжай скорей, — писал он, — все равно на Алтае побывать придется”. Действительно так!

Затем в 1919 году молва похоронила меня в Сибири, и служба в Иркутском соборе была отслужена. Даже так необычно влечет к себе Сибирь Великая.

Хотелось бы быть с Вами сегодня. Хотелось бы говорить о стяге Ермака, о Беловодии, о Белухе, о самом Ергоре. Но из Азии шлю Вам, все друзьям, мои

лучшие приветы. О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев. Кукушка отсчитывает сроки. Дятел твердит о неустанности. А Сафет — белый конь — напоминает о конях Ойрота, и Ермака, и самого Св. Егория. Празднуем сегодня со всеми Вами и бьем челом на сотрудничестве. Велик был поклон Ермака всею Сибирью. Велик был заклад, велик и подвиг. Праздник, славный праздник сегодня.

Гималаи. 1932.

VIII

СПИНОЗА

“Сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь” (Исаия XXI, 11).

Среди этой ночи сознания человеческого, до зари задолго, бодрствует на плотинах Голландии неусыпное мыслетворчество Спинозы.

В темноту вопрошает оно: “Почему материя не достойна природы божественной?”.

Единый разрыв вещества материи, оградившей Голландию, грозит гибелью всей страны, ибо “хаос” океана поднимется выше уровня, законно проявленного. Как же умалим материю, проявленную великим мыслетворчеством? Где закон умаляющий, отвергающий? “Камень, который отвергали строители, делается главою угла”.

Не собираемся открывать Спинозу. Как же открывать давно открытое, проникшее в лучшие умы? Но к знаменательному сроку радостно напомнить о мудреце, о носителе сокровища мысли, открывшей еще один канал прекрасного синтеза.

Случайно ли само время напоминает о славных достижениях мысли? Среди дрожаний, блужданий, разочарований слабых духом вдруг, как метеор дальних миров, поражает своею очевидностью реальность крупнейшей, самоотверженной личности, которая дает уроки понимания жизни, выношенные и очувствованные.

Суровый лик Испании, родины семьи Спинозы, тяжкая судьба соотчицей Марранов, легенда Сабаттая Цеви, вспышка Уриэля да Косты, трагическая кончина первого учителя, знакомство с Бэконом, Декартом, Гоббсом, Джордано Бруно, де Виттом, этими искателями истины, понесшими на себе тяготу окружающего невежества, все это складывает основной ключ жизни мыслителя.

Не раз зреют злоумышления против жизни его; в Гааге, где теперь высится статуя Спинозы, мыслителя принимали за французского шпиона. Возмущенный убийством друга своего де Витта, Спиноза хочет прикрепить к месту убийства надпись: “ultimi barbarorum”; в этом крике души рыдает глубокая боль сердца.

Трагичность является несомненным спутником искателей, находчиков кладов, прикоснувшихся к тайне. Но она-то и несет в себе ту магнетическую убедительность, которая складывает ведущую и зовущую легенду истины. Имя Спинозы овевая тою героическою легендою, которая еще прочнее утверждает глубину и насущность выводов его мышления. Необычность самой жизни мыслителя, преоборение им человеческих слабостей и условностей, все эти вехи и светочи или факелы скорбно-торжественного шествования, — делают облик Спинозы озаренным тем светом, который создается лишь мощью мысли и звучанием сердца. Мудрец знает, что утро наступит нескоро, но не страшится выйти в путь ночью, может быть даже беззвездною ночью, и слышать во мраке угрожающий рокот океана.

“Думайте еще шире! Думайте еще лучше! Не упустите из мышления вашего ценное вещество. Не смейте умалить то, что вызвано из хаоса непроявленного великою мыслью”.

Когда человечество теряется в тупиках им же самим вызванных кризисов и материальных, и духовных, часы судьбы выстукивают сроки и напоминают о

великих ликах, действенным примером запечатлевших утверждения свои. Именно тогда, когда человечество так боится потрясения своего эфемерного, призрачного стандарта, тогда является напоминание о тех, которые не могли быть удержаны никакими плотинами и по светлым мостам взойти от Амстеля на Вальгаллу Высшей Материи. Когда осколки землетрясений как бы заграждают пути, тогда являются вестники трансмутации мысли в материю и материи в мысль, узнавая даже мыслевесомость.

Возражатели Спинозы говорят о частностях, толкуя слова, не хотят видеть ценности основного направления мысли. Нет хуже, когда из множества последовательных знаков вырываются отдельные фигуры, и, потрясая ими, кто-то старается что-то опровергнуть, в рвении нарушая течение мысли. Из самых ценных скрижалей можно сложить очень странные фигуры.

Тот, кто утверждал еще одну великую ценность, тем самым уже обогащал возможность эволюции; тем самым он уже делался светлым почетным гостем за трапезой культуры.

Увядание, разложение или укрепление и цветение. Нет середины. Цветение суждено мыслям Спинозы. Не случайно тянется к ним столько молодых сердец. Не к отвлеченному, но к действительному идут сердца молодые. Они чувствуют, где жизнь.

Спиноза утверждает, что “наука имеет одно назначение, к чему стремятся все отрасли ее, а именно высшее совершенствование человечества”. “Те, кто отрицают, что человек может достичь добродетели и истины, тем самым отрицанием они уже лишают того сами себя”.

“Истинное познание возникает лишь через сущность вещей или через знание их “proximate causa”.

Не забудем, что Спиноза стремился к “такому нахождению и овладению, которое доставит радость постоянную и высшую в вечности”, к тем “чистым и ясным мыслям, при которых страсть перестает быть страстью”. Этим самым Этика перестает быть отвлеченностью и делается путеводною звездой радости, в истинно жизненном приложении.

Эти напоминания объясняют, почему имя Спинозы притягательно для молодежи. Не только седина сочувствует и содействует, но и молодое сердце содружески трепещет, слыша о радости вечной.

В орбите тех же счастливых находений вращаются многие славные имена, почти современные Спинозе: Кеплер, Галилей, Лейбниц зовут в миры дальние. По тем же берегам Амстеля в те же часы проходит и другой волшебник света, Рембрандт, по-своему решая “радость высшую в вечности”.

Говоря о цветении мысли Спинозы, нельзя не вспомнить о нашем Центре Спинозы в Нью-Йорке, о радующей молодой группе, собравшейся во имя великого мыслителя. Вспоминая эту сотню молодежи, устремленную ко Благу, к очищению жизни мыслью, всегда почувствуете сердечное трепетанье и пожелаете послать им привет к успеху их общений. Им ведь тоже нелегко, как нелегко было и самому мыслителю, как нелегко всем светлым. Но ведь для трансмутации мысли требуется большой огонь и мощное напряжение. Трудноплавков графит, отмечающий мысль, но зато он, при мощном огне, даст алмаз.

Спиноза радовался, следя за кольцами Сатурна, следуя к дальним мирам, но он изучал и законы земные, как равновесие основ.

Говорит рабби Гамалиель: “Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит”. А рабби Иегуда добавляет: “Не учащий сына своего художеству, готовит из него грабителя на большой дороге”. Спиноза, зная искусство тонких линз телескопных и достигнув значительного совершенства в рисовании, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Не однажды Спиноза получал денежные предложения взамен хотя бы

немногих уступок в суждениях, но стоически он отвергал их.

Не раз он был под угрозой убийства или разгрома всего имущества. Но могла ли невежественность злобы остановить поток мышления? Чтобы не причинить опасности домовладельцу, он обещает выйти добровольно к убийцам, если придут убивать его. Не тем же ли благородством духа звучит и отказ Сократа бежать из тюрьмы? Или история темницы Оригена-Адаманта? И не напоминает ли это и другие Великие примеры? Спиноза просит друга своего не переводить его трактат на голландский язык, чтобы избежать запрещения. А это разве не вызывает разные великие античные и современные сопоставления, когда так же слова Блага возвещались невежеством как “опасный яд”.

Путеводно для духа человеческого высятся веки мужества познания, неподкупного благородства, и в сужденный час, среди зарослей бурьяна невежества, духовные очи людские, вострепнувшись неземными огнями, узревают и восклицают:

“Еще одна колонна указов царя Ашоки найдена”, “Открыта еще одна стела законов Хаммурапи!”.

Цари-Первосвященники-Первомудрые-Первоумудренные! Князья духа, ваши стелы, радужные слезами соли и радости, хранятся нерушимо для новых познаний.

В час трехвековой, люди с новым благостным вниманием обратятся к обновленно-продуманному облику Спинозы, и еще раз возрадуется расширенное сознание, ибо чары мысли не увядают. Конечно, истинные ценности с трудом находят себе место; вместилища стандартные невместны для них. Засоренному глазу болезненно приоткрыться; а может быть, и не соринка, а бревно целое мешает!

Вспоминается следующий поистине “исторический” эпизод.

Когда нашли мумию фараона Рамзеса Великого, то завернули ее в газетный лист “Temps” и привезли в Каир в извозчикьей карете. Таможенный чиновник взвесил ее на весах и, “не найдя соответственной пошлины в списке тарифов, применил к ней правило о ввозе соленой трески”.

Священные останки для древних — соленая треска для нас.

Уже не средневековье, но наше недавнее прошлое сопоставило священно почитавшиеся останки с соленой трескою. И разве мы можем приписать это невежество лишь прошлому? Ведь и посейчас скелет ввозится по тарифу поношенных вещей! Разве и сейчас не разрушаются устои культуры? Разве сейчас мы не пытаемся опять лишиться материи, великую Материю Матрикс, ее божественного начала? Разве не стараются невежды уложить все научные восхищения в гроб мертвых знаков?

Истинно, не случайно открылись теперь так многие книги мудрости, предостерегая, предупреждая возможность новых плачевных заблуждений. Истинно, не случайно само время сроками своими напоминает нам о героях, подвижниках мысли, принявших, подобно героям древности, яд мира!

Чем же праздновать трехсотлетие Спинозы? Чем же торжествовать друзьям его мысли? Лучше всего тем, что было бы близко самому мыслителю, а именно: творя радости вечные. Так и будем стремиться и найдем в этом творчестве света и доброжелательство, и обновленное сотрудничество. “Радость есть особая мудрость!”

О мудром не подобает кончать восклицаниями. Может быть, ближе всего будут запечатленные Платоном эпически ясные, жизнью подтвержденные слова Сократа, когда он испил яд, как искупительную чашу мира сего:

“Тот, кто в течение всей жизни отказывался от удовольствий и украшений тела как от вещей посторонних и могущих повести ко злу, тот, кто, стремясь к наслаждениям знания, украшал свою душу только свойственными ей украшениями: умеренностью, справедливостью, силой, свободой и истиной, тот может быть уверен в счастливой судьбе своей души; он может спокойно ждать часа своего ухода в другой мир, так как он готов отойти, когда ни позовет его судьба”.

IX

ГЕТЕ

“Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken”.

“Не будь глаз солнцеподобным,
Никогда он не увидел бы солнце”.

“Alles könne man verlieren
Wenn man bleibe was man ist”.

“Не беда всего лишиться,
Только б вечно быть собой”.

Солнцеподобность, мощь личности, эти знамена значения Гете сказаны им самим. Опять вовремя смятенному человечеству напоминает непобедимо прекрасный облик, в котором выражена вся сущность времени. Не нужно никаких прилагательных к выражению “время Гете”, или вернее “Эпоха Гете”. Имя Гете стало почетным гербом не только творчества, цельности мысли, глубины познания, мужества сознания, благородства чувства, — это имя действительно собрало в себе целую эпоху, полную сильнейших выражений духа. Стиль Гете не есть только стиль писателя — не только стиль сильного государства, но есть стиль эпохи. Ни волны моды, ни переоценки, ни новые достижения, ничто не касается гигантов, создателей, выразителей эпохи, как Гомер, Шекспир, Данте, Сервантес, Гете... Нельзя сказать, чтобы они были как вершины одинокие, ибо в них собрался дух времени! Они сделались сверхличностью, ибо олицетворили самое благородное нахождение эпохи. Гр. А. Толстой, проникновенно обращаясь к художнику, говорит, вспоминая образы Гомера, Фидия, Бетховена, Гете:

“Нет, то не Гете великого Фауста создал,
Который в древнегерманской одежде,
Но в правде великой вселенской
С образом сходен предвечным от слова до слова.
Или Бетховен, когда создавал он свой Марш
похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих душу аккордов?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном
пространстве.
Он же глухой для земли неземные подслушал рыданья.
Будь слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же духовный сильней напрягай и духовное зреньё.
И как над пламенем грамоты тайной неясные строки
вдруг выступают,
Так выступят вдруг пред тобою картины.
Станут все ярче цвета, осязательней краски.
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.
Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье.
И созидая потом, мимолетное помни виденье”.

Такими словами писатель хотел показать всю неземную, нечеловеческую

сущность творений Гете. Многих тайных грамот великие строки открылись глазу Гете. Говорят о принадлежности Гете к тайным философским обществам. Не в том дело. Мало ли членов и всяких дигнитариев во всех обществах. Пламя духа, огонь сердца, великий Агни не рассудком, но чувствознанием ввел Гете в тайники вершин. Синтез никакими обществами не дается. Но знаменательно видеть, как Гете, как истинный Посол Истины, не уклонялся от жизни, но находил улыбку ко всем ее цветам. Ограничение не к лицу всеместившему духу.

Мышление Гете, по справедливости, можно назвать пространственным. В нем утверждалась личность, но было освобождение от эгоизма. Агни-Йога! Такое сочетание для малых сознаний даже невообразимо, но оно является верным мерилем потенциала личности. Знал ли Гете учения Востока? Вероятно знал, ибо романтизм не живет без Востока. Не дошло до нас, насколько Гете изучал сокровища Востока. Он не настаивал на них, но ясно, что он знал их; может быть, присущая ему всеобъемлемость открывала легко и эти знаменательные врата.

Говорят: Гете — Посвященный! Еще бы не посвященный, если в пламенных формулах мог прикасаться к самым священным камням, не обжигая руки.

Еще бы не посвященный в законы основ, если без страха проходил все ущелья, полные отсталыми и заблудшими путниками. Еще бы не посвященный, если не искателем, но носителем сокровища миров дальних прошел он свой путь.

У тайновидца Гофмана именно тайный советник архивариус оказывается духом огня.

Поистине Гете был действительным Тайным Советником, только не королевским, а общечеловеческим. Носил он этот чин с легкостью гиганта, который улыбается осколку утеса, упавшему на грудь его. Эта легкость несения нераспесканной чаши жизни поражает в прохождении крупнейших личностей. То, что иному стоило бы многих морщин, искривлений и вздохов, — для великана просто еще одна неизбежность, которую он встречает весело, чтобы спешить дальше. Сам Гете признается: “Мое стремление вперед так неудержимо, что редко могу позволить себе перевести дух и оглянуться назад”. В этом мощном несении чаши вспоминаются легенды о Христофоре через поток жизни. Как-то особенно солнечно нужно праздновать память Гете.

Как и многие другие, сшитые не по мерке стандарта, Гете для одних остается чуть ли не испытанным сановником, и для других неисправимым революционером. Для одних — устой, для других — потрясатель. Потрясающе само количество комментариев, толкований на Гете. Все разнообразие приписанного и потребованного от Гете дает размеры его творчества.

Конечно, такой ум не мог быть однообразен.

Гете кульминировал время Шиллера, Гердера, Бюргера, Винкельмана, Канта, Лессинга. Великое время и Франкфурт-на-Майне, хорошее место! Лейпциг, Страсбург, Вецлар, Веймар — все насыщено знаменательными встречами. Литература, искусство, наука, законоведение, государственные труды — весь комплекс жизни — лишь углубляют сознание Гете, нисколько не отягощая его могучих, творящих плеч. Всему есть время, всему есть улыбка.

Годы Италии. Дружба с таким же великим духом, с Шиллером: в противоположениях и взаимодополнениях куется неразрывная связь. Наконец, восьмидесятилетняя рука Гете кончает последние строфы Фауста как синтез жизни. Так считает сам Гете, говоря Эккерману, что он понимает остаток жизни как дар. И на следующий год Гете спешит в мир дальний.

Мировой дух “Weltgeist” Гете и, конечно, мировое единство есть его основа. Творчество и критика проявляются в творениях Гете в своеобразном сочетании “решить жить во всеобъемлемости, во Благости, в Прекрасном”.

Гете повлиял даже на Скотта в его “Айвенго”. “Коринфская невеста”, “Лесной царь”, “Бог и Баядера”, “Тассо”, “Эгмонт”, “Ифигения” вдохновили лучшие умы к переводам, переложениям и выражениям в музыке.

А “Мастер Вильгельм” незабываем как образ Культуры, Строения (Bildung) и многим дал жизненный урок.

Свободный от дидактики и сухой морали, давал Гете учения жизни во вдохновенных образах трогательного романтизма, собрав их в символе “Страданий молодого Вертера”.

“Weltanschauung” — мирозерцание Гете неповторяемо, ибо основано на его собственном неповторенном ритме насыщенного, неутомимого действия.

Влияние Гете не только глубоко во всех германских странах, но и в англосаксонских, и в славянском мире, и в Америке. “Nur rastlos bethätigt sich der Mann”. Лишь меняя работу нервных центров, подобно Вольтеру, он не знал, что такое отдых. Его “reine Menschlichkeit” не была чужда бессмертия, так же как “ewig Weibliches” всегда парило в чистых сферах восторга красотой. Вековой юбилей Гете должен быть праздником каждого расширенного сознания. Именно солнечным праздником! Гете близок Аполлону. Близок свету античности. Ключ его мажорный. Красивое представление, красивое издание, в прекрасном кожаном переплете, не ломающееся при первом открытии, с заставками и заглавными буквами. Непошленный народный праздник, на котором увенчивают благородного мейстерзингера. Так представляется годовщина славного, всем близкого Гете. “Лесной царь” и “Коринфская невеста” были темы одних из моих первых эскизов; и, конечно, Фауст ставился в нашем детском театре.

Гете. Вспоминаем своей учебный стол. Школьное издание Гетца и Вертера; вспоминаем все те хорошие, прекрасные мысли, зарождавшиеся от баллад Гете. Ни от одной из них не приходилось отказаться, и никогда не пришлось постесняться имени Гете. Один восторженный школьник недоумевал: отчего Вольфганг, зачем не Лео, ведь львиная поступь у Творца Фауста!

Не спорить о Гете, но должно радоваться о нем, укрепленными лучшими воспоминаниями. Другу наших духовных накоплений надлежит солнечный праздник.

Чем-то очень торжественным, и задушевным, и созвучным хочется сопроводить праздник Гете. В саду жизни он. И распустились лилеи Мадонны; там собираются внимающие. И от Соломоновой прекрасно-мудрой древности, от “Песни Песней” благоухает этот цветник жизни.

“Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? Куда обратился возлюбленный твой? Мы поищем его с тобою. Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в саду и собирать лилии”.

Урусвати. 1931.

VII

ПРЕКРАСНОЕ

I

ПОЗНАВАНИЕ ПРЕКРАСНОГО

Платон заповедал в трактатах о государственности:

“Трудно представить себе лучший метод воспитания, чем тот, который открыт и проверен опытом веков; он может быть выражен в двух положениях: гимнастика для тела и музыка для души”. “Ввиду этого воспитание в музыке надо считать самым главным; благодаря ему Ритм и Гармония глубоко внедряются в душу, овладевают ею, наполняют ее красотой и делают человека прекрасномыслящим... Он будет упиваться и восхищаться прекрасным, с радостью воспринимать его,

насыщаться им и согласовывать с ним свой быт”.

Конечно, слово музыка, в данном случае, мы не должны понимать в качестве общепринятого теперь музыкального образования в тесном значении. У афинян музыка, как служение всем музам, имела гораздо более глубокое и обширное значение, нежели у нас. Это понятие обнимало не только гармонию тонов, но и всю поэзию, всю область высокого чувства, высокой формы и творчества вообще в лучшем смысле.

Служение Музам было настоящим воспитанием вкуса, который во всем познает прекрасное. Вот к этому действительно прекрасному нам и придется опять вернуться, если только идеи высокого строительства не отринуты человечеством.

Гиппиас Майор (красота) диалога Платона не есть облачная отвлеченность, но поистине живущее благородное понятие. Прекрасное в себе! Ощутительное и познаваемое. В этой познаваемости заключается вдохновляющее, поощряющее напутствие к изучению и внедрению всех заветов прекрасного. “Философская мораль” Платона одухотворена чувством прекрасного. И разве сам Платон, проданный в рабство ненавистью тирана Дионисия, а затем живущий, восстановленный в садах Академии, не доказал примером своим жизненность прекрасного пути?

Конечно, и гимнастика Платона вовсе не современный нам футбол или кулачное антикультурное разбитие носов. Гимнастика Платона это тоже врата к Прекрасному, дисциплина гармонии и возвышение тела в сферы одухотворенные.

Мы говорили о введении в школах курса Этики жизни, курса искусства мыслить. Без воспитания общего познания прекрасного, конечно, и два названные курса опять останутся мертвою буквою. Опять в течение всего нескольких лет высокие живые понятия Этики обратятся в мертвенную догму, если не будут напитаны прекрасным.

Многие живые понятия древнего мира приобрели в нашем обиходе вместо, казалось бы, заслуженного расширения, наоборот, умаление и обеднение. Так обширное и высокое служение музам обратилось в узкое понятие игры на одном инструменте. Ведь когда вы слышите сейчас слово музыка, вы себе прежде всего представляете урок музыки, со всеми наслоившимися ограничениями. Когда вы слышите слово Музей, вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов. И, как всякое складочное место, это понятие вызывает в вас некоторую долю мертвенности. И это ограниченное понятие музея-хранилища, складочного места так глубоко вошло в наше понимание, что когда вы произносите понятие в первоначальном его значении, а именно Музейон, то никто уже не понимает, что вы хотите этим сказать. Между тем каждый эллин вовсе даже не самого высокого образования понял бы, что Музейон есть прежде всего Дом Муз.

Прежде всего Музейон есть Обитель всех родов Прекрасного, и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их. Потому часто вы можете слышать, что люди не могут понять, каким образом Музей, как таковой, может заниматься всеми родами Искусств, может заниматься воспитанием вкуса и распространением чувства Прекрасного, в существе.

В данном случае мы вспомнили Заветы Платона. Так же точно мы могли бы вспомнить и Пифагора с его Законами о Прекрасном, с его незыблемыми основами светлых мировых утверждений. Древние эллины дошли до того утончения, что возглавили свой Пантеон Алтарем Неведомому Богу. В этом возвышении Духа они приблизились к утонченно-несказуемому понятию древних индусов, которые, произнося “Не ти, Не ти”, вовсе не хотели этим сказать какое-либо отрицание; наоборот, говоря “Не То, не То”, они лишь указывали несказуемое величие неизносимого Понятия.

При этом эти великие понятия не были чем-то отвлеченным, чем-то живущим лишь в разуме и рассудке, нет, они жили в самом сердце как нечто живое,

живоносное, неотъемлемое и неистребимое. В сердце пылал тот же огонь священный, который слагал огненные Заветы и Синаитских отшельников. Тот же огонь сложил драгоценные облики Св. Терезы, Св. Франциска, Св. Сергия и отцов Добротолубия, многознавших и в конце концов мало понятых.

Мы говорим о воспитании вкуса как об акте действительно государственного значения. Когда мы говорим о живой Этике, которая должна стать любимым часом каждого ребенка, тогда мы и взываем к современному сердцу, прося его расширяться, хотя бы до размеров Заветов Древности.

Разве можно считать естественным фактом, что понятие, ярко выраженное уже во времена Пифагора и Платона, могло бы так сузиться и потерять истинное значение после всех веков так называемого развития. Пифагор уже в пятом веке символизировал собою целую стройную “жизнь Пифагорейскую”. Пифагор утвердил музыку и астрономию как сестер в науке. Пифагор, названный ханжами шарлатаном, — должен ужасаться, видя, как вместо стройного развития разбита и искривлена наша современная жизнь, не знающая прекрасного гимна солнцу — свету.

В наши дни даже в печати иногда сообщаются странные формулы, как, например, недавно сказанная формула о том, что расцвет интеллектуальности является признаком вырождения. Формула очень странная, если только автор не придает слову интеллектуальность какое-то особо суженное понятие. Если, конечно, мы возьмем интеллектуальность лишь как выражение одного условного засушенного рассудка, то, конечно, эта формула справедлива. Но опасно одно, а именно: не считает ли автор интеллектуальность как интеллигентность, которая должна быть связана прежде всего с воспитанием вкуса как действенного в жизни начала.

На наших глазах создалось на Западе новое перенятое слово — “Интеллигенция”. Сперва на этого новопришельца несколько косились, но затем оно вошло в литературу. Является вопрос, предполагается ли это понятие как выражение интеллекта или же оно по древним Заветам символизирует вообще сознательное воспитание вкуса?

Если оно есть символ сознания и утонченного, и расширенного, то будем приветствовать всякое такое нововведение, которое, может быть, еще раз напомнит нам о древних прекрасных корнях.

В письме о “синтезе” вспоминались различия понятий Культуры и цивилизации. Оба эти понятия достаточно обособлены даже в обычных словарях. Потому не будем возвращаться к этим двум последовательным понятиям, даже если бы кто-то и удовлетворялся одним низшим понятием цивилизации, не мечтая о Culture.

Но, вспомнив про интеллигенцию, позволительно будет спросить, принадлежит ли это понятие к цивилизации, как к выражению интеллекта, или же оно захватывает и высшую ступень, а именно входит уже в состояние Culture, в которой действуют уже сердце, дух. Конечно, если бы мы предположили, что слово Интеллигенция должно относиться лишь к стадии рассудка, то его не стоило бы вводить в новый обиход. Можно допустить нововведение там, где оно действительно вносит что-то новое или, по крайней мере, достаточно обновляет древние Заветы в рамках современности.

Конечно, всякий согласится в том, что интеллигенция, эта аристократия Духа, принадлежит к Culture, и только в случае такого объединения можно приветствовать это новое литературное понятие.

В таком случае воспитание вкуса, конечно, принадлежит прежде всего интеллигенции, и не только принадлежит, но является ее обязанностью, не выполняя которую интеллигенция не имеет права на существование и сама себя осуждает на одичание.

Воспитание же вкуса не может быть чем-то отвлеченным. Прежде всего это

есть действительный подвиг во всех областях жизни, ибо где же может быть граница служению Музам древних эллинов? Если древние понимали во всем действенном объеме это служение и приложения в жизнь этих прекрасных начал, то нам-то разве не будет стыдно, если мы в предрассудках и в ханжестве обрежем все лучезарные крылья огненно сверкающих ангелов.

Когда мы предлагаем Этику как школьный предмет, как предмет наиболее увлекательный, обширный, полный созидающих начал, мы тем самым предполагаем и преобразование вкуса, как защиту от безобразия.

Андромеда говорит: “И я принесла тебе Огонь”. И древний эллин вслед за Эврипидом понимает, какой этот Огонь и почему он так драгоценен. Мы же в большинстве случаев будем твердить эти вдохновляющие ведущие слова как фосфорную спичку. Мы наклеили высокое понятие фосфора — носителя Света на спичку и зажигаем ею наш охлаждающий очаг, чтобы сварить похлебку на сегодня. А где же оно завтра, это светлое, чудное Завтра?

Мы забыли о нем. Мы забыли, потому что мы утратили поиски, утратили утонченный вкус, который устремляет нас к улучшению, к мечтам, к сознанию. Мечты для нас сделались снами преходящими, но ведь не умеющий мечтать и не принадлежит к жизни будущей, не принадлежит к роду человеческому с высоким образом.

Даже та простая истина, что мечта о будущем есть первое отличие человека от животного, уже превратилась в трюизм. Но сам трюизм сделался не общепринятой истиной, как должно было бы быть, но стал синонимом истины, о которой не следует думать. Тем не менее, несмотря ни на что, даже во время самых больших трудностей не отложим мысль о воспитании вкуса, не отложим мысль о предмете живоносной Этики. Не забудем об искусстве мышления и будем помнить о сокровище сердца.

“Некий отшельник оставил свое уединение и вышел с вестью, говоря каждому встречному: “Имеешь сердце”. Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви и всех благах основах жизни, он отвечал: “Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится”. Действительно, можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Или где поместится терпение, если обитель его закрыта? Так, чтобы не терзаться непреложными благами, нужно создать для них сад, который откроется среди осознания сердца. Станем же твердо на основе сердца и поймем, что без сердца мы шелуха погибшая”. Так заповедуют Мудрые. Так и примем, и приложим.

Без неустанного познания прекрасного, без неутомимого утончения сердца и сознания мы сделаем и законы земного существования и жестокими, и омертвелыми в человеконенавистничестве. Иначе говоря, будем способствовать самой низменной гибели.

Сказано!

24 мая 1932. Гималаи.

II

ХУДОЖНИКИ ЖИЗНИ

Знаком красоты открываются врата запечатанные. С песней подходят к дикому яку, чтобы он, оставив свирепость, поделился молоком своим. Песнею укрощают коней. Песне змеи внимают. Знаменательно наблюдать, как целительно и возвышающе каждое красоты прикосновение.

Уже много раз приходилось писать о значении так называемых прикладных художеств. Много раз сопоставлялось так называемое высокое искусство с не менее значительным выявлением всех отраслей художественной промышленности. Даже страшно еще раз повторять о том, что пуговица, созданная Бенвенуто Челлини, не только не ниже, но несомненно выше множества посредственных картин и

кладбищенской скульптуры. Стары эти сравнения, казалось бы, уже не нужны эти напоминания, но сама жизнь показывает как раз обратное.

Во всех областях жизни по-прежнему остро отделена от общего понятия Искусства сфера “прикладного искусства”, остро заклеянного каким-то стыдным понятием “коммерческого искусства”. Вместо того чтобы постепенно осознавать единство существа творчества, человечество как бы стремится еще более мелко разграничиться и взаимно унижать друг друга. Казалось бы, совершенно ясно, что стиль жизни создается не только крупнейшими единичными творцами, но и всю массу художников прикладного искусства. Не всегда исключительные творцы создают характер костюмов, не всегда их рука протягивается к афише или к ювелирному изделию. По необъяснимой странности керамическое производство почему-то считается ниже скульптуры из мрамора, хотя очаровательные Танагры дали достаточный пример благородного народного творчества. По-прежнему вы можете услышать скорбное восклицание многих молодых людей: “Не могу существовать искусством, должен идти в коммерческие изделия”. Точно этим самым художник обрекает себя на неизбежную гибель, которая будто бы должна сопровождать всякое участие в жизненном искусстве. Какой же материал, какие же такие условия могут отнять у художника его сущность? Какие же такие требования могут заставить сделать что-либо нехудожественно, в любом проявлении жизни? Какой же такой предприниматель может истребить творческий огонь, неудержимо пробивающийся через все материалы? Для каждого предпринимателя, даже самого рудиментарно-нехудожественного, важно, чтобы его изделие было четко, ярко, убедительно и легко входило бы в обиход масс. В конце концов, которое же из этих условий отвратительно? Ведь и Рафаэль, получая свои заказы, тоже был руководим прежде всего условием убедительности. Именно условие убедительности вовсе не противоречит истинной художественности. Гоген из желания самовыражения расписывал двери и внутренность жилища своего на Таити. Врубель выражал свою “Царевну-Лебедь” на блюде. Бесчисленно множество примеров, когда самые разнообразные художники искали выражения в самых неожиданных материалах. Как мы уже говорили, сам материал, само изысканное качество его дает особую убедительность вещи. Зачем повторять те же самые примеры, которые были так многократно твердимы при разных случаях? Не рассуждение, но действия должны укрепить мысль, так нужную для культуры. Если мы приходим к выражению объединенности искусств, то тем самым мы утверждаем и необходимость теснейшего сочетания всех отраслей искусства в разных его материалах. Трудно, да и не к чему указывать последовательность необходимости этих мастерских, идущих рука об руку и с эскизным, и этюдным, натурным классом. Эту последовательность нужно предоставить самой жизни. В каждой стране, в каждом городе, больше того, в каждой части города есть свои особые запечатления жизни. На эти запросы и нужно ответить прежде всего. Около большой фабрики тканей нужно прежде всего дать рисунки и изучение техники этого производства. Около керамической и фаянсовой фабрики нужно помочь сочетать в тесном соседстве всякие жизненные выявления, подсказанные потребностями ближайшими. Между прочим, не нужно упускать из вида, что само физическое соседство этих мастерских будет несомненно помогать обоюдно, в своих неожиданных комбинациях подсказывая новые увлекательные решения. Открытый, не стесненный предрассудками ум преподавателя и широкая потребность к творчеству среди учеников дадут ту живую вибрацию, которая, не застывая в монотонности, даст мастерским бесконечное жизненное разнообразие и убедительность.

Еще одно благодетельное свойство имеет жизненное разнообразие выявлений. Оно закаляет дух и освобождает от ограниченности, которая так часто образует обитель страха. Но именно от страха должно прежде всего излечиться каждое творчество. В страхе оно не будет свободным, оно ограничит себя всякими цепями и забудет о благородной и победоносной дисциплине духа.

Давно повторено: от страха нужно лечиться! Нужно принимать сознательные меры, чтобы освободиться от всякого страха мелких потемок, низких призраков, при которых упавший с неба, небесным огнем пропылавший камень тускнеет. Потускнел он, закрылся, но ведь он может для всех быть прозрачным и сверкающим, этот Бэтил Света!

Египтяне называли художников, ваятелей — “сеенех”, т. е. “оживитель”, “воскреситель”. В этом наименовании явлено глубокое понятие сущности искусства. Как же безмерно расширяется оно, когда мы перенесем его во все проявления жизни, когда признаем в каждом украшателе обихода “художника жизни”. И сам он, этот истинный “оживитель” будней, восхитится силою новою, исполняясь творческим духом в облагораживании каждого предмета обихода. Уйдет из употребления стыдное, уродливое в самом себе понятие “коммерческого” искусства. “Художник жизни”, так назовем каждого благородного украшателя. Он должен знать жизнь, он должен чувствовать законы пропорций. Он создатель потребной формы, он ценитель ритма жизненного. Для него число, соотношение не есть знак мертвый, но есть формула Бытия.

Пифагор вычисляет и творит, в ритме воспевает, в ритме молится, ибо в числах, в ритме не только земная, но и небесная музыка — “музыка сфер”. Пифагору — математику вторит Св. Августин, богослов: “Pulchra numero placent” — “Числом пленяет красота”. Этот магнит чисел, пропорций, соотношений и технических созвучий, необходимый каждому украшателю жизни, исключает всякое унижение или раздробление великих творческих понятий.

Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты. Бережное, возвышенное выражение будет щитом всему жизненному искусству, часто загнанному в потемки подвалов. Страна, мыслящая о будущем, пусть бережет от мала до велика всех тех, кому она будет обязана оправданием своим на великом судбище Культуры. Облегчая судьбу этих строителей жизни, страна Культуры исполняет лишь основную заповедь Прекрасного, так красиво выраженную античным поэтом:

“Os homine sublime dedit coelumque tueri”.

“Чело человеку высокое дал, да горнее узрит”.

Высоким заветом утверждает Бхагавад-Гита многообразие творчества. “На каком бы пути ни приблизился ко Мне человек, на том пути и благословляю его”.

Гималаи. 1931.

III

МУЗЫКА СФЕР

Остановите ли Симфонию Сфер? Прекратите ли громы небесные? Заставите ли умолкнуть водопады и вихри? Велите ли замолчать всем птицам и кличам оленьим?

Умертвите ли все песни людские? Заставите ли замолкнуть все Божественные напевы и созвучия?

Какой ужас водворился бы на земле без Вышнего Звука. Даже нельзя себе представить, что произошло бы с природою, ибо звук и свет нераздельно связаны между собою. Но, по счастью, никто этого губительного варварства и не может сделать, ибо ничьи силы не дотянутся до симфонии сфер, которая будет звучать и будет возвышать дух человеческий к новым творениям.

Сколько прекрасных сказаний от самых древнейших времен утверждает значение божественных созвучий. В назидание всем поколениям оставлен миф об Орфее, чаровавшем зверей и все живущее своею дивною игрою. Даже змеи при музыке оставляют свое злобное намерение. Даже дикий як становится мирным и дает людям молоко свое, если они подойдут к нему с песней. Поучительно

сообразить, сколько прекрасных подвигов человеческих остались бы несовершенными, если бы они не были сопровождаемы вдохновляющим пением и музыкой. Без трубного гласа не рухнули бы Иерихонские стены.

В конце концов, нет такого дома, нет такой хижины, где бы отсутствовал звук, как возвышающая и успокаивающая гармония. Мы называем книгу другом дома, мы возвышаем глаз наш созерцанием прекрасных линий и красок. Разве мы не должны считать гармонию звука нашим водителем к мирам высшим? Невозможно представить себе никакой храм без созвучия голосов или инструментов. И царь Давид, Псалмопевец, создавал псалмы свои, имея в виду определенное их выполнение, инструментальное или голосовое. Не для молчаливой книжной полки царь-Певец создавал свои зовущие и поучительные псалмы. Именно, неслучайно звук так подчеркнут и в Библии, во всех древних Писаниях. Что же так тронет сердце человеческое, что же сделает его сразу и добрее и сострадательнее, вообще шире в объеме восприятия? Расширение сердца как всепонимание и широкая устремленность создают творчество во всех его проявлениях.

Мои милые Друзья! Говорю с вами теми же словами, как и со старшими, ибо сердце ваше так же точно, если еще не больше, открыто ко всему прекрасному. Своею непосредственностью, своею чистою улыбкою радости часто вы приближаетесь и вступаете необыкновенно легко в чертоги Прекрасного. Пусть же всегда, когда вы думаете о прекрасной гармонии, о возвышающей музыке, пусть же всегда забьется сильнее сердце ваше, предчувствуя, что для вас открываются еще одни чудесные Врата, которые укажут вам лучшую улицу вашего жизненного прохождения. Вы, конечно, любите музыку. Не только продолжайте любить ее, но постоянно утончайте это понимание, приближайтесь к ней, лично узнавайте ее больше; она откроет творчество ваше, напитает сердце ваше и сделает доступным то, что без гармонии и звука, может быть, навсегда осталось бы во сне. Смотрите на музыку как на раскрытие сердца вашего, а что же может быть и нужнее, и прекраснее, как не беспредельное в своей мощи и вместимости сердце?

Каждый из нас помнит прекрасную поэму “Бэда Проповедник”, когда камни хором грянули ответ на его зовущее слово. Если камни могут согласиться и стройным хором утверждать что-то, то неужели люди будут ниже камней? Будут в состоянии лишь ссориться и противоречиво болтать ненужные вещи? Соединяет людские сердца прекрасная симфония. Люди делаются не только слушателями, в сердце своем они становятся соучастниками прекрасного действия. И этот возвышенный зов ведет их к подвигу, к каким-то лучшим выявлениям жизни.

Пошлю вам, друзья мои, мысли о подвиге, о тех лучших выявлениях в жизни, которые суждены каждому из вас и только по непростительной небрежности могли бы остаться неявленными. Под лучшие звуки, в песне, и в труде, и в радости, спешите к сужденному Свету!

Гималаи. 1931.

VIII

ЗНАМЯ МИРА

I

КОНВЕНЦИЯ ЗНАМЕНИ МИРА

Друзья!

Приветствую вас, сошедшихся во имя священного дела Мира. Не случайно мир мыслит о мире, ибо, действительно, вражда и взаимная ненависть дошли до

предела. Нарушение творческой жизни увлекает поколения в бездну одичания. Никакие поверхностные признаки цивилизации не скрывают одичание духа. В этой вражде, среди земных смятений, разрушаются истинные ценности, творения духа человеческого. Не будем оглядываться назад, где столько плачевных примеров, когда людям приходилось писать памятные слова: “Разрушено человеческим неведением — восстановлено человеческою надеждою”.

Именно ради этой надежды человечества на лучшее будущее, на истинный прогресс духа необходимо охранить истинные ценности. Не буду напоминать историю нашего Пакта, над которым работало несколько Комитетов, Международный союз и две международные конференции. Несомненность нашей мировой идеи подтверждается существованием Красного Креста. Если Красный Крест печется о телесно раненых и больных, то наш Пакт ограждает ценности гения человеческого, тем охраняя духовное здоровье.

Мир всячески мыслит о мире. В каждом мирном предложении заключается стремление к тому же мировому прогрессу и благосостоянию. Каждый на своем языке повторяет благую формулу доброжелательства. Вот и мы знаем, что охранив, подобно Красному Кресту, все творческие ценности человечества особым Знаменем, мы вытесняем этим порядком и само понятие войны. Если весь мир покроется Знаменем охранения сокровищ истинной культуры, то и воевать и враждовать будет негде.

Были голоса, замечавшие, что зачем мыслить об охранении, когда проще, казалось бы, вообще прекратить войну. Но в то же самое время, когда такие голоса были слышимы, уже новые сокровища человечества разрушались и земля покрывалась новыми стыдными знаками. Итак, будем же, прежде всего, священно охранять творческие сокровища человечества. Прежде всего согласимся на самом простом, что, подобно Красному Кресту, Знамя в значительной мере может призывать человеческое сознание к охранению того, что, уже по свойству своему, уже принадлежит не только нации, но всему миру и является действительной гордостью человечества.

Нам могут сказать, почему мы мыслим о войне. Но ведь никто и не говорил, что Знамя нужно лишь во время формально объявленной войны. Ведь принцип охранения человеческих сокровищ нужен и во многих других случаях всевозможных потрясений. Действительно, не одна война, но многие другие потрясения и конвульсии человечества почему-то особенно яро обрушиваются на памятники культуры. Можно привести бесчисленное множество печальных примеров.

Кто-то сказал, что при дальнобойных орудиях Знамя не может быть охранителем. Но ведь и Красный Крест так же точно не может быть зрим физически на далеких расстояниях, и тем не менее никто не будет отрицать высокую гуманитарную полезность учреждений Красного Креста. Конечно, не забудем, что во время учреждения Красного Креста находилось много бездушных критиков, возражавших против этой высокочеловеческой идеи, но такое невежественное осуждение свойственно при каждом нововведении. Не забудем, что великое открытие Эдисоном фонографа некоторые академики считали шарлатанством.

Итак, не будем обращать внимание на тормозящие доводы, ибо Красный Крест, благородно полезный, достаточно показал, что даже при дальнобойных орудиях, и при воздушных атаках, и при газовой бесчеловечности понятие Красного Креста осталось высоконужным и неоспоримым. Когда повозка Красного Креста мчится во спасение по улицам, то движение приостанавливается, ибо всякий понимает, что поверх обыденности случилось нечто, требующее экстренных мер. И сейчас среди смятений человечества уже звучит СОС. Лучшие умы приходят к мыслям о необходимости широких мер для умиротворения и разоружения. Но одно телесное разоружение не поможет. Нужно разоружиться в сердце и в духе. И вот мировое Знамя-охранитель истинных сокровищ человечества поможет широко

напомнить о том, что должно быть свято охранимо, как вехи и залог для светлого будущего. Школьники от малых лет должны твердо помнить, что там, где знамя-хранитель человеческих сокровищ, там должно быть приложено особое сбережение, особая забота о достоинстве и дружеское сотрудничество во Благо! Так же как Международный Трибунал Справедливости в Гааге, так же как идея почтового всемирного союза, так же как Красный Крест, в существе своем наш Пакт и Знамя не представляют никаких международных затруднений. Наоборот, Пакт призывает к еще одному сотрудничеству. Зовет к осознанию и к каталогированию религиозных, художественных и научных ценностей и к поднятию культурного взаимоуважения.

Нам нечего опасаться, что военные чины представят какие-либо непреодолимые затруднения. Как ни странно, но именно от военной среды нам не приходилось слышать никаких отрицаний, наоборот, все время приходится слышать голоса сочувствия и соображения о полной применимости Пакта. Даже такие неоспоримые авторитеты, как старейший маршал Франции Лиотэ, высказались совершенно определенно в пользу Пакта. Если вы ознакомитесь с письменными заявлениями таких военно-учебных авторитетов, как ген. де Ланньюриэн, уже вводящий лекции о пакте в военные школы, то еще раз станет ясно, насколько удобоисполнима гуманитарная задача та.

Правда, один ученый выразился, что Пакт может мешать военным действиям. Но ведь если Пакт не только помешает, но прекратит военные действия, то это будет лишь его несомненной заслугой. Ведь весь мир только и думает о прекращении смерто- и братоубийственных столкновений.

Люди глубоко понимают, что материальный кризис не может быть превращен в благосостояние одними декретами. Ведь сердце человеческое должно согласиться на разоружение и сотрудничество. И в этом общечеловеческом постулате все, что напоминает об истинной культуре духа, о творчестве, о строительстве, должно быть бережено и утверждено.

Мы имели многие тысячи сочувственных Пакту отзывов от высоких представителей человечества, от государственных и образовательных учреждений. Организации со многими миллионами членов почтили проект Пакта единодушными восторженными резолюциями. Музейная комиссия Лиги Наций также единодушно одобрила Пакт. Председатель Трибунала Международной Справедливости в Гааге состоит покровителем Международного союза Пакта, основанного в Бельгии.

Сейчас для меня необыкновенно знаменательна Конвенция в Америке. Из Америки произошли многие формулы мирного общественного строительства. Америка в своем необычайном в истории конгломерате всех наций уже не раз является поборницей мирных и гуманитарных идей. Потому я считаю, что как общественные массы Америки, так и правительство ее, выражающее высокий дух нации, активно поддержат Пакт и Знамя Мира, ибо это соглашение являлось бы еще одним звеном мирного мирового преуспевания.

Сердечно жалею, что в сегодняшний день не могу быть с вами, но всею силою сердца, всем дружелюбием заклинаю вас твердо и повелительно создать еще одну мощную опору для процветания творческих сокровищ духа. Я уверен, что правительство Соединенных Штатов, которому вы передадите резолюцию вашу, со свойственной ему сердечностью отзовется безотлагательно.

Если человечество признало Красный Крест для телесно раненных и больных, то также признает оно и Знамя Мира, как символ преуспевания и здоровья духа. Кланяюсь вам низко, от Гималаев, и прошу вас помочь символу здоровья духа человеческого.

Сердечно благодарю город Брюгге, благодарю Международный союз моего Пакта. Мне драгоценно сознавать, что медаль выбита во имя мира всего мира. Без этого желанного мира в конце концов эволюция человечества станет невозможной. Мне драгоценно, что медаль выбита в Бельгии и дана в Брюгге, с которыми у меня связаны глубокие воспоминания. Город ван Эйков и Мемлинга всегда был притягателен мне. Да и где же другой город в Европе, где бы сохранился весь живой уклад старины в такой неприкосновенности. Эта неприкосновенность Прекрасного именно так нужна при мыслях об охране сокровищ человеческого гения. Само Провидение судило, чтобы именно Брюгге стал постоянным местопребыванием нашего мирного союза. Освящение знамени нашего не случайно должно было произойти в соборе Св. Крови, во имя всей Мученической Крови, пролитой за Прекрасную Истину. Где объединяется столько высоких символов, там возникает истинная твердыня.

Помню, как в молодости первое поминание о Брюгге пришло мне от Вилле, звавшего скорее посетить Брюгге, до реставрации. Мы никогда не забудем посещений Брюгге. И колокола, которых нигде не услышишь; картины, как бы на местах их творения; улицы, хранящие следы великих послов прекрасного; стук деревянных сабо по камням мостовой; наконец, столетняя кружевница, манящая в каморку, чтобы показать свое рукоделие. Сколько чудесного и в великом и в малом! И когда писалась опера “Принцесса Малэн”, то именно карилльон Брюггских колоколов лег в основу вступительной темы. Посвящена была эта музыка мне, как выразителю образов Метерлинка и обожателю старого Брюгге. Ведь во имя Бельгии, во имя Брюгге я заклинал войну первого марта 1914-го года картиною моею “Зарево”. Сейчас облики Малэн и Брюгге в моих картинах живут в шести странах. В Риксмусеуме Стокгольма, в Атэнеуме Гельсингфорса, в Москве, в Киеве, в Париже, в Польше, в Нью-Йоркском нашем Музее, в Бостоне, в Чикаго и в далекой Небраске, в Омахе. “Башня принцессы Малэн”. Перечисляю, что помню, с двоякою целью. Первое, Комитет наш должен знать, где посланники мои о Бельгии, о Брюгге, о Принцессе Малэн, о Сестре Беатрисе. И сам я, вспоминая их, тку новую сердечную связь с Брюгге, с драгоценною Каплею Крови, творящей и оживляющей. Второе, каждый перечень многих стран нам напоминает о нашей ближайшей обязанности в отношении Знамени Мира.

Не только признать и обобщиться мыслью Знамени Мира должны мы. Мы ведь освятили Знамя на Святой Крови и тем поклялись вводить его в жизнь повсеместно, всеми силами. Ведь не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечными желаниями. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна “За Мир” наполняется ценными знаками.

А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны. Все, что мы все делаем, и есть служение Culture, человечеству и тем самым миру всего Мира. Поучительно видеть, какие именно новые и неожиданные элементы вовлекаются этими манифестациями в орбиту мышления о Culture. Поистине, многие из вновь заговоривших о Culture без импульса деятельности нашей и не заговорили бы о великом начале, не нашли бы времени помыслить о нем, заваленные массою обиходных дел и житейских соображений. Пусть даже не надолго некоторые из них обратят мысли свои к Culture, но все же, хотя бы временно, они помыслят о ней и тем приобщатся к сообществу строителей жизни. Драгоценно, что действия о Знамени Мира, о Culture не только не застывают, но приносят самые новые и неожиданные следствия. Дело Знамени Мира настолько разрастается, что всякое злобное противоречие с каждым месяцем становится все более неуместным, все легче отвергаемым.

В каждой правильной деятельности всегда приходит такой момент ее развития, когда она до известной степени становится как бы самодеятельною, уже

вне человеческих рамок и возможностей. Будем надеяться, что наш проект обновленной Культурной и мировой работы уже приходит в то состояние, когда жизненность его становится очевидной. Всем друзьям нашим в такой фазе развития проекта работа будет становиться легче и приятнее, ибо явится возможность постоянного благотворного посева, не затрачивая ценных сил на ненужные трения. Во имя этой устремленной и благой работы можем, поистине, приветствовать друг друга.

Пусть Знамя Мира, может быть, еще не развевается над всеми хранилищами творчества. Иду дальше, пусть оно временно пребудет внутри этих Учреждений, физическое его место не так уж сейчас безусловно, важно, чтобы росло и укреплялось его духовное значение. А для укрепления этого духовного значения и понимания, каждый может действовать по-своему в своей сфере. Мы опять приходим к идее бесконечной цепи, когда приобщившийся к благой идее берет на себя приобщить к ней хотя бы семерых друзей своих и таким образом это моление о Культуре и Мире, в быстро нарастающей прогрессии, безудержно входит в жизнь.

Нужен не столько еще один закон, сколько еще одно повелительное желание, одна народная воля всемирно охранить светочи человечества.

Таким образом, перед нами сейчас ближайшая двойная задача. С одной стороны, насаждая всюду Знамя Мира, мы будем, способствуя миру, вообще уменьшать само физическое поле войны. С другой стороны, вводя в школах день Культуры, мы, также внушая задачи мирного строительства, будем возвышать и утончать сознание молодых поколений, утверждая его высокими примерами человеческого творчества.

Для дела, полезного миру и Культуре, вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал.

Прилагаю мое воззвание, которое по постановлению нашего Комитета в Нью-Йорке будет 27 сего декабря прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что собор Св. Крови и другие славные храмы Бельгии присоединятся к этому благому пожеланию нашего Комитета.

Поистине хотелось бы признательно сердечно напутствовать всех наших сотрудников:

“Каждый по-своему в своих возможностях, без промедлений и откладываний, в добрый путь!”.

Еще раз сердечно благодарю героическую Бельгию и славный город Брюгге за высококультурное выступление на Благо Человечества.

III

ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ПАКТА ОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И ЗНАНИЯ ПРИВЕТ!

Драгоценно мне было в минувшем году приветствовать нашу Первую Конференцию и следить за развитием и распространением в жизни Пакта о Сохранении Памятников Искусства и Науки.

В свое время мы предлагали этот проект на основе неоспоримых исторических данных, повелительно требовавших обратить общественное внимание на опасности, окружающие незаменимые сокровища творчества духа человеческого.

Со времени Первой Конференции не прошло и года, как из целого ряда стран поступили сведения о новых прискорбных и незаменимых уничтожениях как предметов искусства, так и книгохранилищ. Эти печальные знаки еще раз напомнили всем нам, насколько сама современность, сама жизнь требует обращения внимания на защиту Памятников Творчества Человечества.

При этом можно было еще раз убедиться, что хотя и военное время жестоко

угрожает Памятникам творчества, но и вне официальной войны, при прочих потрясениях человечества, эти Памятники подвергаются не меньшей опасности. Я очень рад был ознакомиться с мнением виконта Алэн д'Эрбе де Тюн, писавшего по поводу нашего Пакта, что Знамя Пакта, так же как и знак Красного Креста, не может быть обнародовано лишь при наступлении военных действий. Народное сознание, сознание целых армий должно узнать значение этого Знака и укрепить его в своем сознании, для чего требуется известное время.

Это совершенно правильное замечание еще раз подсказывает нам, насколько неотложно должно быть начато распространение сущности Пакта и Знака его в сознании народов. Ведь тем самым укрепится и обновится понимание исторических основ и созидательного прогресса. А такая строительная задача в отношении молодого поколения является поверх всего ближайшей обязанностью каждого образовательного деятеля и воспитателя.

Не будем скрывать друг от друга те необычайные кризисы и потрясения, колеблющие мировые основы. Не будем перечислять эти бедствия, ибо они известны каждому из нас. И не только известны, но и ощущаемы самым бедственным образом. Это уже не предположение, но уже трузизм. Потому мысль об охране основ высшей Цивилизации, высшей Культуры именно сейчас встает так необычно повелительно.

Все чуткие умы мира понимают серьезность настоящего положения. Только что выдающиеся умы заметили о необходимости построения нового Ноева ковчега ввиду несомненных опасностей, окружающих человечество. Об этих опасностях замечали все культурные водители. Из разных стран, при самых разных обстоятельствах приходили эти зовы Кассандры. А последующие события лишь подтверждали, что это не были безответственные глаголы.

Итак, мы видим, что каждый день, без преувеличения, подчеркиваю, именно не месяц, но уже день приносит новые фактические данные о необходимости собраться во имя Сохранения Сокровищ Творческого Духа.

Не может быть такой страны, которая бы заявила, что она не желает еще раз озаботиться сугубым хранением своих истинных Сокровищ. Не может быть настолько огрубевшего сердца, которое бы не желало понять, что государственный расцвет приходил вместе с расцветом высоких Начал Цивилизации и Культуры. Таким образом, не могу предвидеть, где же могут быть сознательные противники нашего общего желания процветания Цивилизации и Культуры, и прежде всего Охранения Памятников — Истинных Сокровищ Духа человеческого!

Чтобы решиться сказать, что мысли и заботы о Сохранении Прекрасного, а тем самым и о росте прогресса, не нужны, нужно сделаться тем варваром-разрушителем, который лишь иногда, в моменты упадка цивилизации, поднимал свой голос и руку. Итак, не будем говорить о противниках, ибо предпошлем, что мы живем не в варварские времена.

Значит, перед нами лежит задача лишь постепенного продвижения и внедрения в сознание народов мысли о неотложности и о необходимости обновления сугубой бережности ко всему творческому, созидающему, положительному. Разрушение и разложение утомили дух человеческий. Они внесли не только огрубение, но отупение, которое начало удовлетворяться лишь самыми грубейшими формами проявления.

В небрежении находятся Культурные начинания, ибо существует ошибочное мнение о том, что сейчас не время о них думать. Когда гремит СОС духа человеческого, тогда время думать и о спасательном круге, который вынесет опять ко временам Великолепного Расцвета.

Ведь мы оптимисты и понимаем, что стоит мышлению объединенно устремиться к Охранению и укреплению строительных начал, как и все остальное приложится. И самые трудные проблемы, разве не решались они именно основами высшей цивилизации и Культуры?

Сама история человечества за наши соображения. Кажущиеся препятствия и непонимания, пусть будут они лишь теми скрытыми возможностями, которые расцветают при одолении препон. Ведь во всяком случае мы не отступим от идеи сугубого Охранения истинных Сокровищ Духа. Мы хотим жить, и потому каждое омертвление нам противно.

И мы не одиноки в этом охранении, а тем самым и в накоплении пищи Духа. Перед нами письменные заявления многих тысяч лучших представителей Мира. Не буду вдаваться в перечисления, ибо какое же из этих прекрасных имен можно бы упустить, а упомянуть их все, как полное ожерелье ценнейших жемчужин, это значило бы написать книгу.

Конечно, эти книги и будут написаны. Имена вставших в первые ряды на защиту самого прекрасного, самого познавательного, самого ведущего и будут сохранены на ценнейших скрижалях. Человечество должно знать тех, кто более и заботился об истинном Расцвете Прогресса.

Вспомним историю возникновения Красного Креста. Этот высокий Знак скоро отметит семидесятилетие своего существования на пользу человечества. При этом, в назидание, позволительно будет вспомнить, как много непонимания к этой, казалось бы, общечеловечной идее было проявлено современниками доктора Дюнана. И тем не менее, несмотря на все пожимания плеч и сожалительные усмешки, идея человеколюбия была принесена в жизнь, и даже самые суровые критики не дерзнут сказать, что эта идея не дала замечательных последствий.

Есть особый вид людей негативного свойства, которые предпочитают говорить лишь о том, что они считают отрицательным. Но даже и эти своеобразные представители известных групп человечества не выскажут огульного порицания светлой идее Красного Креста.

История возникновения этого Учреждения должна быть очень изучена нами, чтобы применить ее во многих наших перипетиях.

Из истории Красного Креста мы видим, что Идея вошла в жизнь лишь вследствие неуклонного, несломимого, повелительно призвавшего действия всех соучастников-первоположенников. По счастью, ни насмешки, ни отрицания не внесли в ряды их губительного разложения. Пусть будет именно так же и в нашем случае.

Запомним одно, что во всяком случае мы не отклонимся от наших устремлений. Решительно ничто не сломит наших объединенных решений о вящем Охранении Памятников всего самого Прекрасного и Высокого.

Способы распространения и внедрения этой идеи в сердца народов, в сердца молодежи — наших наследников, чрезвычайно разнообразны. Они так же многообразны, как и сама жизнь. Потому, повторяю, решительно каждое предложение имеет под собою то или иное основание. Каждая мысль должна быть благожелательно заслушана, и сами обстоятельства покажут, что и в каком порядке возможно к быстрейшему проведению в жизнь.

Если мы говорим об охранении творчества, то тем самым мы допускаем и широкое мышление. Пусть в этом мышлении, прежде всего, живет и дружелюбие и доброжелательство. Во имя светлых строительных начал, во имя бережности ко всему самому лучшему и высокому, приветствую вас и уверен в дружном успехе, который достигнет Конференция Пакта Сохранения Памятников Искусства и Знания.

Самые сердечные пожелания шлю славному городу Брюгге, который бессмертно высится символом множества прекрасных имен. Приветствую благородные труды председателя нашего Союза Камилла Тюльпинка и всех сотрудников, мыслящих об Общем Благе. Приветствую героическую Бельгию, которая породила столько прекрасных творческих мыслей и Образов. Приветствую всех членов Конференции, друзей Охранения истинных Сокровищ человечества.

Конференция трудами и решениями своими знаменует светлый путь

созидательства, прогресса и Единения.

*Гималаи.
1932.*

IV

“НЕ УБИЙ”

Передо мною внушительная книга “Первая мировая война”. Издатели ее Саймон и Шустер, конечно, хотели показать все отрицательные моменты войны и ее последствий. Такие книги являются отличными показателями среди поисков и молений о мире. Если все эти ужасы произошли на наших глазах, в век цивилизации и великих открытий, то, значит, культура мировая очень потрясена.

Кроме текста, книга потрясает зрительными изображениями. Не будем перечислять эти позоры человечества. Достаточно взглянуть в глаза голодающего ребенка, чтобы почувствовать, в какую бездну ведет одичание и озверение. Позорные разрушения величественных памятников гения человеческого также вопиют к сердцам, еще не окаменевшим.

Такая книга белеет на столе, как наше Знамя Мира, которое будет обсуждаться на конвенции в Вашингтоне. Чем больше книг, чем больше знаков напоминания, тем более содрогнется сердце человеческое и помыслит о ближайших мерах к охранению достоинства, к охране печати века. Ибо что же может быть позорнее для этой печати века, как не потрясение культуры, во всем ее великом значении.

Мы должны быть признательны всем, кто теми или иными знаками старается ограничить поле убийства и разрушения. Правда, мы содрогаемся, смотря некоторые страницы книги “Великой войны”, но тут же восклицаем: “Пусть школьный учитель, показывая ее ученикам, скажет: “Да не повторится!”. Сколько ужаса вошло в жизнь, нарушив устои и моральные и материальные, что неотложно должны вспыхивать показатели на гибельных местах, от которых должно уйти человечество — если оно то человечество, которому были даны заветы добра.

Но чтобы учитель имел право не скрывать от детей ужасы, он должен покрыть каждую страницу ужасов десятью томами об истинных героях человечества. Должен прекрасно сказать о тех, которые кровью сердца своего защищали светлые основы строения и просвещения. Потому каждый издатель, показавший ужасы, тем обязывается дать и лучшие изображения светлых героев и водителей человечества.

В трудные дни особенно вспоминаются заветы жизни. Среди них встает один из самых кратких и самых повелительных: не убий. Среди тысячелетий протекшей жизни многократно на разных материках духовные водители человечества терпеливо напоминали об этом ближайшем устое жизни. Ведь именно эта заповедь имеет в виду бережливость к жизни, к этому величайшему дару самоусовершенствования. И опять посылался этот планетарный приказ, но опять кузнецы всего мира ковали мечи и копыя, предполагая именно нападение и убийство.

Написаны бесчисленные книги против телесного убиения. Со всевозможных сторон показано было, насколько этот жестокий акт не входит в достоинство человеческое. Если бы собрать все изречения, образовавшиеся вокруг этого понятия, то какой поразительный венок мы бы увидели, и на каждом листе его сверкали бы слезы человечества всех веков и народов.

Но в смуте жизни сделалось даже неприкрытым и стыдным само упоминание этой заповеди. Из упоминающего будет сделан бессильный пацифист самого извращенного смысла. Говорящий о заповеди этой окажется если не умалишенным, то, во всяком случае, человеком подозрительным, как бы желающим низвергнуть основы современного быта. Действительно, если когда-то в древности убийства исчислялись тысячами, то в наше “просвещенное” время число убийств превышает многие миллионы. Если когда-то охотники с примитивным луком и копьем убивали

немногих животных, то сейчас на одних скотобойнях в Чикаго убивается несколько десятков тысяч животных в кратчайший срок.

Если же вы, хотя бы со всеми научными данными в руках, заикнетесь о преимуществах и питательности вегетарианской пищи, то вы опять-таки будете заподозрены как бы в каких-то антиобщественных устремлениях. Среди цивилизованного и даже твердящего о культуре человечества кровь является чем-то очень питательным, и до сих пор находятся невежественные врачи, предписывающие кровяное мясо. При том все, что вы будете говорить о крови, о мясе, о жестоких забавах охоты, или о так любимых толпою зрелищах казни, все это будет допущено как вполне приличный разговор в гостиных высокого общества. Прикусывая засахаренный бисквит и умывая губы в знаменитой чашке чая, вы можете, улыбаясь, рассказать о том, что при такой-то казни не только все места, но даже окна и крыши домов были заполнены желающими приобщиться к такому редкому зрелищу. И если вы будете говорить без явной критики, то общество очень охотно присоединится к этому разговору и многие добавят самые неожиданные подробности.

Итак, вместе с количеством заветов против убийства вырастает и само количество телесных убийств от мала до велика, от животного до человека; многие современные мудрецы вам скажут: “Таков закон жизни”. Когда же вы начнете возражать, приводя неопровержимые заповеди, то ваш премудрый собеседник скажет: “А все-таки молоды вы очень”, точно бы, по его мнению, старость должна быть признаком кровожадности и жестокости.

Жестоки дела мира сего. С одной стороны, люди пытаются найти всевозможные средства для продолжения жизни, а с другой, они так же быстро изобретают губительные орудия, смертоносные газы, которые помимо жизни человеческой отравляют всю планету и причиняют вред гораздо больший, нежели цивилизованное современное сознание хочет допустить. Это все говорится о телесном. Но не забудем, что, кроме телесного, мы должны иметь в виду дух человеческий, сознание, мысль, которые управляют миром. Об этом множество философов всех стран и веков и писали, и говорили, и в подтверждение своей истины шли на костры и на плаху.

Но сейчас ожесточение мира дошло до такой степени, что говорить об извращении и растлении духа будет сочтено просто ханжеством дурного тона. Действительно, где же люди сейчас могут слышать о живой этике, об очищении сознания, о дисциплине мысли? В церквях об этом говорят мало, и живо у нас у всех в памяти, как именно в церковь вносили пушки для благословения. В школах нет предмета этики, а ведь такой предмет во всей его живописной историчности был бы одним из самых увлекательных. Этика духа, учение о сердце имеет за собою прекраснейшую литературу во всех веках. Но ведь не принято читать эти летописи. Не принято в характерном слоге древности искать жизненность, нужную нам и для сего дня. Для нас, обуянных бесцельною быстротою, телесным соревнованием, досуг ли восхититься красотой издревле завещанных образов?

Переселив наше сознание на базары, на биржи, на стадионы, на всевозможные гонки и перегонки, мы просто утрачиваем понимание, в чем же заключается то самоусовершенствование, для которого мы вообще оказываемся в этом земном мире. Можно пробежать быстрее своего соседа. Можно пролететь быстрее птиц, но можно пожрать своего соседа кровожаднее тигра. Ожесточение породило то необыкновенное отрицание, которое уничтожает человеческие достижения. Нам приходилось упоминать слова британского инженера-изобретателя о том, что человечество не готово для принятия больших механических открытий. И Уэллс, не ввиду триумфа культуры, еще недавно советовал строить новый Ноев ковчег.

По правде говоря, среди семейной жизни, среди школьных занятий, среди работ общественных преподается много уроков жестокости. А взамен так скудно и скучно повторяется иссохшее в сердцах человеческих: не убий! И в теле люди как-то

перестают понимать, что это значит — не убий, какой высший смысл имела эта суровая в своей краткости заповедь.

Когда же дело доходит до убийства духа, до омертвления сознания и сердца, то тут наш современный словарь приходит в совершенное расстройство и вообще оказывается мало пригодным. Но кризис мира, повторяю, не на базаре, но в сердцах наших. Пока люди не поймут, в чем заключается предуказанное самоусовершенствование, они не в состоянии оценить всю практичность приказа не убийства не только тела, но, главное, духа.

Какие-то темные проповедники кричат: “Долой культуру, долой героев, вождей, учителей!”. Но ведь через эти обновленные понятия может войти устроение и улучшение жизни.

Ожесточение в конце концов приводит к обнищанию, к вечному недовольству, при котором даже и богатство кажется бедностью. Жестокость делает сердце тем камнем, который мы стараемся бросить в ближнего, вместо того чтобы сердечным светом сотрудничества осиять соседа. В сотрудничество никак не войдет понятие убийства, ибо в нем будет необходима не смерть, но жизнь. И вот в трудные дни мне хочется приветствовать друзей на том благом сотрудничестве, которое приведет нас к взаимопониманию смысла самоусовершенствования.

Всегда, когда мы будем произносить великую заповедь “Не убий”, будем ее понимать не только в телесном, но, главное, в духовном значении. Это последнее значение обратит наше внимание на сердце и поможет понять великую заповедь не только в тесном земном смысле, но и во всем великолепии всех прочих миров.

Сотрудничество, познание, укрепление и оживление духа опять даст миру тех героев, о которых тоскует сердце человечества.

Гималаи. 1933.

V

“АНГЕЛЮС”

В далеких Гималаях бегун-почтарь, с копьём, с бубенцами и рожком, приносит почту. Нью-Йоркский “Таймс” от 12-го августа — ровно месяц в пути и ровно год с нашей Первой Конференции в Брюгге.

В “Таймсе” телеграмма из Брюгге об успехе Второй Конференции нашего Союза об Охране памятников Искусства и Знания. В этой же газете на ближайшей странице следующее сообщение из Парижа — привожу его целиком во всей наготе:

“Безработный разрезал произведение Миллэ в Париже. Механик порезал “Ангелюс” в Лувре, чтобы привлечь внимание к своему бедствию. Париж 11-го августа. Пьер Гилар, тридцати одного года от роду, механик, недавно потерявший должность в Электрической компании, нанес ножом три пореза знаменитой картине Миллэ “Ангелюс” в помещении Лувра.

Он сделал это, по его словам, чтобы обратить внимание на свое бедственное положение. Управление Лувра заявляет, что реставрация холста будет сравнительно легка, ибо на нем лишь три пореза. Один под рукою молящейся женщины, другой через бедро крестьянина, обращенного к ней, и третий, длинный прорез между этими фигурами.

Гилар совершил свое нападение неожиданно и вначале сопротивлялся служителям, прибежавшим обезоружить его. В конце концов он сдался и был уведен. Министерство образования и изящных искусств начнет процесс против него.

“Ангелюс” является самым знаменитым произведением Миллэ и считается одним из наиболее прославленных произведений Мира. Оно написано в 1858-59 гг. и одно время было собственностью американского собирателя. В 1910 оно было вновь приобретено французским негодяем Шошар, поднесшим его нации”.

Итак, именно во время Конференции о сохранении Памятников Искусства

изуродовано одно из самых гениальных произведений. Еще раз понятно, почему так настоятельно и неотложно нужно всемирное признание охранительного Пакта. За последние годы убеждаемся, что вовсе не одна официально объявленная война угрожает незаменимым творениям человеческого гения. Не одна война, но ползущее варварство и одичание в той же, если не в большей мере грозят лучшим памятникам творчества.

Не в шкурах пещерных, но в смокингах сидят “джентльмены”, бесстыдно восклицающие: “Долой культуру”, безнаказанные в своем губительном бесстыдстве и невежестве.

Довольно всяких Геростратов! Записываем имя безумца механика как самое стыдное клеймо, но не для отягощения страниц истории. Преступное одичание обращается прежде всего на наиболее возвышенные и совершенные творения. Невежество пытается уродовать самое лучшее — в этом страшная печать тьмы.

Поистине, нужны самые проникновенные всемирные меры, чтобы обновить традиции культуры. Пожелаем от всего сердца, чтобы вновь образовавшаяся Всемирная Лига Культуры действительно всемирно просветила новым, благотворным светом все ожесточенные, обуйные, затемненные сердца.

На горных полях сейчас убирают ячмень, несутся переливчатые песни труда, и еще больнее думать, что такой трогательный и торжественный апофеоз труда, как “Ангелюс”, изуродован рукою темного безумства преступного. Нет оправдания! Есть ужас перед одичанием, перед хаосом тьмы!

Больно звучит сообщение, что картина может быть сравнительно легко восстановлена. За долгие годы собирательства и экспертизы знаем, что значит инвалидная картина. Какое множество таких неизлечимых инвалидов пришлось осмотреть и сожалеть о неизбежных последствиях, которые рано или поздно дадут о себе знать. Нет такой реставрации, которая через вековой срок не обнаружилась бы вследствие разницы материалов. Сколько трещин непоправимых, сколько порезов нанесено невежеством. Сколько самого ценного стерто, испепелено варваром уничтожателем. Как бы ни был заклеен, замазан и укрыт под толстое стекло “Ангелюс”, все-таки он будет инвалидом, и следы преступного нападения встанут, обнаружатся, как язвы стыда современности.

Не обвиним хранителей. Преступная рука дотянется всюду, если мозг и сердце прониклись преступностью. Но от первых детских лет должно быть сказано и в семье, и в школе, в чем заключаются истинные мировые духовные ценности. Если мы будем сознавать, что древний Китай и Египет больше нас почитали творчество, то это будет очень плохим сознанием. Механик изуродовал “Ангелюс”. Не знаменательно ли это? Не напоминает ли это о различии механической цивилизации от культуры? Слава Богу, что такой “механик” не сродни всем истинным строителям, исследователям и улучшителям жизни.

Еще недавно слышали мы и о погибших Гойя в Испании, и о гибели ценнейшей библиотеки в Шанхае, и о многих варварствах. Говорят, гнев народный! Но почему же он обрушивается на прекрасное, а не на безобразное?! Стыд, стыд!

По всему миру начали праздноваться “Дни Культуры”. Это хорошо. Пусть они будут истинным почитанием Света, Красоты и Знания, которые опустят руки варваров перед созданием прекрасным.

Говорить ли о значении Знания и Красоты? Не трюизм ли? Но действительность во всей ее неприглядности заставляет бесменно и неустанно молить об утверждении культурных основ. Вместо вечерни труда во всей ее торжественности и строительности может наступить вечер зарева разрушения. Сами видите, что может наступить, несмотря на все “Олимпийские игры”, которые в отличие от античных тоже иногда кончаются кулачною, дикой расправой.

Та же газета, что известила об изуродовании “Ангелюса”, сообщила и о конференции двадцати трех стран о сохранении памятников искусства и знания. Пусть все Лиги, Институты, Музеи, Общества, Учреждения, Конференции,

Конвенции растут и множатся, чтобы просвещением вытеснить все ужасы невежества и тьмы.

Сердце, слышавшее о просвещении, не поразит “Ангелюс”.

Гималаи. 1933 г.

VI

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о 800 тысячах безработных в одном этом городе. В Штатах число безработных превысило двенадцать миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошел во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование Метрополитен-Оперы находится в опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях просветительных учреждений, но и о многомиллионных потерях таких людей, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожителейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение еще одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запыленные знамена духа, чтобы противопоставить очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как не теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, еще не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и, на основании всех исторических примеров, указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошел, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: “Деньги потеряны — ничто не потеряно, но мужество потеряно — все потеряно”. Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить; и пострадавшие и, почему-то, мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то еще более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем Святилище Сердца. Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни еще большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своем голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о Культуре, как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться мирозерцание юношества, если оно будет слышать и в школах, и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Это ужасное “нельзя”, “не время”, “невозможно” приводят молодое сознание в

тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потемки сердца, если они, так или иначе, были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве. Каждый воспитатель знает, что основы мирозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит о том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и сердце четырехлетнего, шестилетнего ребенка!

Каждый, наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребенком. Но, кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие все равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребенка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями. Не пустыми надеждами, ибо идеализм, повторяю, не в туманной пустоте, но в том непреложном, что может быть доказано историками, как самая точная математическая задача.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезнейших открытиях, и о всем светлом Благе, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, пораженные последним газетным сообщением, пораженные тем, что в, казалось бы, богатейшем городе городскому управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод. Повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только не далеко от истины, но, по существу, оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эти сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приводя отчет аэропланов, посланных в пораженные катаклизмом местности: "Ничего не видно". Действительно, из многих мест земного шара "ничего не видно". А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим еще большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра в зловещих пророчествах (которые в случае Кассандры оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, подымает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем Знамя Охранения Культуры! Вспомним о предложенном еще в прошлом году Всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлую вестью могут зажечь молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге Молодежи и хотя бы об одном Дне, выявляющем Сад Прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит все то сознание, которое расшатано общественными и семейными невзгодами. Чаше нужно говорить о спасительном, творящем, вдохновляющем начале.

Воспитать это не значит только дать ряд механических сведений. Воспитание, формирование мирознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечем всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние? Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкою черепа. Значит, и нам самим

нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры, как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечет реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество. Если мы видим на всех примерах жизни нужность известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры.

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Culture когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжело раненым светло горит Знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть Знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного Знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно рано или поздно придется очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, Знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь свое недостаточное историческое образование. Но если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о Culture настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьезной опасности на корабле следует команда: “Действовать по способности”.

Вот и сейчас, мысля о Culture, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, т. е. положим все силы наши во славу неотложного в своей живоносности творческого понятия Культуры.

“И свет во тьме светит и тьма его не объят”.

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного. Пусть сияет Знамя Мира!

1932.